

Наталья Мазуркевич

ПОЛЕВАЯ ПРАКТИКА, или КИКИМОРА НА ПРИРОДЕ

Предисловие,

которого не должно быть

— Ну вот за что? За что мне такое наказание? — громко, чтобы никто не усомнился в моем горе, кричала я, помахивая измятым клочком бумаги. Только что полученная работа мерцала самой дурной оценкой из всех существующих. Четверка насмешливо подпирала рожками заголовок моего ответа. — Ну как он мог? — Я пнула стену, но получилось скорее наоборот. — Уй...

Рядом, не вмешиваясь в процесс моего страдания, стояла наша честная компания. Хорошо им, они на боевку не пошли и от такой чести сбежали. А я... Ну что мне теперь делать? Если узнают свои (а эти зеленые не преминут сдать, как стеклотару), стыда не оберусь. А все он...

Всякое расположение к Альтару исчезло за стеной негодования, что воздвиг он сам, поставив мне четверку. Нет, я бы еще простила, если бы там пятерка сияла или горделиво высился кол. Да даже двойка — и та идеально гармонировала с моим кривым почерком. Тройка! Даже ее я бы сумела объяснить. Но четверка! Он нарывался. Нарывался и знал об этом.

Я припомнила ехидную улыбку мага, когда в конце пары он положил передо мной работу оценкой вниз. Знал, что ничего хорошего о себе не узнает, потому-то и скрылся в дверях, не дав никому даже слова вымолвить.

Не прощу! Вот как есть не прощу! Отомщу! А потом еще! И еще!..

Видимо, с кровожадностью я переборщила: даже опытные болотники дрогнули и отступили на шаг.

— Данька вышла на тропу войны, — хихикнула Кира и быстро смолкла, поймав мой взгляд. А я что? Я же поблагодарить за поддержку хотела. Единственный солидарный человек — и тот иномирец. Ой, а я... я же сама такая!

Глава 1

Учебно-методическая, или Как сдать

От сессии до сессии живут адепты весело,

А сессия — авось и пронесет!

Нет в жизни студента ничего более определенного, чем сессия. Мы знаем, когда она настанет, знаем, что мы будем делать (страдать!), но не знаем одного: сдадим ли все экзамены. Это то самое, неопределенное, со страхом которого бедным адептам приходится существовать всю свою учебную жизнь. Обычным адептам.

Мы, болотники всех мастей и илистых слоев, являли собой завидное исключение, которое готовилось к предстоящим экзаменам, потирая ручки и проверяя вместительность карманов. Мануфактура имени Бодрой Жабки, зарегистрированная в торговой гильдии и получившая номер одна тысяча семьсот третий, изнывала от нетерпения. Наш гендиректор и идейный вдохновитель Трейс ходил по общаге, загадочно улыбаясь и показывая тайные знаки бледнеющим и худеющим однокурсникам. Сам болотник хорошел на глазах, точнее — на деньгах, которые текли к нему рекой, несмотря на все ухищрения деканата.

Оглядевшись, никто ли за ним не следит, что было больше показухой, чем реальным приемом обнаружения хвоста, болотник постучал в нашу комнату. О том, что именно у нас располагался основной цех подпольного шпорописания, знали все. Даже декан заходил с инспекцией, но ничего так и не нашел. Вита же не просто так звалась мудрейшей Бабой-ягой, с ее маскировочными чарами никто не мог поспорить. Разумеется, из тех, кто хотел. В том, что почтенная магистресса прикладного ядоделания в два счета нас расколует, не сомневался никто. Поэтому вот уже вторую неделю Трейс исправно ходил к ней на поклон и сообщал имена тех нанимателей, кто намеревался списывать.

Чего греха таить, даже мы собирались его сдавать. А потому, кроме чужих шпор, часами заседали с конспектами по ядоделанию. Этот предмет было решено сдавать здесь. Все же, по словам Виты, магистресса была куда добрее наших болотных преподавателей, при мысли о которых у меня начинали трястись поджилки.

— Проплазь! — крикнула, не оборачиваясь, Вита. Она сверяла свою «идеальную» шпору, по которой нам предстояло писать остальные, со своим же конспектом.

Трейс с трудом приоткрыл дверь и протиснулся в образовавшуюся щель. После упал прямо на пол.

— Чего так туго идет? — не поднимаясь, предпочитая пока подышать пылью и попялиться в потолок, поинтересовался он.

— Да были тут всякие, — отозвалась наша главная и шикнула на соратника: — Отвлекаешь!

Трейс благоразумно заткнулся, не желая выплачивать компенсацию пострадавшим, ежели Вита сейчас допустит ошибку. Потому, отдышавшись, он тихонько-тихонько пополз в мою сторону и (вот наглость!) попытался залезть на кровать.

— Ты грязный! — отпихивая его со своего жизненного пространства, воскликнула я, готовая до конца защищать чистоту кровати. Учитывая, что заправлять ее я не любила, грязный Трейс мог нанести ощутимый вред моим простыням. — Стирать отправлю!

Эти два банальных слова сотворили чудо. Стирать болотник не любил, и еженедельная стирка превращалась для него в настоящее испытание. Он ходил, стонал, подпирал углы, едва ли не плакал, пытаясь найти сердобольную девушку, которая освободит его от постирочной повинности.

Простой способ, известный всем ленивым, но состоятельным адептам, ему не подходил: расставаться со своим золотом болотник не желал, а потому... Огорчению его не было предела. Больше, чем стирать, Трейс не любил только стирать в одиночестве. А к тому времени, как он наконец собирался с духом, все уже заканчивали водно-мыльные процедуры и усталые возвращались в свои комнаты.

— Нехорошая девочка, — недовольно выдавил из себя Трейс, но вскоре утешился: предстоящая прибыль успокаивающе действовала на его натянутые нервы. — Плюс семь к шпорам по Дитмару...

— Еще семь? — удивилась Вита, откладывая в сторону конспект. — Он же все шпаргалки нейтрализует. Зачем только тратятся? Ничему их история не учит.

Заядлых списывальщиков история и правда ничему не научила. На памятной контрольной, устроенной Дитмаром в недалеком прошлом, карманы, чулки и даже парики пылали ярким синим пламенем справедливости, выдавая места с запретными письменами. Джейс с Трейсом только плечами пожимали: прятать шпоры — не их работа, а коль списывать не умеешь — стоит ли браться?

Тем не менее уже к следующей проверочной у наших дружелюбных стен вновь собирались желающие и шепотком просили поспособствовать. Жалость пришлось запихнуть подальше, ибо когда сердобольная я пыталась отговорить одного из бедняг, Трейс обнял меня за талию, приподнял над полом и утащил в комнату. Чтобы бизнес вести не мешала, как он выразился.

— А разве это плохо? — усмехнулся болотник. — Дитмар нам, кстати, уже рейтинг выставил. Так что можете вздохнуть спокойно.

— И сколько? — поинтересовалась Вита. Яды были единственным предметом, способным вдохновить ее на ночные бдения с конспектом.

— У тебя — пять! — поздравил кикимору парень. — Нам с братом четверки достались. А вот Кира плачет: не любит ее Дитмарчик, трояк выставил.

— А мне? — не услышав собственной оценки, напомнила о себе я.

— Сядь, — предупредил болотник, прежде чем говорить. И только когда я уселась, обняла подушку и, затаив дыхание, уставилась на Трейса, он снизошел: — Ты не сдаешь.

Наверное, в этот момент мои глаза и рот стали анимешными. Большими и широко раскрытыми. Вита присвистнула и одобрительно хлопнула меня по плечу.

— А почему? — Я не нашла ничего лучше, чем выдавить эти два невразумительных слова.

— А я почему знаю? Я рейтинг не составляю, — развел руками болотник и поведал: — У тебя последняя контрольная на пятерку, и там еще приписка какая-то была в его пометках. Я не разобрал, но сдавать тебе не придется.

— Странно это, — проговорила я, почесывая макушку. Зачесалась она как-то внезапно и остро: к чему бы это?

— И не говори, но представь, как тебе завидовать будут! Даже Вита сдает, а ты — нет!

— Угу, неисповедимы пути Дитмара, когда он рейтинг считает, — подтвердила протиснувшаяся к нам Кира. — Тоже видели?

— Что? — не поняли мы.

— Общий рейтинг. В холле у расписания и перед столовой повесили. Нам же практика предстоит, вот они и показывают примерно, что кому достанется и кто присматривать будет.

— А...

Практикой болотников было не удивить: мы заранее знали, что отправимся в любимый и родной Семиречинск. Кира, будучи официально принятой в наше братство шпорописателей, должна была поехать с нами. Единственное, что ускользало от нашего коллективного дара предвидения: кого из преподавателей отправят с нами. Каждый год кураторы менялись, и предсказать, кого сейчас нелегкая дернет с нами поехать, не смог даже городской оракул. Пришлось ему деньги возвращать: с Трейсом шутки плохи, а обтекаемые формулировки из ряда «уважаемый человек» или «известный вам субъект, пользующийся доверием деканата» никак не могли устроить притязательного болотного предпринимателя.

— И?..

Никто не стал произносить вслух волнительный вопрос, но Кира уже и без того понимала всю компанию с полуслова.

— Кураторов пока не распределили, но в этом году в списке есть Дитмар и его высочество, — насмешливо глядя почему-то на меня, сказала Кира.

— Лучше лосиный принц, чем ядовитый герцог, — тихонько, чтобы за дверью, если что, не услышали, вынес вердикт Трейс.

Вита хмыкнула, но от уточнений воздержалась. А вот мне стало интересно: чем Альтар заслужил одобрение нашего ушлого болотника, если его предпочли любимому мэтру? Спрашивать подобное было не с руки, и пришлось отложить свой интерес до лучших времен.

— Лучше — Января, — высказала свое мнение Кира.

— С чего ты взяла? — Трейс решил, что стоять в проходе недостойно джентльмена, и уселся прямо на ковер. Ну и ладно, все равно предупредить, что на его черных брюках обязательно останутся белые следы, я не успела. А Вита... кикимора была на редкость простодушна сегодня: сам не заметил — сам и виноват.

— Она — женщина! — выложила свой главный аргумент Кира и присела на спинку кровати.

— Эй, не порти мне мебель, она и так на ладан дышит! — не сдержалась я, начиная подозревать заговор. Вот уж действительно: то Трейс норовит пододеяльник испортить, то Кира развалить всю конструкцию... Как есть заговор.

Кира готова была уже возразить, но Вита ее прервала:

— Приступаем, девочки. — Болотница протянула мне сверенную идеальную шпору и кивнула в сторону шкафа. — Трейс, останешься?

— Как-нибудь в другой раз, — припомнив, сколько у нас заказов на Дитмара, мгновенно среагировал болотник, исчезая за дверью. — Я после ужина зайду, — пообещал он от двери и шустро ускакал в город.

— Вот такие они непостоянные, эти мужчины, — заметила Вита, потянувшись и первой шагнула в наш подпольный цех.

Во втором часу ночи жизнь кажется прекрасной, даже если ты пропустил ужин. Сладко обнимая ножку стула и чувствуя, как по щеке сползает холодная капля, ты понимаешь, что не так уж и ужасно провел день. Ведь если бы не утомительное переписывание одного и того же, ты никогда не познал бы великое наслаждение спать прямо на полу.

Судя по характерным звукам, не одну меня сморило в процессе подготовки товаров первой необходимости для адептов. Кое-как продрав глаза, я села и поправила на столе упавшую на бок чернильницу, молясь, чтобы жидкость, стекающая у меня по щеке, не имела ничего общего с содержимым склянки. Увы, удача в очередной раз была на стороне всяческого западло, и зеркало показало мне мой новый перманентный макияж.

Вот уж поистине карма: если не прическа, то само лицо являет образец стараний непризнанного гения тату-арта. Переступив через Киру, которой закономерно повезло больше и чернил на нее не хватило, я выбралась из нашего цеха и шагнула в комнату.

Часы уверенно показали четверть третьего и с неодобрением пискнули, как будто имели что-то против вымазавшихся по самое не хочу кикимор.

— Предатели! — хмыкнула я, зевая. Сон все же не хотел отступать, и для меня стало откровением, с чего это я вдруг вообще проснулась среди ночи, когда все остальные спокойно дрыхнут и проблем не знают.

Позевывая, но стараясь лишний раз не прикасаться к лицу, чтобы еще и руки раньше времени не испачкать, я подошла к окну.

Ничего сверхъестественного не происходило. Темно, как и положено в это время, звезды всякие на небе, луна полная и желтая, как цыпленок, холодно, раз уж наши иномирцы так ежатся. Еще бы им не зябко было: кто в чем выскочил! Пижама, шорты, ночнушка, полотенце на голове, кто в тапках, а кто и без. И чего это они слет ночнушников устроили? А если и захотели флешмобиться ночью, почему не позвали Киру? Обидится же, до сих пор с иномирской общиной не порвала: ходит к ним на тортик, шоколад иногда приносит.

Я даже позавидовала однажды, когда она с пачкой писем от родни пришла. Но не идти же сдаваться властям, требуя права переписки? А то больно мне это тюрьму напоминает. Разве что размеры у Академии побольше, но для иномирцев, которых все еще большинство игнорирует, то еще удовольствие здесь быть. И как только согласились? Или тоже, чтобы отвязаться, как я тогда?

Любоваться на медленно коченеющих однокурсников было сомнительным удовольствием, да и чернила требовали к себе внимания, потому пришлось отчаливать от окошка и идти в ванную.

Еще раз порадовалась, что у нас комната дорогая, а то топтать по коридору с этой мазней — засмеют и правы будут. Дверь открылась без скрипа, заставляя меня порадоваться хозяйственной соседке, и я принялась отмываться.

Макияж никогда не был моей сильной стороной, и совершенно логично предположить, что со средствами его снятия я была знакома только понаслышке. Но теоретически знаю — значит, должно получиться!

Поковырявшись в баночках-скляночках, я вознесла хвалу Январе, Дитмару и даже ужасному ботанику, чьи занятия теперь проходили мимо меня, что заставляли нюхать ингредиенты и учили, как это правильно делать. А то ядодел, как тот же сапер, ошибается только раз.

Обнаружив-таки любимейший гель Виты, которым она грим смывала, я рассудила, что чернила можно условно приравнять к прочей краске для лица. Вылила чуть-чуть геля на ладонь, выдохнула и принялась размазывать по лицу, предусмотрительно зажмурившись.

Чтобы я еще хоть раз так лопухнулась! Нет, чернила-таки сошли, пусть и доставило мне это измывательство пару пренеприятных минут, но гель подействовал. Только вот инструкцию я прочитать не удосужилась, думала, что все просто. Ага, просто. Если бы все так просто было, Вита бы не задерживалась на час в ванной, чтобы косметику снять!

Я брызнула водой себе на лицо, чтобы хоть как-то избавиться от сухости. Складывалось впечатление, что гель этот использовался не только для снятия макияжа, но и для снятия кожи. Наносишь и сдираешь скальп — быстро и без проблем. Но мне-то что с этим делать? Всю ночь под краном сидеть, чтобы постоянно вода была?

Пожалуй, это был бы самый разумный исход косметического приключения, но где наша не пропадала? Рассудив, что хуже уже не будет, я принялась шерудить по оставшимся склянкам. Ведь не может быть, чтобы не было антидота? Ведь ни один нормальный отравитель не будет держать в своем хозяйстве нечто, против чего у него нет противоядия!

Обнадежив себя таким образом, я продолжила поиски. Успех моему предприятию не предрекал никто. Даже я после двадцать седьмого флакончика отчаялась, но двадцать восьмой стал для меня поистине чудом.

С облегчением, которое добавило мне рвения, лицо было смазано, и пустыня начала отступать. Сначала оазисом стал нос, что доказывало его способность улавливать все изменения, после очухались щеки, и так постепенно стягивающая сухость схлынула.

Блаженно выдохнув и укрыв личико в полотенце, чтобы оно хоть немного согрелось после длительного свидания с холодной водой, я аки ниндзя отправилась досыпать в кровать. Аки, ибо, стукнувшись об угол кровати, огласила всю округу криком, сорвавшим бы всю маскировку.

Сон не шел: то ли имел что-то против скрещенных на груди рук, то ли решил поддержать бодрствующих иномирцев, но даже подремать мне не удалось. Дальше закрытых глаз процесс не шел, и я решила позаниматься едва ли не самым древним ремеслом всех групп и сословий — подглядыванием.

Захотелось — сделала. Не мудрствуя лукаво я на цыпочках прокралась к окну. Слет иномирцев все еще продолжался и, судя по тому, как медленно брели вызванные из общей кучи адепты, будет продолжаться едва ли не до самого утра.

Приглядевшись внимательнее, я с уверенностью могла заявить, что внизу присутствовали не только иномирцы, но и наши дорогие и любимые преподаватели. Даже ректор почтил собрание своим присутствием и о чем-то разговаривал с... Я нахмурилась, не понимая, чего там забыл Альтар.

А наш лосиный принц действительно имелся чуть поодаль остальных и выглядел недовольно. Ректор что-то говорил ему, жестикулируя слишком нервно, как мне показалось, а маг, напротив, был равнодушен и, как мне показалось, тяготился происходящим. Как будто это долг привел его сюда.

Из комнаты мне не удалось расслышать, о чем ведется беседа не только между руководством, но даже имен иномирцев, выкрикиваемых кем-то из секретарей. И, по-хорошему, мне

следовало отправиться спать, раз уж не получилось всунуть нос куда не следует, но это никак не вязалось с поведением болотницы. Так что ничего не попишешь, но пришлось торопливо спускаться в холл и подглядывать оттуда.

Звук появился в самый неподходящий момент, и я больно стукнулась головой о подоконник.

— Уй. — Я быстро пригнулась и прикоснулась к пострадавшей части рукой, поглаживая. Воздаяние меня настигло: дурная голова получила по заслугам. Впрочем, от глупостей это ее не отвадило, и уже спустя несколько мгновений я открывала окно, стараясь не скрипеть.

Скрип все же получился, но то ли ближайший к окну маг был глуховат, то ли не пожелал отвлекаться, но на меня внимания не обратили. Интересно, а распространяется особый навык маскировки в кустах, который свойствен каждой болотнице, на городской ландшафт?

— Кира Зеленская! — громко зачитал секретарь. Высокий, сутулый, похожий на крысу молодой человек с куцым хвостиком на затылке и широкими бровями.

— Вычеркните из списка, Тайлос. Ее давно следовало исключить из ваших документов. Метку с девушки уже сняли. Прощение подписывал лично его величество, — прикрикнул на чтеца один из магов.

— Вот же ж, — недовольно буркнул себе под нос Крыс и перешел к следующему адепту.

— Джон Трейн.

Вперед вышел светловолосый юноша, едва не споткнулся о камень, но устоял. Фонарь осветил его лицо, и я сглотнула. Почему-то такими мне всегда зомби представлялись. С выцветшими лицами, без эмоций, взглядом в никуда и абсолютной покорностью. Мерзкое зрелище. Еще и Крыс этот стоит и смотрит, как будто на базаре.

— В наличии, — отметил секретарь, ставя галочку в своих бумагах. — По первичному распределению оборотни, но возможны и демоны. Магистр Бродсед, ваши рекомендации?

— Оборотни в приоритете, — отмахнулся от чиновника маг.

И так буднично это прозвучало, как будто он сорт печенья выбирал. Я задохнулась от возмущения и только поэтому промолчала.

— Следующий... — продолжал свое дело Тайлос, не подозревая, что нажил себе врага в моем лице. — Жан Летар.

Я прищурилась, и даже отвращение сменилось любопытством. Этот подвид рода человеческого никогда не относился к лучшим своим представителям и был некогда отставлен из ухажеров нашей Киры в весьма примечательных обстоятельствах.

— Демоны или нимфы? — Секретарь тоже явно подустал, но дело требовало собранности.

— Выбраковка, — внес коррективы ректор.

— Увести, — распорядился Тайлос. К Жану подошли двое гвардейцев и, подхватив того под локти, увели. — Минус третий. Еще брак имеется?

— На данном этапе — нет.

Ректор наконец отошел от Альтара. И мне бы вздохнуть с облегчением в знак солидарности, но вместо этого пришлось еще лучше хорониться под окном. Такого ректора я опасалась. Он не шел ни в какое сравнение с нашим добрым Бродседом, которого те же иномирцы называли Хоттабычем. Нынешний Бродсед подавлял.

Альтар, прищурившись, следил за начальником, позволяя себе недовольство, что было, в общем-то, неудивительно. Не знаю почему, но я верила, что уж ему не доставляет никакого удовольствия стоять здесь и смотреть на эту дележку. И с куда большей радостью он бы пошел готовить ночной ужин.

Желудок противно заныл, напоминая о нашем несостоявшемся ужине. Вот уж странный орган! То его кормишь, а он не хочет, то, напротив, не хочет, а после ка-а-ак отомстит!

От окна пришлось немного отползти, чтобы случайно не выдать себя очередным воем голодающего желудка. Погладив животик и пообещав, что я его непременно покормлю в

ближайшее время (хотя достать еду в общаге в третьем часу ночи — это слишком смелые мечты), я высунулась из укрытия.

Ничего нового не происходило: рынок иномирцев продолжал работать на площадке перед общежитием, смущая всех добропорядочных граждан. Те, кто спал, добропорядочностью едва ли отличались, а потому верно предположить, что из всей общаги таким недугом страдала только я. Или наслаждалась?

Подумать над этим вечным вопросом мне не удалось по причине столь приятной, сколь и ужасной. Отвлекшись от созерцания Альтара и переключившись на внутренние ощущения, я пропустила появление первого в опасной близости от собственной головушки и стукнулась затылком об чью-то слишком твердую ногу.

— Да сколько ж... — Договорить мне не дали, плотно зажав рот ладонью, чтобы не выдавала нашего укрытия и вообще была помолчаливей.

— Не стоило приходить сюда, — шепотом, не убирая ладони и давая мне в полной мере проникнуться ароматом нового мыла, попенял Альтар.

— У-у-у-у. — А что еще я могла сказать в свою защиту с зажатым ртом? Конечно, был вариант с покусанием противной ладони, но опыт подсказывал, что за выдержанные невзгоды мне воздастся, а значит, незачем прибегать к зубной артиллерии.

— Идем, медленно и тихо. И ты мне объяснишь, почему не в кровати.

Маг помог мне подняться, оторвался-таки от моего лица и быстро повел куда-то в глубь коридора. Будучи натурой любопытной и облизав весь этаж, я могла поручиться, что идем мы в подсобку: лучшего места, чтобы пережить вражий гнев, в общаге еще не изобрели.

Отперев дверцу каким-то заковыристым заклятием, которому болотные предпочитали простую шпильку, Альтар толкнул меня в эту маленькую стерильную комнату без каких-либо следов пыли или тем более грязи, зашел следом и запер дверь изнутри. И вот что теперь делать? Я же без булавки! А подручными средствами... Мозг принялся хаотично вспоминать, чем еще можно поковырять в замке, чтобы выбраться.

— Данька, — начал нравоучение прекрасный преподаватель боевой магии, который так любил эти самые нравоучения, что сбегал с поля брани первым, оставляя честь разбираться со смутьянами деканату. Нет, не от трусости, а скорее чтобы в пылу не вышло чего случайно. Хотя... мне было сложно представить, чтобы после воспитательной встречи с Альтаром кто-то, как в нашей сказке, превратился в лягушку. — Почему ты сидела в холле у окна?

— Там вид лучше, — пожалала я плечиками и зябко передернулась. Почему-то в подсобке было куда холоднее. Или там, у окошка, адреналин грел?

Мужчина хмыкнул и взял меня за руку.

— Совсем замерзла, — зачем-то отметил он и притянул ближе к себе.

— Эй, так не... — хотела я встрять с осуждением его поведения, но перемещение в теплую и знакомую квартиру выбило все желание спорить. Ибо желудок, который лучше всех остальных органов стимулировал мыслительные функции, знал, что здесь его КОРМЯТ.

— ...не что? — заинтересовался Альтар, отступая на шаг, стягивая ботинки и унося их в прихожую.

— ...нельзя было сделать сразу? — нашлась я.

Мне снимать было, в общем-то, нечего. Тапочки — они на то и тапочки, что в помещении не снимаются.

— Нельзя, — покачал головой маг и прошел в заповедное место — кухню. — Магистр тщательно следит за всеми магическими колебаниями. А потому переход от окна вызвал бы ненужные вопросы.

— А из подсобки нет? — фыркнула я.

— То, что ты называешь «подсобкой», — полностью изолированный карман в пространстве, — терпеливо пояснил Альтар, набирая в чайник воды.

— А зачем его изолировать? — не поняла я.

— Чтобы ничего, что не должно выйти за его пределы, не появилось на территории Академии. Некоторые чары затухают только со временем, а что могут устроить адепты... — Преподаватель почему-то с намеком взглянул на меня. Я обиженно отвернулась к окну: нечего старое вспоминать. Ну перепутала немного заклинание, но кто же знал! Да и потом, я тоже пострадала! Искупаться в грязевом болоте пришлось не только ему! — И чтобы остатки заклятий самоуничтожились, все, что принимало участие в устранении, отправляют в этот карман.

— Понятно, — протянула я, перебираясь поближе и внимательно следя, как Альтар режет мясо.

— Так почему ты подглядывала? — не дал забыть неприятной теме маг.

— А почему ты стоял и ничего не делал?! — возмутилась я.

— Думаешь, было бы лучше, если бы я открыл твое присутствие магистру? — Он сделал вид, что задумался. — Да, наверное, ты права. В следующий раз обязательно так поступлю.

— Не поступай, — попросила я, перехватывая чужую руку. Ту, что без ножа, а то чревато... — Но что там происходило? Почему только иномирцы и преподаватели? Еще этот крысюк...

— Крысюк? — повторил Альтар, задумался и рассмеялся. — Секретарь?

— Он, — подтвердила я и напомнила: — И что ты там делал? И почему они все ночью собрались? И что это вообще было?

— Это было... распределение, — подобрал наиболее нейтральное слово мужчина, заканчивая резать мясо и укладывая на сковородку.

— Распределение куда? — не дала я заглухнуть теме. — На практику?

— И на нее. Но ты же помнишь, о чем мы говорили раньше? Про иномирцев.

— Что нас уже выбрали и распределили по вашим странам, — припомнила я самое раздражающее меня обстоятельство в этом новом мире.

— Да, — кивнул маг, следя за жаркой. — Сегодня проходил первый отбор и выбраковка тех, кто не смог адаптироваться или не проявил себя должным образом.

— Ты так об этом говоришь...

— А как я должен об этом говорить?!

От внезапной вспышки гнева я едва не упала со стула, и уже тем более мне не захотелось вылезать из-под стола. Еще бы и пальцы разжала, но иначе без опоры я бы точно провалилась в подстолье, еще бы и стукнулась обо что-нибудь.

— Прости. — Запал исчез так же быстро, как и появился. — Просто это не самое лучшее зрелище, и мне не нравится, что ты там была.

— Мне тоже не нравится, — вздохнула я. — Но заснуть мне не удалось. Как ни старалась, но... никак. А девчонки даже не проснулись, хотя я громко ходила отмываться. Да и самим им вряд ли удобно спать на полу.

— Проснулась только ты, — тихо отметил маг и добавил, предупреждая: — Никому об этом не рассказывай.

— Но я ведь в болотной семье! — возмутилась я, но по спине пробежал холодок, еще и голову в плечи втянуть заставил.

— Да, но никогда не знаешь, когда чувства затмят разум. А магистр на пути своих изысканий становится слишком импульсивен.

— Он был страшный, — проговорила я, ерзая на стуле. Хотелось сменить позу, сесть по-турецки, но доступная площадь не позволяла таких изысков.

— Он был собой. Архимагом стать совсем непросто.

Повисла пауза, изредка прерываемая шкварчанием мяса и стуком лопатки о стенки. Я молча следила, как спорится готовка у собеседника, и завидовала: мне никогда не достигнуть такого мастерства. За время учебы я уже трижды пыталась сварить суп, но то ли кулинария была за пределами моих способностей, то ли настоящим призванием моей души было отравительство, но от моих наваристых супов фикусы в коридоре облезли, а один и вовсе сменил цвет. Эксперименты над животными было решено не проводить.

— А зачем ты там был, если тебе неприятно?

Я нарушила молчание, которое уже становилось в тягость. К тому же близился момент распределения ужина по тарелкам, и желудок бы мне не простил халатности. Необходимо было напомнить о себе, и незамедлительно. Пусть даже тема неприятная, но испортить аппетит голодающей кикиморе можно было разве что... ничем.

— Работа не всегда приносит удовольствие, — наставительно произнес Альтар и извлек из шкафчика тарелку. — Будешь?

Моя широкая улыбка ответила ему лучше слов. С фырканьем любимой бабушки, которая накладывает любимому внуку третью добавку, мне вручили ночной ужин. Чуть погодя к трапезе присоединился и сам повар.

— Приятного аппетита, — с большим трудом выбрав время, когда рот не был занят, пожелала я и поспешила вернуться к прерванному занятию. Желудок довольно урчал и, если бы мог, еще и ручки бы потер, как после хорошо сделанной работы. Нахлебник!

— И тебе, — усмехнулся маг. Сам он ел не так, как голодающее кикиморье, оставаясь идеальным даже в еде. Орудя ножом и вилкой, Альтар являл собой образчик истинного аристократизма, и мне было странно вспоминать, как мы ели мороженое, довольствуясь одной ложкой на двоих.

— Что с ними будет? — когда голод был утолен, я не могла не вернуться к волнующей теме.

— С иномирцами? — посерьезнев, переспросил маг. — Разъедутся по странам, их выбравшим.

— А если они не будут им подходить? — этот вопрос меня волновал едва ли не так же, как и последствия выбраковки. Каким бы Жан ни был вредным, он был человеком. И его было жалко.

— Сотрут память и отправят восвояси, — слишком быстро, чтобы быть правдой, ответил Альтар.

— И ничего нельзя сделать?

— Все зависит только от них. И, Дань, вам должны были это объяснить перед тем, как вы соглашались.

Нет, я, конечно, всю болтовню того ненормального мимо ушей пропустила, но поверить, что точно так же поступила и Кира, было выше моих сил. Более дотошного и собранного человека я бы не могла назвать, даже подумав. Кикимору — да, Вита во многом превосходила Киру, но вот среди людей...

Кира всегда знала наперечет ближайшие праздники, увлечения друзей и выбирала для них желанные подарки. Она знала, кто из преподавателей когда вступил в должность, что о нем говорят старшекурсники и сколько он любит ставить на экзамене. В городе девушка уже завела знакомства в бакалее, у зеленщика и торговца мясом, а потому мы получали все самое правильное и полезное. И вот такая девушка забыла бы хоть часть инструкции? Тем более часть малоприятную и очень важную. Не поверю!

Видимо, вся глубина негодования отразилась на моем лице, потому что Альтар грустно выдохнул и протянул мне хлебушка: не иначе, горечь заесть.

— Кира такого точно не знала! — откусив, сказала я, обличительно глядя на собеседника.

— Теория всегда отличается от практики, — с грустью заметил он. — А уж когда дело касается документов и реальности...

— И что теперь делать?

— Не влезать в чужие дела! — одернул меня маг, как будто я уже собиралась с вилкой

наперевес идти учинять допрос Бродседу.

— Не очень-то и хотелось! — слова вырвались сами, но с мыслями они расходились основательно. Нет, таки идти и домогаться архимага я не собиралась, но хоть что-то узнать о проекте «Иномирец» было необходимо.

— Будет лучше, если ты вообще о нем забудешь, — кратко ответил Альтар, читая мои мысли. Вот уж читер проклятый! Хотя, если бы не он, их читал бы всякий третьекурсник, закрывший сессию на тройки.

— Будет лучше, если ты не будешь вмешиваться, — обиженно фыркнула я и добавила: — Кукурузы хочу.

— В следующий раз, — пообещал маг.

— Я не хочу в следующий! Я хочу сейчас!

Говоря о своих желаниях, стоит быть предельно осторожной. Сегодня, завтра или прямо сейчас может найтись тот, кто захочет его исполнить. Или решит отомстить за твой невоздержанный язык.

Шлепая в тапочках по кукурузному полю, я поняла эту простую истину, но пути назад не было. То ли и сам Альтар был не прочь прогуляться под звездами, то ли хотел отучить что-то от него требовать, но, перегнувшись через стол, он ухватил меня за запястье, и мы перенеслись сюда. Кукурузы вокруг было видимо-невидимо, но вот такой, чтобы уже созрела...

Я горестно вздохнула и повисла на маге.

Сам он не принимал никакого участия в поисках, предпочитая застывать памятником, нежели помочь одной бедняжке с поисками или сжалиться и вернуться в общагу.

— Пока не отыщешь созревший початок, не вернемся, — проинструктировал меня Альтар, едва мы только ступили на рыхлую землю.

— А если не найду? — не преминула поинтересоваться я, разглядывая звезды. Или мир сошел с ума и подшутил надо мной, или мы за пределами Кирстена. Впрочем, учитывая куда более дружелюбный климат, второе было вернее.

— Пока не найдешь — будем здесь.

— А если она вся еще не созрела? Тогда ждать придется неделю, а то и две. А у нас экзамены уже через два дня начинаются! — воззвала я к преподавательской струнке в душе мага. Мужчина не дрогнул.

— Пересдашь после практики.

— А если мы и практику пропустим?!

— Как один из ваших кураторов, я могу засчитать тебе в счет практики выживание в экстремальных условиях.

— Но они не экстремальные! — вознегодовала я. Лучше бы промолчала.

Альтар усмехнулся, по очереди щелкнул всеми пальцами, разминаясь... Я не стала дожидаться, что сотворит его больная фантазия, и сорвалась на бег быстрее, чем он сообразил, что подопечные рвут когти.

И вовремя! Отбиваться от подросших гусениц тапочками — дело не для слабонервных. Во-первых, гусеницы мало того что быстрые, так еще и противные. Во-вторых, тапочки набрали земли и теперь бежать было что в них, что без — одно удовольствие, граничащее с мазохизмом.

Уй, камень! Резко затормозив, я сбросила тапок, вывалила из него горку земли, бросила подальше злополучный камень и в темпе похромала подальше от полчища многоножных преследователей. Те сокращали расстояние между нами, протягивая ко мне свои усики.

— Так нечестно! — заорала я, больше злясь, чем рассчитывая на сострадание от того нехорошего человека, что призвал этих монстриков. — А вдруг у меня на них аллергия?!

— На призванных? — Альтар неожиданно появился со спины, останавливая ползучее войско. — Они такая же часть силы, как и та, которой ты сама пользуешься на занятиях по чарам. С чего это у тебя на нее аллергия? — Он бросил взгляд на мою ушибленную конечность. — С ногой все в порядке?

— Не знаю.

Для большего эффекта травмированную ножку я подняла и держала в воздухе. Вдруг устыдится этих гонок!

— Дай посмотрю.

Быстро миновав разделявшее нас расстояние, он присел у моих ног (как звучит!), холодными пальцами прощупал мне лодыжку и спустился к подушечкам пальцев.

— Теперь в порядке, — заявил он, поднимаясь. — Продолжим экскурсию?

— А может, не надо? Осознала, смирилась, была не права.

— А как же кукуруза?

— В следующий раз, — жалобно предположила я.

— В следующий раз нимфы нас не пустят в свои владения.

— А мы у нимф? — От удивления я даже забыла, что нужно убежать, если Альтар вдруг опять натравит гусениц.

— Да. — Маг стал на редкость неразговорчив и то и дело косил куда-то вправо. — Мы уже уходим, леди Жильен.

— И не возвращайтесь. Людям не место в наших краях, — прожурчала ему в ответ леди.

Я резко повернулась на голос, отчего едва не стукнулась макушкой о подбородок Альтара. В трех шагах от нас стояла невысокая девушка с венком в синих волосах.

— Кикимора? — удивленно воскликнула она, когда разглядела меня. Хотя странно, что она не заметила этого раньше.

— Ага, — не нашлась с ответом я и выдала самый глупый из всех.

— Дитя болот может остаться, — позволила девушка, и... мне захотелось остаться, несмотря на то что дома ждали незаконченные шпаргалки, да и вообще нехорошо бросать тех, кого приручили. Альтара, в смысле. — Но маг должен уйти. Растения волнуются.

— Я отвечаю за нее. И уйдет она со мной.

— Ты всегда можешь вернуться...

Дослушать дальше мне не позволили обстоятельства в лице непонятно с чего разозлившегося мага. Он даже не стал скрывать своего раздражения, когда мы вновь оказались у него дома, прямо посреди белого ковра, тут же оказавшегося в земле. Нет, ну можно же было куда-нибудь в другое место переместиться? В прихожую там или на улицу, а то испортил ковер и даже не заметил.

Не желая вступать в команду вандалов, я замерла прямо посреди ковра, ожидая, пока хозяин квартиры придет в себя и поймет, как он не прав. Альтара же, похоже, разрушение уюта его обиталища волновало в последнюю в минус шестой степени очередь.

— Что-то случилось?

Чувствую — сегодня я гигант глупых вопросов, которые обожают оставлять без ответа. Ну вот и стоило куда-то бегать за кукурузой, чтобы настроение еще больше свалилось вниз, миновало плинтусы и побеспокоило соседей?

— Не ездь к нимфам, — наконец проговорил Альтар.

— Почему? Она меня пригласила...

— И будет ждать. Да, я слышал, но прошу тебя, Дань, хоть раз последуй моему совету.

Полностью последуй, а не избирательно, как твои собратья. Тебе лучше там не появляться.

— А сам тогда почему меня туда таскал? — возмутилась я, больше оттого, что он все расслышал, а мне такой возможности не дал.

— Глупый был. — Маг почему-то улыбнулся, как будто мое хмурое лицо было ему лекарством от всех проблем. — Не куксись. Тебе не идет.

— Еще как идет, — не согласилась я больше для того, чтобы с ним поспорить, нежели имела что-то против. И почему в присутствии этого невыносимого человека мне хотелось улыбаться и вообще вести себя непереносимо глупо? И куда девалась обычная рассудительность, свойственная нашей расе болотных торгашей? Нет, консультация Виты мне просто необходима. Даже за сто золотых. Нет, у меня есть скидка! Больше восьмидесяти не отдам.

— Идет, — пошел на уступки маг. — Но выглядит очень провокационно.

— Провокационно? — Я изумленно вытаращилась. — Грязная, хмурая и злая — это провокационно?

Мужчина усмехнулся, но промолчал. Я же останавливаться не хотела, желая докопаться до истины.

— А на что хоть провоцирую? — И сменив тон: — Господин хороший, а господин, ну заполните анкетку! Начальство злое, спать не дает, есть не дает, результат требует. Ну заполните анкетку...

Альтар не выдержал первым: подошел ко мне, напрочь убив всякую надежду на спасение ковра, обнял, погладил волосы и взглянул так выжидающе. А сам виноват! Кто же порядочных девиц таскает по кукурузным полям в два часа ночи, да еще и ждет от них чистоты и благоухания?!

— Господин, вы еще анкету не заполнили! — строго напомнила я. — И вообще, я на работе. И муж дома злой, так что руки лучше убрать.

— А я очень недобросовестный респондент и чужих мужей не боюсь.

— Это вы зря... — посочувствовала я и подбадривающе ткнула неустрашимых локтем. — Знаете, как травмоопасно бывает по лестнице спускаться.

— Знаю, — подтвердил маг с нехорошей такой улыбкой. Неподготовленному зрителю бы дурно сделалось и про завещание напомнило. — Столько раз спускался, никто из собеседников не выживал.

— Ты плохо играешь! — воскликнула я, надуваясь. — Слишком в роль вошел! Я даже поверила.

Альтар на секунду замер, а после вновь улыбнулся, но уже открыто и весело, как и минуту назад, когда мы откровенно дурачились.

— Прости. Мало опыта, но я обещаю научиться.

— Не надо, — покачала головой я и не удержалась, зевнула. — Лучше домой меня верни.

— Боюсь, после того марш-броска, что мы совершили, максимум, на что меня хватит, переместить тебя в соседнюю комнату.

— А утром?

— Утром — хоть на край света, — пообещал маг, протягивая руку. — У меня есть комната для гостей. Поэтому тебе не о чем беспокоиться.

Я хмыкнула, но смолчала: незачем ему знать про наши походы с ночевкой и двумя палатками на всех.

На кухне приятно скворчало, дразня просыпающийся нос мясным ароматом. Я потянулась, сталкивая подушку на пол, и села, сонно глядя перед собой. Комната была незнакомой, но ничего опасного в ней не было. За исключением кикиморы, которая пыталась сообразить, что она делает непонятно где и почему тело болит, как будто всю ночь по колдобинам на попе

ехала.

Первой вспоминалась кукуруза и гусеницы-переростки, заставившие меня вздрогнуть и быстро проверить под кроватью. Не обнаружив и там ничего похожего на ночных преследователей, я потрогала пальцами пол и, убедившись в его твердости, шагнула навстречу приключениям. Тылы грустно теплели, но возвращаться под одеялко было непозволительной роскошью.

Оглядев себя, я поняла, что пижама как-то уж больно не подходит мне по размеру. Закатанные рукава, штанины, которые во сне вернули себе длину, но от помятостей не избавились, расцветка в полосочку... Хм, ситуация становилась интереснее с каждой минутой.

Кое-как подкатав штанины, я отправилась на разведку. Думала, что на разведку. Увы, уже второй угол коридора раскрыл мне страшную тайну моего местопребывания: эти обои в дракончиков я уже видела однажды. И поскольку именно их мне не хотели показывать, запомнила лучше всего остального интерьера этой холостяцкой берлоги.

— А завтрак скоро? — прокричала я радостно, высовывая мордочку из-за угла.

— Почти готов! — крикнули мне в ответ и добавили страшное: — Твоя одежда в библиотеке.

Припомнить, почему моя одежда оказалась в таком нетипичном для нее месте, я не смогла. Память как отрезало, но, может, мы ее в стирку закинули, а домовый дух Альтара забирает вещи из какой-нибудь маг-чистки напрямик в библиотеку? Будем считать, что так.

— А сколько уже? — решила перевести тему я, совершая подвиг. Подняться по лестнице в библиотеку и не навернуться. Второе было едва ли не сложнее первого, учитывая, что чужие штанины меня возлюбили, аки конокрада сеньорская лошадь.

— Начало одиннадцатого, — сверившись с часами, из-за чего возникла небольшая заминка с ответом, сказал Альтар. — Завтрак готов.

— Одиннадцатого?! — Столько ужаса в моем голосе уже давно не было. Это же... это же опоздание на два часа. Это же штраф, увольнение из мануфактуры, лишение премии... Я хаотично припоминала подписанный сдуру контракт. Да уж, теперь Трейс оторвется: там же такие штрафные санкции... век воли не видать.

— Ребятам я сказал, где ты, так что можешь не волноваться.

— А что ты им сказал? — с подозрением, граничившим с истерикой, переспросила я, представляя, какую легенду мне придется выдать по возвращении. Может, ну ее, эту Академию? Дома отучусь, замуж там выйду или еще какую глупость совершу...

— Что ты заснула у меня на диване, я пытался тебя разбудить, но силы оказались неравны. Твоя любовь к моему дивану преодолела все невзгоды, и вы решили не расставаться до утра.

— Но это ложь! — воскликнула я. Тем не менее слова мага меня успокоили: в мою трепетную любовь ко сну и всяким мягким, а иногда и твердым, поверхностям поверят все. Сами грешны.

Альтар предпочел не отвечать, но тихий стук тарелки, с которой ее опускают на стол, заставил меня поторопиться с переодеванием.

Маг не солгал: он действительно был в общаге. На кресле ровной стопочкой была сложена моя обычная повседневная одежда. Даже курточка заботливо висела на спинке, чтобы уж полный комплект. Учитывая, что никто, кроме Виты, не разбирался в моем методе укладки нарядов в шкаф, именно ею была проведена ревизия и выявлено нужное.

Натянув брюки, водолазку и жилетку, не забыв про носки и причесаться, я аккуратно, как порядочная девочка, сложила чужую пижаму такой же ровной стопочкой, подхватила курточку и, весело скрипя ступеньками, спустилась к завтраку.

Альтар никогда не ударял лицом в грязь, не произошло этого и на сей знаменательный раз. Конечно, до этого мне доводилось и ужинать, и обедать в его компании, а на болоте даже завтракать, но такого разнообразия он никогда не подавал.

— А это все ты приготовил? — подозрительно осведомилась я, присаживаясь и изучая ассортимент. Количество блюд соответствовало всему меню завтрака, если бы его изъяли из двух-трех забегаловок.

— Нет, кое-что я ликвидировал неподалеку.

— А что готовил ты?

Вопрос был не праздный. Мной уже доподлинно было изучено, но Альтар готовит лучше, чем большинство окрестных поваров, а значит, в первую очередь надлежало кушать домашнюю еду.

— То, что ближе к тебе, — поделился секретом маг, усаживаясь напротив и приступая к завтраку.

— Приятного аппетита.

— И тебе.

Разговаривать во время сакраментального действия, коим по праву было названо уплетание альтаровской еды, не позволялось совестью, а потому молчание продолжалось до тех пор, пока голодающая кикимора не наелась впрок и не откинулась на спинку стула. К моему вящему удивлению, Альтар все еще ел.

— Прожорливый! — гордясь, что не одна я показала себя проглотом, выдала я открывшуюся истину.

Мужчина усмехнулся, отрезал кусочек тоста, макнул его в джем и сообщил:

— Мне редко удается пообедать. Адепты почему-то считают, что полдень — лучшее время для пакостей и разборок.

— Мы в полдень не пакостим! — обиделась за весь адептский род я.

— Вы предпочитаете ночью, — согласился Альтар. — Но не все столь великодушны, чтобы лишать преподавателей сна, а не обеда.

— И вовсе мы не... — обиделась я, хотя слова его были в целом справедливы. Но не в нашем отношении! Как истинные шкодники, мы в своем болоте работали редко и только из чувства справедливости. А в городе... Город — не КАКа, там наши проделки не повод будить преподавателей. Еще и доказать нужно, что проделки те наши, и преподаватели у нас есть. Так-то!

— Согласен, — оборвал зарождающуюся дискуссию маг. Чувствовался опыт. Видать, после вчерашнего похода он понял, что лучше вообще тему не поднимать, нежели потом гулять под звездами.

— Врешь ты все.

— Адептка Вересная, извольте уважать своего преподавателя! — воздев к потолку вилку, произнес Альтар.

— За что его уважать?! — патетично воскликнула я. — Из родной общаги в холод похищает, в экстремальных условиях бросает, клеветает на друзей, еще и четверки ставит! — Последнее обстоятельство вызывало в моей душе бурю негодования, которая грозила если не уничтожить, то изрядно потрепать виновника. — Что я теперь маме скажу?! Какая четверка?! Как мне честным болотникам в глаза смотреть?! Оставил на всю округу! Кто же теперь замуж-то возьмет! Кому такая нужна?!

От напряжения, вызванного криками, у меня даже слезки выступили на глазах. Нет, серьезно! Уничтожил мне всю биографию! Растоптал светлое будущее! Выставил какой-то ненормальной врединою, которая даже из солидарности не могла на трояк сдать, а теперь сидит себе и смотрит на меня странно так, словно любясь. Вот как его простить можно? Довел девушку, а сам сидит и ухмыляется!

— Да, состав преступления налицо, — подтвердил мужчина. — Компенсация?

Я задумалась: иметь в должниках самого преподавателя боевой магии весьма неплохо, но если знать, кто у нас этот самый преподаватель, то лучше взять деньгами. Вот только деньги — это так пошло и замызганно, что опускаться до подобного...

— Семьсот золотых!

— Идет! — усмехнулся маг, а я поняла, что продешевила. Да уж, надо было совсем совесть потерять и тысячу просить. За моральный ущерб и в фонд приданого. Надо же в будущую семью что-то принести, а то неудобно как-то.

— Альтар? — тихонько позвала я после продолжительной паузы. — Откуда у тебя столько монет?

— Всю жизнь копил, знал, что такую пройдоху встречу, обдерет как липку.

Я смутилась: все же он и так много для меня сделал. И как будто эта четверка — конец света. Переживу как-нибудь, а деньги ведь с неба не падают. А мне и остатков от его прежних капиталовложений хватает, да и «Три слона» со шпаргалками оплачивают мне плюшки в буфете и пополнение гардероба.

— Прости, — повинилась я. Мир снова стал обычным и мрачным. — Я пойду, наверное.

— Дань, подожди.

Уйти мне, конечно, не дали. Да и как уйдешь без куртки, которая оказалась ближе к магу, чем ко мне. А на улице сейчас прохладно, зима заканчивается. И пусть климат в Кирстене мягче, чем в родном мире, заболеть все же можно. Недаром самые большие очереди в поликлинике осенью и весной.

Альтар в одно слитное движение оказался рядом, обнимая меня за плечи. Я почувствовала, как он дышит мне в макушку, и тряхнула головой. А вот нечего бедных кикимор в жар вгонять. Мало того что обнял, печка такая, так еще и прическу портит! Я, может, всю ночь старалась, ворочалась, воронье гнездо соображала, а он так непочтительно в него дышит.

— Не фыркай, — попросил он на ушко и развернул меня лицом к себе. — Обиделась?

— Нет, — отрицательно покачала головой. — Просто не хочу быть такой.

Объяснить, какой именно, язык не повернулся. Но в мыслях создался не очень лестный образ молоденькой содержанки. А ведь действительно, в каком-то смысле Альтар меня и содержит. И что-то следовало предпринять, чтобы хотя бы в своих глазах так не пасть.

— Ты не такая. — Он наклонился ко мне, подул на челку и коснулся указательным пальцем кончика носа. — И чтобы я больше такого не слышал.

— Ты и не слышал! — не удержалась я от замечания, хотя прежней веселости, как когда мы дурачились раньше, не было.

— Дань, не важно. Не думай о себе так. Лучше подумай, если бы я не мог дать тебе эти жалкие семь сотен, разве стал бы предлагать, зная о природной склонности болотников решать проблему звонким металлом?

— Они не жалкие.

Я опустила голову, не желая смотреть ему в глаза. Это ему они, может, и жалкие, а я уже знаю, сколько на них жить можно, если не шиковать. И это большая сумма. И дернул меня леший за язык такое говорить. Не могла оценить свои трехминутные страдания двадцатью монетками? Гордость не позволила!

Настроение вновь поехало вниз.

— Хорошо, они не жалкие. Но я могу дать тебе их, поэтому не расстраивайся. С чего это моя Данька стала так заботиться о финансах?

— Я не твоя, я мамина, — напомнила я, но больше это смахивало на перевод стрелок.

— Была маминой, стала моей. Мы же теперь женаты, забыла?

— Это понарошку было! И вообще, мы уже развелись.

— Когда это? Я такого не помню! — не согласился Альтар, наклоняясь, чтобы наши глаза были на одном уровне. — А даже если бы и помнил, других свидетелей ты не найдешь. А я самооговором заниматься не буду.

— Тогда я требую с тебя алименты! На содержание Жабки!

— Вот теперь я разорен. За что мне эта кара! — воздел руки к небу Альтар, выпуская меня из объятий, бухнулся на колени и запричитал: — Жизнь моя погублена! Знал же. Не связывайся с этими зелеными! Все наследство на штрафы ушло.

Я не выдержала и бухнулась рядом.

— Небо, как ты могло быть так жестоко? Видишь, человеку плохо, человек раскаивается! Дай ему памяти и разума, чтобы понял он, что все ему приснилось, и жил дальше счастливо.

Одновременно расхохотавшись, мы бухнулись на ковер. Чистый, как будто и не было прошлой ночи, он заставлял меня усомниться в событиях минувшей ночи.

Но это на первый взгляд. Присмотревшись внимательнее, я установила отличные от предыдущих ворсинки и раскрыла коварный обман. Ковер все же пришлось заменить, интуиция вновь меня не подвела.

— Ты изучаешь ковер, как будто в нем скрыт ответ на все вопросы, — заметил маг, переворачиваясь на спину и устремляя взгляд вверх.

Глупый, ну что можно найти на изученном вдоль и поперек потолке? А вот новый ковер отличался мягкостью ворса и черной точечкой где-то глубоко в недрах.

— Альтар, а у тебя блох нет? — осторожно спросила я, приподнимаясь на локтях. Делать резких движений не хотелось, хотя вряд ли они бы помешали голодной блохе атаковать ускользящую пищу.

— У меня — нет, — серьезно ответил маг и поинтересовался: — А у тебя с этим проблемы?

— У меня с ними тоже проблем нет. — Я аккуратно отступала, пятясь пятой точкой к двери. — А вот у этого ковра — вероятно, наличествуют.

Альтар на мгновение задумался, взгляд расфокусировался, как всегда, когда он колдовал, и усмехнулся.

— Это не блоха, не переживай, — успокоил он меня. — Просто ковер новый, с гарантией от протирания и с функцией самовосстановления. А поскольку всякий материал сам за собой не следит и уж тем более не восстанавливается, на все новые модели подсаживают эдакого смотрителя. Это специально выведенный жучок, так что самостоятельно он не размножается и людьми не интересуется. А ты испугалась?

— Не люблю, когда по мне ползают, — проворчала я, но на ковер все же вернулась и уселась по-турецки. — А мы в Академию вернемся?

— Уже? Тяга к знаниям одолела? — насмешливо осведомился маг, между тем поднимаясь на ноги и помогая встать и мне.

— Тяга к плюшкам. За каждые сто шпаргалок премия! — сдала я мотивацию. — И конспект почитать надо. Экзамены же.

— И зачеты. — В Альтаре проснулся дотошный преподаватель, коим он был на собственных парах.

— И зачеты, — еще более грустно сказала я, понимая, что единственный несданный зачет из моего списка предстояло сдавать Альтару. И если сейчас он обаятельный гад, то на зачете будет занудный и никак не добродушный, ибо личные отношения нельзя смешивать с работой. И вот как при таком подходе он мне четыре поставил?!

— Справедливо, — легко сдал свой мотив Альтар. — Если возьмешь у методистов критерии оценки — поймешь, что я не мог поступить иначе, даже если бы очень захотел.

— Точно?

Брать критерии оценки расхотелось еще на слове идти, а уж упоминание методистов, двух, в общем-то, неплохих женщин с профессиональным чувством юмора, вовсе убило всякую охоту соваться на административный этаж и уж тем более что-то выяснять. Поверим Альтару на слово, он врет не всегда и только по нечетным дням. А сегодня у нас как раз чет... Вчера было...

— Захвати куртку, — напомнили мне, когда я выжидающе уставилась на собеседника и сжала

пальцы на его руке. На всякий случай, чтобы случайно не отцепиться. А то всякое бывает.

Мотнувшись за незабвенной верхней одеждой, я вернулась к магу, проверила все карманы (преимущественно свои) и кивнула, разрешая перемещение. Альтар не стал комментировать.

Мы возникли недалеко от ограды, за кадкой вечнозеленой туи, которую любил поливать своими экспериментальными удобрениями мой злейший враг ботаник. После выявления моей полной непереносимости его предмета и особой опасности для его излюбленных травок предмет плавно переместился в разряд неплохих, но лишь с той поправкой, что ныне вход на него был для меня необязателен, а то и нежелателен.

Тем не менее проживание в общежитии гарантировало погруженность любого адепта во все сплетни вуза, даже если в твоей будущности эти предметы не предвиделись. Так, даже не посещая курс, о разразившейся любви к удобрениям я была наслышана. Некоторые поговаривали, что именно моя скромная персона натолкнула бедного преподавателя на мысль о необходимости подкормки своих травянистых и древесных друзей. Как итог, туя, на которой пробовалось едва ли не все открытое новым светилой удобренческой отрасли, цвела и пахла, а у самой верхушки и вовсе начало расти яблоко. Что ж, заставить плодоносить — это тоже достижение.

— Переборщил, — констатировал очевидное Альтар, нахмурился и сделал шаг в сторону, сливаясь с оградкой.

— Дана!

Со стороны рынка ко мне бежал один из однокурсников. Мы редко пересекались и еще реже разговаривали, и его внезапно возникший интерес немного напрягал.

— Вирдин?

— Ох, успел, — выдохнул парень, останавливаясь рядом со мной и упирая руки в собственные колени. Дыхание после бега еще не успело восстановиться, и он дышал слишком часто, чтобы можно было нормально говорить. Пришлось подождать, пока Вирдин придет в себя, подумает и выдаст: — Думал, зайдешь сейчас, и где я тебя найду?

— Искать меня? — Мне даже удивление изображать не пришлось: глаза сами вытянулись, а рот приоткрылся. — Зачем?

— Как зачем? — не понял Вирдин, стер со лба пот и, наконец, выпрямился. — Конспект одолжить.

— А у тебя разве нет?

— А я это... спалил его случайно.

— Ври меньше! — начала сердиться я. — Ты же всем уши прожужжал, что у тебя бумага там специальная, со страховкой от несчастных случаев. Не горит, не тонет, еще и перо в комплекте самопишущее.

— Да не вру, чесслово! — притворно вознегодовал Вирдин, но, заметив, что я не прониклась, все же повинился: — Ну кто же знал, что понадобится. Зачет — это же так, поговорил и ушел.

— Ты его не вел, — подытожила я. — Долг или боевка?

— Боевка. С остальными проще было, а этот — зверь. Он же и тебя до слез довел! Помнишь? Ну одолжи почитать, будь другом!

— Зайди к нам вечером. Знаешь, где мы обитаем?

— Кто ж этого не знает, — хмыкнул парень, махнул рукой на прощание и в темпе скрылся, как будто за ним стая линяющих драконов неслась.

— Альтар, а ты и правда будешь так ужасен, как все думают? — спросила я пустоту, не очень-то рассчитывая на ответ. Маг уже давно мог уйти, как только притворился невидимкой и пропал из поля зрения.

— Еще хуже, — фыркнул, проявляясь, он. — Так что учи, но без фанатизма. Падших на поле

битвы с конспектом мне не нужно.

— И вот как тебе сдавать тогда?! — возмутилась я. — Конспект учи, фанатизма не проявляй.

— Найди золотую середину, — посоветовал магистр боевой магии.

Легко ему говорить, сам бы попробовал себе сдать. Это же то еще удовольствие. Сидишь ты такой напротив, коленки под столом трясутся, пытаешься сделать умное лицо и ничем, кроме тех самых коленок, да и зубов, выстукивающих дробь, не выдать своего беспокойства. Листик с пометками лежит — все, что смог вспомнить за те жалкие двадцать минут. И что двадцать минут! Вот найдется в твоей группе какая-нибудь злыдня и пойдет отвечать спустя пять минут для подготовки, и все — пиши пропало. Тут уже не полчаса положенного времени, а в порядке живой очереди. И как, зная обо всем этом (старшие курсы охотно запугивали всех желающих), учить без фанатизма?!

— Дань, зачет — это зачет. Проявлять чудеса знаний будешь на втором курсе, когда боевая магия станет обязательной. Разве ты забыла, что на курс сама пришла? А добровольцев я не ем. Зато Вирдин получит не меньше восьми вопросов.

— Не надо, — пискнула я, понимая, как себя подставил непутевый адепт, решив клянчить конспект в присутствии преподавателя.

— Надо, — не согласился Альтар. — Болотники идут по отдельной программе, вы просто набираете часы и получаете свои баллы. Сдавать экзамены у нас для вас необязательная практика, итоговые, насколько мне известно, вы будете у себя подтверждать. Иначе я никак не могу объяснить некоторую безалаберность, свойственную болотным адептам, которая, впрочем, не мешает им знать курс от и до, но знаний своих не проявлять.

— Это имидж, — вступилась я за своих зелененьких. — Вита вообще все знает.

— Не спорю. Но те, что были до вас, учились из рук вон плохо. И это был не имидж.

— Не знаю...

— Ладно, беги. Скоро уже и здесь обеденное время кончится, и булочки остынут, — предупредил меня маг и закономерно исчез.

Ворота Академии я миновала в гордом одиночестве.

В нашей комнате царил творческий бардак, назвать который беспорядком язык не повернулся даже у привычной к таким ужасам меня. На полу, засунув голову под кровать, стоял на четвереньках Трейс и что-то высматривал. Судя по доносившимся недовольным квакам, в комнате появился пронесенный контрабандой живой объект.

— Дверь! — заорали на ухо, стоило на мгновение замешкаться из-за охватившего меня удивления. — Если в коридор выскочит — уже не поймает.

Глянув на охранителя двери, я узнала Киру, которая отчаянно зевала, но боролась с напастью. Виты в комнате не оказалось, что, впрочем, не исключало ее присутствия в цехе шпарталописцев. Хоть комната и была ее территорией, но иногда и этой ответственной кикиморе становилось начхать на весь творящийся в ней кавардак. За хорошую цену, разумеется. Судя по трауру на лице Трейс, сумма была приличная. Как за разгром, так и за контрабанду.

— Что у нас опять стряслось? — шепотом поинтересовалась я, глядя, как болотник протягивает руку под кровать.

— У помощника посла головастики подросли. Почти на всех очередь была, но один остался. А Трейс его себе выпросил. Вот принес хвастать и упустил, — поделилась новостями Кира. — А он так хвастался, что и у него настоящая жабка будет.

В последней реплике Киры слышалось неприкрытое злорадство. Что же такого успел наговорить Трейс, что его теперь так грубо опускают.

— Помочь? — предложила я. Нет, не подумайте, что я такая альтруистка, но комната ведь моя, а спать в таком бардаке, на простыне, по которой могла прыгать чужая жабка, — увольте, не для нас подобные эксперименты.

— Ага, — радостно согласился болотник. — Подлезь вон там.

Он указал на небольшой просвет между тумбочкой и кроватью. Ага, там пролезть только дух бесплотный может, нашел тоже призрак!

— А может, проще сделаем? — предложила я, нагибаясь и находя взглядом бедного детеныша. — Сбегай к призывателям, пусть тебе комаров устроят или личинку какую дадут. Она же голодная наверняка. Сколько уже достать пытаешься?

— Не меньше часа, — сдала товарища Кира, проигнорировала его страшный взгляд и посоветовала: — Делай, как сказано. Главный специалист тут Данька. Только у нее жабка есть.

— Она не моя, она Ваничны, — поправила я и взгрустнула. Жабка, увы, приболела и уехала с Ваничной в Семиречинск. Не подошла вольной квакушке городская атмосфера.

— Все равно опыт. У некоторых и такого нет. А теория с практикой не всегда идут под одну руку, — наставительно изрекла девушка и помогла Трейсу определиться, сцапав за руку и выведя в коридор. — На подвиги! — благословила она его и закрыла дверь на замок, чтобы не ходили всякие посторонние.

— Ну что, будем кормить? — спросила она у меня и крикнула Вите: — Ушел. Выноси.

И болотница вынесла. Интересоваться, откуда у нас в цехе случайно оказался мотыль, комары, личинки непонятно чего и прочая снедь для земноводных, я не стала. Вряд ли Вита сдаст своего поставщика, да и не факт, что он был. Скорее всего, наша старшая умела гораздо больше, чем показывала нам. Ну ничего, и эту тайну мы откроем после обеда. Если захотим, конечно.

Почувствовав, как изменилась атмосфера в комнате, высунулась и любопытная головка будущей скаковой. Маленькие оранжевые глазки с удовольствием отметили разнообразие представленных ее вниманию блюд, выставленных прямо на полу, чтобы не пришлось далеко ходить, и жабка принялась за кушанья. Схозячив все предложенное, она просительно заглянула каждой из нас в глаза и раскрыла ротик.

— Обжора! — не сдержалась Кира. Жабка с осуждением взглянула на жадную девушку и призывно квакнула Вите.

— В ее возрасте вполне естественно столько есть, — упрекнула кикимора. — Ты же видела Данькину Жабку? А вот таких размеров эта кроха достигнет ко второму году своего развития.

— Н-да, тогда ладно, — реабилитировала невинно оскорбленную кроху Кира. — Кушай, мелочь, будешь толстой, всех нас покатаешь.

Будущая скаковая жаба так посмотрела на гипотетическую наездницу, что даже мне, наблюдавшей их беседу со стороны, стало дурно и захотелось усесться за завешание. Но Кира как будто этого не замечала.

— Кушай, кушай, будешь красивой, вся в пупырышках, — наставляла бедное земноводное девушка.

Вита дипломатично молчала, подкладывая вновь обретенных личинок. Закончив сию почетную миссию, кикимора обратила свой алчущий взор ко мне. Вот теперь мне действительно поплохело.

— Данечка. — Я сглотнула: ласковый тон в исполнении Виты был подобен ножу в руках маньяка. — Как прошла ночь?

— Пришлось побегать, но сначала померзнуть, — поежившись, созналась я не без задней мысли. Если не хочешь о чем-то рассказывать, расскажи о том, что собеседнику будет интереснее знать. А событий прошлой ночью имелось тьма-тьмушая, так почему бы и не просветить подруг о мировом заговоре?

Краткое изложение разведовательных работ заняло полтора часа, в ходе которого число сообщников увеличилось и составило всю нашу честную компанию, то есть шесть индивидов, включая кроху, которая дрыхла, положив голову на колено непоколебимой Вите, а задние лапы — Джейсу. Хозяин ревновал, но молчал.

— Да, Жана не было утром в столовой, — поделился наблюдениями Джейс. Юноша был серьезен, если не сказать встревожен: руку Киры он не отпустил до сих пор. — Но никаких

новых слухов не поползло.

— Странно, что никто не проснулся, — задумчиво протянул его брат, поглаживая пузико своей будущей скаковой. — Кира, а ты ничего не почувствовала?

— Нет, — девушка отрицательно покачала головой и задала закономерный вопрос, который давно вертелся у нее на языке, но никак не мог выскользнуть — повода не находилось: — Данька, а ты нездешняя?

Выбор слов оценили все.

— Можно и так сказать, — тяжело вздохнув, призналась я и поняла, что по уровню доверия Кире в моих глазах еще очень далеко до остальных болотных.

— И ты проснулась?

— Да, но я совсем проснулась. А те, кто стоял на площадке, больше походили на лунатиков. Вита, так можно сделать?

— Вполне, — подтвердила кикимора. — Только сил потребуется — не у каждого есть столько. Говоришь, там был ректор?

— Да, ректор, некоторые из преподавателей, секретарь и еще как стража, но без формы и опознавательных знаков.

— По особым делам, — хмыкнул Джейс. — Неприятные люди.

— И что мы теперь делать будем?

— Мы? — Джейс нахмурился. — Мы будем молчать. И пытаться никуда не влипнуть.

— Но разве...

— Дань, в твоём представлении идти всех спасать без должной подготовки, может, и героизм, но скажу откровенно: такого идиотизма я даже представлять не хочу.

— Поддерживаю брата, — поднял руку, как на голосовании, Трейс.

— Они правы. — Вита была солидарна с братьями.

— Да, Дань, сейчас мы ничем не можем им помочь. Тем более, как ты сама сказала, метки. Если их не снять, даже если мы всех выкрадем, выведем и спрячем, разве нам удастся помешать им уйти?

— Но мы должны что-то предпринять!

— Предлагаю начать со сдачи сессии, — внес конструктивное предложение Трейс. — Если нас отчислят, мы уже никому здесь не поможем. А дома времени на подобные глупости не останется.

Я бы могла с ними поспорить, доказывая, что глупостями здесь и не пахнет, но болотники были в чем-то правы. Устроим проблемы при несданной сессии — и получим билет на ближайший караван Кирстен — Семиречинск. Восемь дней и три пересадки.

Итак, дело за малым: сессию на тройки, чтобы даже придрататься не смогли, и в путь за коварным планом. А после — с новыми силами на баррикады правдоискательства.

Вирдин пришел с цветами. Большой букет тюльпанов уместнее бы смотрелся восьмого марта на столе любимой учительницы, чем посреди бардака в нашей пострадавшей комнатухе, рассчитанной на четыре персоны, но выделенной лишь нам двоим. Тем не менее цветы были получены и сданы из рук в руки Кире, единственной, кто остался помогать бедным обитателям комнаты двести семнадцать в наведении порядка.

Парень же застыл посреди этого срача, не в силах решить, куда бы ему присесть. На пол не позволяла гордость, на стул — вываленная впопыхах и не убранная одежда, на кровать — вечное отсутствие покрывала, а на шкаф — расстояние до потолка. Был еще вариант — подоконник, но его прочно заняла Кира с цветами, отрезая стратегические пути отступления.

— Я это... за конспектом.

— С договором аренды ознакомлены? — взяла инициативу в свои руки Вита. — Конспект дается вам в аренду сроком на двадцать четыре часа, по истечении которых за каждую минуту просрочки будет насчитываться штраф. Формула расчета представлена в приложении, можете ознакомиться. Далее обязанности сторон...

Не знаю, как Кире, а мне стало жалко смотреть на Вирдина, пока он слушал наш «контракт». Если бы я была на его месте, убежала бы на пункте «обязанности сторон», но юноша героически сдержался, только один тоскливый взгляд имел неосторожность упасть на дверь.

Конспект ему все же выдали спустя два часа бюрократических проволочек и утрясения гарантий. Даже мне поплохело от перечня кар, грозящих арендатору за хоть сколько-нибудь значительный ущерб конспекту. Вот не стоит он того, совсем не стоит. И как только храбрости у Вирдина хватило этот документ подписывать. Точно, ребята смелые и безрассудные, не наделила их природа чувством самосохранения.

— Вит, а ты, случайно, не палач? — поинтересовалась Кира, едва за юношей закрылась дверь.

— Нет, — легко ответила кикимора, — с чего ты взяла?

— Ну просто столько видов наказаний я за всю жизнь не слышала, а тут все в одном документе.

— А, ты про это. — Вита рассмеялась, кокетливо поправила прическу и пояснила: — Я за образец взяла уголовное уложение трехвековой давности, гуманизм уже пускал свои ростки, но не заполнил все сферы жизни. Дедушка ту пору вспоминал с такой ностальгией, — поделилась воспоминаниями детства болотница.

— Жалко дедушку, — протянула я. Лучше бы молчала, право слово.

Вита кивнула, принимая сочувствие, и произнесла куда-то в пространство:

— Жалко. А такой специалист был. Ни один из подозреваемых вину не отрицал — все со следствием сотрудничали. Деньки были... — Мы с Кирой сглотнули, переглянулись и, судя по ее лицу, она также возрадовалась возросшему гуманизму в болотном обществе. — Можем к демонам податься. Там, говорят, по старому уложению живут.

Мечтательно закатившиеся глазки старшей болотницы заставили нас мгновенно заболеть простудой и закашляться. Вот уж точно, темная сторона есть у всех.

— А не жалко было конспект ему отдавать?

Кира сползла с подоконника и уселась рядом со мной на кровать. Повертела головой и потянула на себя подушку. Вот же ж!

— После того как прослушала список санкций, — нет. Теперь мне его жалко.

— А сама когда учить будешь?

— Завтра? Думаю, за вечер успею. Умудряются же остальные так сдавать!

— Ты не права. Они не вечером учат. Настоящий адепт учит все за ночь, а утром тащит тональник у своей девушки и замазывает синяки. А иногда и не замазывает. Мало ли, препода любит видеть, как настойчиво учили его предмет.

— У нас такой будет? — вклинилась Вита, которая несколько заскучала без внимания.

— В следующем семестре. История колдовства в Кирстене. Предмет, несомненно, ценный и подлежащий дословному заучиванию. Ведь, не ровен час, остановит тебя в темном переулке маг-ренегат и ласково так поинтересуется: отрок, в каком году был основан Орден Скалящейся Гидры?

— И в каком же?

— А такой существует? — усмехнулась Кира, довольная, что нас провела. Меня, по крайней мере, Вита стояла задумчивая и что-то перебирала в уме.

— Тысяча пятьсот тридцать седьмой по местному исчислению, — наконец ответила она. — Но

ты, конечно, выберешь событие. Этого у тебя точно на экзамене не спросят, этих ребят не принято вспоминать: знатно напакостили в свое время. Впрочем, вклад в магическую науку внесли тоже соизмеримый. До сих пор их наследие ищут.

— И много нашли?

— Не так много, но попыток не оставляют, — пожала плечами Вита и прищурилась: — Пора бы уже и за работу. Нам до завтра еще две партии шаргалок изготовить, а они треплются.

Стоит ли упоминать, но конспект мне вернули в целостности и сохранности минута в минуту и ни секундой позднее? Вита вдумчиво пролистала все странички, то и дело подзывая меня для консультации на тему «был ли согнут уголок» или «вот эта закорючка на полях твоя?». Вирдин стоял и бледнел каждый раз, когда указующий перст кикиморы касался страницы.

Едва ли не поседев, юноша все же благополучно покинул нашу комнату, божась, что больше никогда не станет пренебрегать написанием конспекта. Да уж, встречаться лишней раз с внучкой советника по безопасности, коей, как мы выяснили, являлась Вита, когда та «при исполнении», удовольствие для очень стойких и подготовленных. И даже у нас, подслушивающих из цеха, слезы на глаза наворачивались от жалости к бедному пареньку.

Еще большим уважением я прониклась к нему, приступив к изучению собственных заметок. Нет, конспект был хорошим: подробным, со схемами и рисунками, замечаниями и выводами, но сам предмет... И дернул меня черт туда пойти?! Нет чтобы со всеми на косметическую отрасль нацелиться, грязями торговать, рекламу придумывать, с иллюзионистами водиться, записалась на боевую. И вот как мне ее теперь сдавать, когда страшно так, что даже бутерброд не лезет!

Промаявшись весь вечер, кое-как поднявшись на зачет, я поползла в учебный корпус. Почему-то на меня косились все встречные адепты, хотя я даже не старалась краситься и вообще тушь в руки не брала, а румяна кончились. Списав все на съехавший от напряжений мозг окружающих, я как лунатик добралась до аудитории, которая, разумеется, была на верхних этажах, чтобы сонные жертвы методического производства тащились по лестнице.

Сумка привычно стучала по попе, напоминая о наличии конспекта, руки цеплялись за поручень, а ножки шли приятно согреваемыми тапочками. Я замерла на предпоследней ступеньке, начиная осознать, почему косились окружающие. Тапочки, мои милейшие домашние тапочки, в которых я ходила по общежитию. Да уж, заявиться в них на зачет могла бы только я. Хотя, если бы зачет принимал не Альтар, я бы, может, и побежала в общагу переобуться, спустилась бы на эти восемь этажей вниз, потом поднялась обратно...

И тут я поняла, что даже если бы за дверью аудитории сидел ректор, я бы не стала возвращаться. Лучше пять минут позора (а от болотников другого и не ожидали!), чем восемь этажей туда-обратно и те же пять минут позора.

У дверей уже собралось не меньше половины группы, и мне пришлось постараться, чтобы найти себе местечко для ожидания. Протерев кусочек пола, я съехала по стенке, положила сумку с конспектом на колени и вытянула вперед ноги, перекрывая половину прохода. Правда, сомневаюсь, что в самом углу коридора кто-нибудь станет наворачивать круги.

Народ возбужденно галдел. Кто-то жаловался на предыдущего изверга, пытавшего свою жертву едва ли не полтора часа, кто-то делился впечатлением (а попросту пугал) старшекурсников об Альтаре, кто-то повторял особо длинные тезисы конспекта, а кто-то постоянно трещал молнией над ухом.

Я покосилась в сторону счастливой обладательницы четвертого размера, которая решила брать сурового преподавателя своими достоинствами, и тихо шепнула:

— Чулки сползают, шпору видно.

— Спасибо, — так же тихо ответили мне и принялись поправлять съехавший склад шпор.

— Юбку чуть пониже стяни, а то сразу запалит, — посоветовали незадачливой деве товарки.

В тех чувствовался опыт поколений. Незачем провоцировать преподавателя глубоким декольте и короткой юбочкой. Выглядит это, конечно, вызывающе, но вот бомбы прятать негде. А вот если выбрать юбку длинную, типа солнышко, чтобы по всему подолу шпорки сидели... Протянул руку — вытянул ответ, зато имидж какой! Порядочная молодая леди,

никого не смущает, на ночь в лаборантской не напрашивается, истеричкой не выглядит: почему бы и не отпустить с миром побыстрее?

Мальчики были более сдержанны: ставшая крылатой любимая фраза адептов всех времен и народов «мы все умрем» повторялась с завидной регулярностью. Ей вторила «жизнь — это боль» и «мама, я хочу домой». Про громкие выкрики «слабаки!» можно было с чистой совестью забыть: все и так знают, какое сумасшествие происходит в преддверии прихода преподавателя.

Альтар явился неожиданно, как и всегда бывает во время наиболее жарких дебатов о том, какой преподаватель хмырь. И, что тоже весьма характерно, самого распоясавшегося никто вовремя не одернул, и словесный поток кончился, лишь когда он увидел, как тот самый «хмырь», лишивший его удовольствия развлекаться всю ночь с товарищами, открывает двери аудитории и с интересом хирурга рассматривает незадачливого болтуна.

— Прощу. Пятеро готовятся. Адептка Вересная, тяните билет.

— А подготовиться? — Я была обижена преподавательским произволом до глубины души.

— Иди, — толкнули меня в спину добрые однопочники. — Ваше племя первым спрашивают, все равно ничего толкового не скажете, только время на вас тратят.

Сердито зыркнув на доброхвата, который не мог занять свои руки ничем иным, кроме выталкивания меня пред светлы очи хмурого от подобного обращения Альтара, я выдернула сумку из рук какого-то гнома-переростка и вошла в аудиторию. Первая пятерка уже строчила сочинения за партами, не замечая, как усмехается преподаватель.

— Тянем билеты, — распорядился Альтар, когда я подошла к столу.

— Но мы ведь... — начал было юноша, засевший в самом углу.

— Я не давал распоряжений тянуть, — пожал плечами маг и подтолкнул меня к билетам. — Тяни. — Глубоко вздохнув, я закрыла глаза и цапнула первый попавшийся. — Садись, — мне кивнули на место перед преподавателем.

Ну что за подстава?!

Усевшись, где сказали, я взглянула на билет. Да уж, что еще я могла вытянуть, кроме техники безопасности и методологии? Да этот вопрос просто создан для меня! Удача! Невероятная удача для того, кто стремится прийти на пересдачу.

Глядя на свой билет, я осознала, насколько любит меня судьба.

— Хороший вопрос? — поинтересовался изверг, который по какой-то ошибке казался мне раньше милым.

— Еще какой, — сквозь зубы выдавила я и принялась вспоминать.

Пересдача все же обошла меня своим вниманием. Но какой ценой! Альтар, видно, знатно повеселился, слушая мои измышления на тему «Методика изучения боевых заклинаний в полевых условиях» или, например, «Особенности применения боевых заклинаний при встрече с гигантскими земноводными». Еще более, чем наш бедный преподаватель, подавившийся смехом еще на втором предложении моего ответа, страдала аудитория.

Бедные адепты не могли сосредоточиться на своих шпаргалках, которые Альтар старательно не замечал. Они сопели, пыхтели, стонали, били кулаком по столу, а кто-то и вовсе предложил сесть на мое место и ответить. Не знаю, позволит ли маг дополнить мой «ответ», но бонусные баллы, судя по серьезному кивку магистра, добровolec получил.

Долго ли, коротко, сорок минут спустя я выползла из аудитории. Несмотря на оживление, царившее у дверей перед началом экзамена, ныне все возбуждение схлынуло, и единственный вопрос, который мне задали, когда я проковыляла мимо спящих на конспектах сокурсников, был «почему так долго?». Задали его, правда, без всякого огонька, и едва ли им был интересен ответ.

Выждав, но так и не услышав повторения, я побрела сдаваться в драконат. Ведомость, которую мне отдал Альтар на прощание, вмещала лишь мою фамилию, а потому ее уже можно было сдавать методистам. Придерживая ее двумя пальцами, я засунула зачетку с гордой тройкой в задний карман и прошлепала тапками на пару этажей ниже.

Если кто-нибудь когда-нибудь скажет вам, что самое страшное место в жизни каждого адепта — кабинет декана или ректора, не верьте. Побывать в кабинете ректора едва ли вам удастся за всю свою блистательную учебу, в кабинете декана — чуть более вероятно, но вряд ли причина будет столь тревожная, что заставит вас поседеть. А вот у методистов...

Номер их кабинета знает едва ли не каждый адепт с самого первого денька своего обучения. Их знают в лицо, здороваются в столовой, стараются обходить десятой дорогой, едва только их персоны появляются на горизонте. Каждое посещение их обители вносит смуту в мирное течение жизни адепта и требует длительного и тщательного восстановления посредством тех или иных успокоительных зелий. Именно сюда стекаются все сплетни любого вуза, у дверей вершатся заговоры похлеще мировых, и не иссякает поток недорослей, опасливо втягивающих голову в плечи, прежде чем зайти.

В этот безрадостный день, когда и меня угораздило напроситься на свидание с главными жителями драконата, у дверей «того места», называть которое все не рисковали даже самые искушенные ботаники, собралась небольшая очередь. Бледная, дерганая, с честными глазами и бутылочкой успокоительного. Они вселили бы ужас в любого незадачливого прохожего, а уж про подворотню и речи не шло. Рогато-хвостато-ушасто дерганые всех мастей и положений замерли в ожидании скрипа двери. Никто не хотел быть следующим, и сию почетную роль без колебаний уступили мне.

— Медосмотр? — почувствовала я демону. Бедняга явно переусердствовал со стероидами и возвышался над всей очередью покруче дамкловла меча. Известный забияка, он был авторитетом среди адептов, и не минувшая его чаша близкого знакомства с драконатом заставляла трепетать остальных.

— Да, забыл, — протянул он, почесывая макушку, дернул себя за кончик крыла и тяжело вздохнул.

Выход бледно-зеленоватого эльфа из «того места» заставил меня сглотнуть, ухватиться обеими руками за ведомость (чтобы не перепутали с должниками!) и шагнуть в клетку с драконами.

Обитель зла местного разлива встретила меня насыщенным запахом роз и ярким светом проснувшегося солнца. Оно, как и методисты, явилось на работу в недобром расположении духа, а потому с чувством метало всем незадачливым посетителям. Всем... кроме болотных.

Завидев меня, та методистка, что занимала левый сгол, переменялась в лице и расцвела в доброй улыбке, которой не поверил бы даже гоблин с синдромом Дауна, та, которой выпала честь сидеть справа, подавилась, но удержалась от масок.

— Я... э... ведомость отдать, — растерявшись, пробормотала я, выставляя бедный листик, как щит.

— Кому сдавала? — нахмурилась та, что слева.

— Альтару, — от неожиданности я даже не вспоминала полное имя любимого преподавателя.

— Ясно. — Ко мне моментально потеряли интерес. — Положи вон туда.

Я взглянула в указанном направлении и заметила пустой стол, на самый краешек которого и устроилась ведомость с моей гордой тройкой.

— И все? — несмело поинтересовалась я, рассматривая паркет.

— Долги, недопуск к экзаменам? — деловито осведомилась «левая».

— Все в порядке, — выдавила из себя я.

— Тогда свободна.

Прощаться я не стала: возвращаться в это место не было никакого желания.

Января не прощала ошибок. Об этом скорбном факте ее биографии знали все. Преподаватели трижды пересматривали конспекты собственных лекций, прежде чем одолжить материалы коллеге, а более ленивые адепты уповали на небеса. Даже Вита проверяла дважды все свои работы, прежде чем отдать на высокий суд. Я... Я уповала на небеса вместе с большей частью адептов.

В отличие от многих, Января принимала экзамен вечером, позволяя подопечным накрутить себя до такой степени, что даже идеально выученный билет кикиморе-полукровке приходилось вытягивать из адепта силой.

Стоит ли говорить, что особой популярностью в этот день пользовались успокаивающие зелья от Болотников и Ко, щедро выставленные на продажу за три дня до сдачи. Трейс, как всегда подсутившийся, подсчитывал прибыль, а мы, бедные жители комнаты номер двести семнадцать, едва успевали извлекать бутылки на продажу, что уж говорить о повторении.

Впрочем, повторение было актуально скорее для Дитмара, в случае же Января полагаться стоило на руки и привычку: варить что-либо за пределами учебной аудитории возбранялось. А потому никто не удивлялся, что в коридорах общежития стоял такой запах, что иной раз безопаснее было прыгать из окна, чем выходить в большой мир по лестнице.

Я тяжело вздохнула и полезла в карман за печенькой. Волнение, присутствовавшее до приема суперуспокоительного зелья, исчезло, как и говорилось в инструкции, за шесть-семь минут, но на смену ему пришел зверский голод.

— Еще есть?

Кире также не удалось сохранить ясность мышления без успокоительного, а потому она испытывала схожие с моими проблемы.

— Ага. — Я протянула подруге по несчастью целую, даже не погрызенную сушку.

— А печеньки? — жалобно проканючила Кира.

Увы, ревизия выявила, что последняя печенька благополучно упокоилась у меня в желудке, и наступила пора сухешек.

— Кончились.

Судя по строенному вздоху сожаления, о печеньках сожалели куда больше, чем о собственной незавидной участи. Но долго наше сожаление не продлилось.

Ровно за две минуты до начала на лестнице показался сначала пучок на голове, а после — вся Января. Вид ее был куда более строгий, чем нам доводилось видеть, а потому синхронное сглатывание получилось с первой попытки.

— Первая пятерка определелась? — сухо поинтересовалась Января, открывая дверь аудитории. — Заходим.

Дождаться, пока адепты на подламывающих ножках заползут в аудиторию, преподавательница не стала, мелькнул ее пучок и скрылся. В коридоре повисла недобрая тишина.

— Болотные? — робко предложила... демонесса! Я недоуменно воззрилась на это чудо, но долго любоваться мне не позволили. Трейс, решивший выполнить роль самого глупого адепта, полез на амбразуру.

— А вшестером можно? — залиvisto прокричал он.

— Вам — можно, — усмехнувшись, разрешила Января.

Медлить больше мы просто не могли. Вычислив жертв, толпа начала смыкаться, подталкивая нас к двери. Пожалуй, захоти мы сбежать, прорвать кольцо сокурсников не смог бы ни один.

— Лишние полчаса вам ничего не дадут! — напомнила Кира, у которой выхватили сушку, чтобы она не медлила. Ей в ответ лишь оскалились. Заядлые коридорщики знали: лишняя минута — благо, дарованное свыше. Чем ближе к концу, тем измотанней препод.

— Идите уже, — недовольно фыркнула одна из иномирянок. Вот уж точно солидарность! Кира посмотрела на нее как на врага.

Последним заходил Джейс, придерживавший за плечи Киру. Девушке все же было здорово не по себе, даже после суперзелья. Мне тоже становилось зябко с каждым шагом, но выдавать души нелестные порывы я остереглась: честь болота превыше всего!

Января неторопливо раскладывала билеты на своем столе. Закончив, она перевела взгляд на

нас и удивленно вскинула бровь:

— Каэр, почему ты с первым курсом? Твоя группа сдает на следующей неделе.

Я удивленно перевела взгляд с преподавательницы на нашу честную компанию и замерла: с нами действительно был лишний. Раз, два, три... шесть. Именно шестым выходил наш незадачливый коллега по экзамену.

— Мне нужно сдать раньше. Дра... деканат позволил.

— Хорошо, — кивнула женщина и указала ему на самый дальний котел. — Начни приготовления, а я пока деткам задания раздам.

«Детки», судя по отсутствующим выражениям лиц, могли бы и вовсе обойтись без задания, но Вселенная была немилосердна: экзамен предполагал выполнение заданий разного уровня сложности в зависимости от везения каждого конкретного адепта.

Первой на казнь отправилась Вита. Медленно, с присущим только ей величием, болотница вытянула билет и усмехнулась.

— Номер? — поинтересовалась Января.

— Тридцать седьмой, — откликнулась девушка и отправилась к столу. В руках она держала чистый с обеих сторон лист бумаги.

— Кто следующий? Дана?

Я сглотнула, мысленно три раза позвала Халяву и выбросила вперед левую руку, сцапывая первый попавшийся билет. Там стоял лишь номер.

— Двадцать восемь, — поделилась сведениями я и очень медленно отправилась к соседнему столу: требовалось понять, как заставить задание появиться.

Из аудитории мы вышли после полуночи под слаженные стоны остальных. Теперь пятерым из них предстояло отправиться на растерзание. Мы же, отмучившись, пребывали в таком приподнятом настроении, что, казалось, выйдем из здания — и в небеса унесет.

Отмучились! Последняя стадия кошмара под скромным названием «сессия» была пройдена с блеском, зеленым туманом и одним убежавшим зельем (у Каэра). В зачетке гордо мерцали четверки у всех, за исключением Виты, но тут уж сама Великая Жаба велела реять пятерочке. И не только из-за знаний конспекта! Смекалка у Виты оказалась лучше нашей: сразу догадалась, что задание невидимыми чернилами написано, но не теми, что шишки используют, а самыми простыми и... самыми сложными. Догадаться о таких простых фокусах, будучи взрослым магом-первокурсником, когда считаешь, что чем сложнее чары, тем они действеннее, задача не из простых. А Вита догадалась сразу, не то что Трейс. Болотнику вообще копия билета потребовалась, оригинал он по недосмотру сжег, потому и получил дополнительное задание и дополнительный час времени, во время которого его сверлили недовольными сонными взглядами все мы: выпускать кого-то, как и запустать, Января не собиралась, считая, что такими походами можно сбить неопытному зельевару концентрацию. Что ж, в чем-то она была права.

— Нет, ну какая женщина! — восхищенно восклицал Трейс, едва мы отошли подальше от учебного корпуса. — Я бы ни в жизнь не догадался!..

— А стоило бы, — хмыкнула Вита. — Неужели ты правда не подумал о них? Мне казалось, твоя семья только так и пишет послания.

— Так-то оно так, — нахмурился юноша, — но там обычно специальный проявитель и определенная температура, а чтобы так просто...

— Сказал тот, кто заработал штрафную, — фыркнула Кира, за что была дернута за косу.

— Сама-то! — напомнил обиженный болотник.

— Не трогай мою девушку, — серьезно предупредил брата Джейс.

— Да кто ее трогает! — возмутился Трейс, осознав, верно, что вокруг враги. — Данька, ну хоть

ты им скажи!

— О чем? — с готовностью поинтересовалась я. — Мне самое простое досталось — лимон, а вот про крахмал я и сама не знала.

— Приедем на практику, проведу краткий курс, — пообещала Вита, дергая дверь общаги. — Ну что, все готовы к возвращению?

— Ты еще спрашиваешь!..

Глава 2

Собирательно-ознакомительная, или В гостях хорошо

Сколько Жабу ни корми,

А пирог без присмотра — плохая идея.

Списки групп повесили под утро. Именно повесили, ибо меньше всего эти куцы листки пожелтевшей бумаги напоминали бодрые поздравительные открытки, скорее — приглашение из похоронного агентства с неуказанной суммой взноса. Они держались на бельевой веревке, пропущенной через дыру в изголовье, и скорбно шелестели на сквозняке.

Паломничество к мученикам бюрократического произвола началось, едва только первый из них показался на стенде. Бедный гоблин-секретарь оказался бы затоптан в тот же миг, если бы не подоспела силовая поддержка. Три гнома-смотрителя прикрыли коллегу мужественными бородами и выставили вперед швабры. Адепты отступили: сознательно напрашиваться на исправительные работы, когда и так совесть нечиста, было верхом идиотизма.

Мы с Витой предпочли не спешить. Во-первых, на наши хрупкие плечи скинули подготовку торжественного ужина в «Трех слонах», и мы с азартом обсуждали меню. Во-вторых, в битве между демоном и эльфом всегда побеждает болотник, который просто сидит на кочке и наблюдает, как два не очень умных существа тратят драгоценное время на бессмысленные столкновения и рукоприкладство. В-третьих, за доставку слухов и сплетен отвечала Кира, а иногда и Трейс, и, как показывала практика, и часа не пройдет, а мы уже будем знать, с кем нас свела суровая длань ректора.

А потому, оставшись у себя, мы не прогадали. Спустя четверть часа после того, как лестница в коридоре стала скрипеть от табуна адептских ног, дверь распахнулась и в комнату влетела Кира, радостная как сто тысяч фанатов, встретивших своего кумира.

Я медленно, чтобы не нервировать возбужденную новостями девицу, отодвинулась чуть дальше, на всякий случай прикрываясь подушкой. Вита же флегматично подвинула себе стул и уселась. Кире пришлось самой за собой поухаживать.

— И что тебя так обрадовало? — поинтересовалась болотница, когда девушка плюхнулась посреди комнаты. Как на допросе, честное слово. Свет от окна бил в лицо подозреваемой, детективы вперили в нее тяжелые взгляды...

— Не надо на меня так смотреть, — сглотнув, попросила девушка, подумав, видимо, о том же.

— Прости. — Вита поспешно отвела взгляд. — Нервничаю перед возвращением. Столько всего нужно купить.

— Купить? — уцепилась за любимое слово Кира. — Ты еще не собралась?

— Собралась, но для сувениров мне нужна еще одна сумка.

— Тогда нужно прогуляться. Я нашла такое место... — Зерно упало в благодатную почву. О покупках Кира могла говорить часами напролет, но, увы, в этот раз слушать об очередной покупке самой нужной вещи никто не собирался.

— Ты хотела сообщить нам что-то очень радостное, — напомнила Вита. От нетерпения ее пальцы начали выбивать ритм какой-то песенки, которую я так и не запомнила, хотя... — Гимн, — подсказала мне болотница, хотя вслух я ничего не говорила. — У тебя такое сосредоточенное лицо... Кира, ну, право слово, ты даже меня заставляешь беспокоиться. Что случилось?

— Мэтр Райген! — радостно воскликнула Кира. — Нашим куратором будет он.

Я заколебалась: фамилия мэтра была знакомой, но вспомнить, кто из преподавателей ею обладал... Не зельевары — этих товарищей мы всех не то что по именам, в лицо знали и всякий раз здоровались. Из корыстных побуждений, конечно, жизнь — она нам дорога. Пространственник? Нет, в таком случае бы Ганса снарядили. Неужели флора-фауна? Или кого-то со второго курса к нам направили...

— Данька, ты слишком серьезна для этой новости, — заметила Вита, которая уж точно знала,

о ком нам сообщила довольная Кира.

— Я чего-то не знаю?

— Ты действительно не поняла или мне просто так кажется? — начала хихикать Кира. Она пыталась делать это так незаметно, что едва не нагнулась со стула от полноты чувств.

— Ну и что! Не могу же я весь преподавательский состав знать! — Я разозлилась. Нет, серьезно! Ну не помню я такой фамилии. И что теперь: издеваться до самого вечера?

— Его ты лучше всех нас знаешь, — не унималась девушка. Она крепко держалась за спинку стула, чтобы не повторить свой полет вновь.

— Да откуда? Я только Альтара лучше вас знаю! — выпалила я, злясь на этих несознательных. Даже Вита посмеивалась, хотя обычно сохраняла серьезную маску и нейтралитет.

— Наконец-то, — выдохнула девушка и поднялась. — Альтар и едет с нами, будет приглядывать. Заодно у него какая-то встреча там. Будет КАКу представлять, как я поняла, — поделилась сведениями Кира и подошла к двери: — Ладно, я собираться. Отправляемся завтра утром. Сбор в семь у Радужного Храма. Написано — не опаздывать, так что долго гулять не получится.

— Ты не знала его фамилии? — дождавшись, пока за Кирой закроется дверь, осведомилась Вита. — Он тебе не представлялся?

— Может, и представлялся, но это так давно было... — Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить нашу первую встречу. Болото, комары, я не пускаю их в дом, договор... — Представлялся! Он точно представлялся, но я забыла. Просто как-то не было необходимости его так звать и...

— Не было необходимости звать своего преподавателя по фамилии?

— Он тогда не был моим преподавателем, — выпалила я, стараясь оправдаться. — Это на болоте случилось, а там не до таких величаний было. Альтар и Альтар.

— Ясно, — покачала головой болотница. Видимо, она смирилась с пустоголовостью своей соседки. — Начни собираться пока.

— А ты? — Я послушно поднялась с кровати и направилась к шкафу.

— Ну кто-то же должен сходить в таверну и обрадовать их нашим визитом, — улыбаясь, сказала Вита и, переодевшись, выскользнула в коридор.

Я осталась одна.

Наскоро заперев дверь, чтобы больше никто не зашел посмеяться над садовой памятью кикиморы, я сокрушенно упала на кровать, с силой сжимая подушку. Ну почему я забыла? Позорище-то какое! Действительно, как только умудрилась?!

Вдоволь насладившись переживанием собственной ущербности, я поднялась с кровати, поправила покрывало и, как в лагере, треугольником поставила подушку. Время неумолимо шло, а сумка все еще не была готова к отправлению, а зная Альтара... В путь мы отправимся без опозданий и опоздавших, и сумку собирать придется прямо по дороге, демонстрируя прохожим все прелести координации и желтых панталончиков, кокетливо выглядывающих из сумки. С моей везучестью я ни секунды не сомневалась, что именно этот подарок заботливой Ваничны окажется между сумкой и свободой на всеобщем обозрении зевак.

Глянув на сумерки за окном, я подивилась энергии обеих девушек и поплелась собираться. Дальнейший план моих перемещений больше напоминал хождение зомби: траектория ни разу не поменялась, и даже шага отклонения не получилось в моих походах от шкафа к кровати и обратно.

Выложив все свои скромные пожитки на кровать, отчего подушка перестала быть самым высоким объектом постельного царства, я принялась разбирать стопки, пытаюсь вспомнить, как процедуру сбора проводила мама.

После десяти минут напряженного думания я поняла, что информации мне не хватает. О том, какая сейчас погода в столице болотного царства, я имела весьма смутные представления. Рассудив, что толпы адептов разбудят кого угодно, я отправилась брать языка.

Из комнаты братьев-болотников не доносилось ни звука, что лучше других признаков свидетельствовало, что требуемые мне субъекты на месте и бодрствуют. Постучавшись и не получив ответа, я толкнула вперед дверь и бережно закрыла ее за своей спиной. В комнате никого не было. На первый взгляд.

Чинно застеленные кровати, коврик как по линейке в центре комнаты, столы без налета пыли и шкаф с целой дверцей. Ну кто бы поверил в подобный маскарад?!

— Жабкина потеха, — приснула я, зажмурилась и вновь посмотрела на окружающий мир.

— Не наступи! — крикнул мне Трейс, балансируя между стопками книжек.

— Что? — не поняла сразу я, но, глянув себе под ноги, мгновенно прозрела. — Ох ты ж моя умничка!

«Умничка», весело квакая, прыгала вокруг моих ног. Я наклонилась, подставляя ей ладошку, и пересадила себе на плечо. Жабка довольно квакнула.

— А ты тяжелеешь, подружка, — глядя маленькую головку, прокомментировала я. — Совсем скоро я не смогу тебя так легко поднимать.

Маленькая жаба квакнула жалобно, и я поняла, что даже если она на килограмм, а то и все пять, поправится, никто из болотной братии не откажется брать ее на ручки: такой милашке просто невозможно отказать.

— Я жду этого момента, — ревниво пробурчал Трейс. — Может, тогда она хозяйскую собственность уважать начнет.

— Надейся, — разбил все надежды брата Джейс, который наблюдал всю картину снизу вверх, лежа в кровати и заложив руку под голову. — Привет, Данька, что-то случилось?

— Эм... да, — призналась я. Тут же на меня настороженно уставились три пары глаз. — Я сумку собираю, а что братъ — в голову не приходит. В Семиречинске сейчас как?

— Дома приятно, — с предвкушением проговорил Трейс. — Я уже представляю: тепло, солнышко, девочки...

— ...твоя невеста с ее матушкой и букетом крапивы, — продолжил логическую цепочку Джейс, насмешливо косясь на помрачневшего друга.

— У Трейса есть невеста? — удивилась я, аккуратно ссаживая заскучавшую жабку на пол.

— Нет!

— Да!

Мальчишки выпалили это одновременно, но разобраться, кому принадлежали какие ответы, было несложно.

— И вовсе она не невеста! — начал распалаться Джейс.

— Ты в ответе за тех, кого приручил, — посмеивался Джейс, глядя на ворчавшего брата.

— Ребят, а может, вы мне ответите и я пойду? — напомнила о своей проблеме я, понимая, что подколки друг друга в компании двух болотных «крутых» парней могут длиться вечно, а мне бы хоть до вечера собраться, чтоб ночью (если мы вернемся ночью!) не искать забытую расческу по всем углам.

— Конечно, — благожелательно откликнулся Джейс. Он так и не поднялся с кровати, но, видимо, такое положение было для него привычным, ибо он умудрялся даже жестикулировать у себя над головой без каких-либо ощутимых проблем. — В Кирстене конец зимы, но снега не так много, сама видишь — повезло. А в Семиречинске самое настоящее начало лета, но солнце уже достаточно прогрело землю, и... мы попадем домой как раз под начало туристического сезона. Так что ищи шорты и купальник, но теплое тоже возьми, вечера пока прохладные, может продуть.

— Продуть-продуть, — прогнусавил Трейс. — Не слушай ты этого старого перестраховщика!..

— Спасибо, ребят.

Я выскочила прежде, чем болотник успел вновь войти в раж. Они, конечно, разумные парни, но как заведутся... Перспектива судить их глупый спор на пустом месте, а он наверняка случится — практика утверждала это со стопроцентной вероятностью, заставила мой организм проснуться и покинуть этаж в кратчайшие сроки.

Комната все еще была пуста, как и моя дорожная сумка. За окошком светлело, но так медленно и незаметно, что даже не верилось. Потянув себя за прядку и кое-как расчесавшись пятерней, я принялась за работу.

Теплое, холодное, короткое и длинное, с подолом и рукавами, с подметкой и каблуками... Сумка пополнялась всем тем, чему не суждено было мне услужить в главном болотном городе. И я это прекрасно знала, но продолжала играть в тетрис, засовывая и утрамбовывая вещи.

— Уже собралась? — Вита вернулась как раз к последнему штриху сбора: попытки застегнуть сумку.

— Ага, — пыхтя от усердия и двигая высунутым кончиком языка в такт запикиванию, отозвалась я.

— Помочь?

— Ага, — сил для слов у меня не было: сражение шло не на жизнь, а на авторитет.

Вита решила вопрос радикально и в своем стиле: вместо того чтобы помочь мне затолкать вещи в сумку, она вытянула оттуда свитер и спокойно затянула горлышко моего заплечного мешка.

— Но он мне нужен!

— Мы лучшие производители свитеров на континенте. Понадобится — купишь на месте, — успокоила меня Вита. — А теперь брысь отсюда: я собираюсь паковать зелья...

— Можешь не продолжать.

Я сглотнула, подхватила неупакованные полусапожки, куртки и выбежала из комнаты. Ну его, это любопытство, непорченная шкурка важнее.

А на улице все еще серело небо, но уже от облаков.

Вопросом «куда податься?» редко задаются люди, живущие одни. Если же ты живешь с кем-то и это не твоя вторая половинка, то он возникает часто и внезапно, заставляя ломать голову. Вот и я сидела на скамейке у входа в общагу и соображала: куда пойти?

Близился обед, но по случаю окончания сессии и практики, поваров отпустили на каникулы. Не оставлять же их на лишний день работы только из-за первого курса, который, как и всегда, оказался ржым и уезжал последним. Вот Каэр, ходивший с нами к Январе, той же ночью отбыл в родной Запрудный, а нас уже целых три дня держали, утрясая вопросы с кураторством. И, когда утвердили, оказалось, что столовая закрыта, и пересидеть там опасное время просто невозможно: главный повар запер все помещение, чтобы адепты стулья не растащили. Или не сгрызли, желая отомстить.

Мысли о столовой закономерно напомнили о еде, а желудок и рад стараться. Засосало под ложечкой, и мыслительный процесс ускорился в разы. Вот что значит настоящий достойный стимул!

Вдохнув, я отправилась в город. Выгонит — ну и ладно, но если повезет — обед будет выше всяких похвал. И добавку дадут.

Счастливо улыбаясь, поднялась со скамейки, потянулась, как будто утром перед сложным делом, и, пружиня, отправилась проверять выдержку любимому преподавателю. Хотя, если разобраться, как преподаватель он был отвратен и нелюбим всей адептовской КАКой, а вот как шеф-повар снискал бы всеобщее расположение, но о скрытых талантах магистра боевой магии знали только избранные и я.

Возле дома Альтара опять шла стройка. Развороченная дорога являла собой памятник моего родного мира, а перехватившие самокрутку гоблины довершали родную картинку. Еще бы карты нашлись... Я внимательно огляделась, но искомым предметом не обнаружила: гоблины

не в первый раз что-то прятали. Об этом громко возвестил и их начальник, явившийся проверить подотчетную бригаду.

Работники быстро переглянулись, пока начальник рассматривал безобразие, числившееся у него в документации сдаваемым объектом номер тринадцать, и попрятали следы перекура в бочку. Надпись на ней я не разобрала, но малодушно струсилла и решила миновать опасную зону побыстрей. Если рванет — самым надежным местом будет близкое соседство с полноценным магом, а до него еще пилить и пилить. Если дома, конечно.

В подъезде витал запах вареной рыбы. Этот вид пропитания никогда не был в числе моих любимых, и аромат заставлял вспомнить весьма неприятные вещи, которые могли бы отбить аппетит всякому, но не мне. Желудок согласно пробурчал, придавая ногам мотивации.

Заветная дверь тоскливо пялилась в пустоту. Глазок тускло блестел, а звонок и вовсе отсутствовал. Набрав в грудь побольше воздуха, я занесла руку для стука.

— Заходи!

От удивления я подавилась, а гордая грудь обвисла, как проколотый воздушный шарик.

— А подождать, пока постучу?! — негодуяще протянула я, переступая порог и стягивая ботинки.

— Зачем? — нахально блеснул из кухни улыбкой маг.

Я с удовольствием отметила, что рыба готовилась не здесь.

— Да, зачем вообще... Глупый ритуал, лучше разрыв сердца гостям устроить, — пробурчала себе под нос я и повесила куртку на вешалку. Взгляд скользнул по незнакомому пальто. — А ты не один?

Из кухни донесся смешок, который быстро перерос в кашлянье. Я настороженно покосилась на «больного», занявшего мой любимый стул. Кажется, мы уже встречались.

— Лиан? — осторожно поинтересовалась я, косясь на рыжеволосого, который, по моим соображениям, ранее таковым не был.

Юноша повторно подавился, но уже не смехом, а, судя по мордашке, негодованием.

— Альтар, как она может!..

Закончить ему не позволили, заткнув рот самым верным способом: всунув большой и вкусный бутерброд, который этот мелкий засранец тут же начал есть, нисколько не смущаясь присутствия голодной меня.

— А мне? — как можно жалобнее, что было совсем не сложно не евши с самого утра, проговорила я, заглядывая в добрые-добрые глаза хозяина дома.

— И тебе, — со вздохом заверил Альтар, вытянул из шкафчика тарелку и принялся накладывать. — Как знал, что появишься!

— Хорошие гости приходят к обеду и не заставляют хозяев краснеть и лишний раз утруждаться! — поделилась мудростью я, подтягивая себе стул и усаживаясь напротив Лиана. С этим субъектом у нас так и не сложилось. Я не нравилась ему, он, закономерно, — мне, но пока рыжий не претендовал на мой хавчик, терпеть его было возможно.

— Что она здесь опять делает? — возмутился Лиан, когда бутерброд кончился.

— Ест, — пожав плечами и сверившись с ситуацией, заметил Альтар. — Ты, помнится, за тем же спустился.

Я предпочла не задавать глупых вопросов, ибо спрости я в точности то, что озвучил младшенький, ответ едва ли получила бы отличный.

— Да, но я же твой брат!

— А я Данька! — решила я немного пошутить и протянула ему руку для пожатия. Лиан скривился и отсел подальше. — И даже не заразная. А если и заразная, то это не лечится, и ты уже заболел.

Юноша дернулся, как будто это была угроза, внимательно посмотрел на старшего брата, но тот только усмехнулся и отвернулся к плите — накладывать следующую порцию.

— Неинтересно, — буркнул мне парень и пододвинул ближе салфетки.

— Приятного аппетита, — пожелала я этой испорченной буке, когда Альтар поставил перед ним тарелку.

— Не надейся! — буркнул себе под нос Лиан и взялся за вилку.

Жареное мясо с непонятным соусом и салаг примирили нас с присутствием друг друга, но вечно мир не мог продолжаться и, стоило еде закончиться, между нами прошла первая трещина, норовившая уничтожить пелену молчания. Альтар, севший между нами, только вздохнул и попросил:

— Не сегодня, ладно?

— Его проси!

— Ее проси!

Мы выпалили это разом, переглянулись и... рассмеялись. Все же хоть что-то общее нашлось между нами.

— А вот и не подеретесь, — предрек будущее Альтар, откидываясь на спинку стула и по очереди разглядывая нас. — Данька, у тебя какое-то дело или зашла подкрепиться?

— Дело и подкрепиться, — согласно кивнула я, поднимаясь. — А ты занят?

— Нет, «ты». Подумать только!.. — У Лиана начался затяжной приступ смеха.

Альтар с осуждением покачал головой, но от комментариев воздержался.

— Лиан, подожди здесь, — распорядился он и направился в библиотеку. Я посеменила следом, то и дело оборачиваясь на младшенького. Вот не верилось, что в спину ничего не полетит.

Ступеньки миновала так стремительно, что Альтар, не успевший отойти на достаточное расстояние, почувствовал, как в спину ему уткнулся чей-то не слишком мягкий нос, а следом и вовсе произошла атака на уши.

— Блин блинский, — выругалась я, ощупывая пострадавший хрящик. Вроде бы обошлось.

— Дай посмотреть.

Маг притянул меня к себе, коснулся холодными пальцами моего носа и что-то прошептал.

— Больно! — возопила я, когда пострадавшее место прожгло так, что, будь это настоящий огонь, остаться мне безносой.

— Зато к целителю идти не придется, — пожал плечами Альтар и отстранился. — Зачем ты пришла?

— Хотела тебя увидеть, — уставившись себе под ноги, сказала я и задумалась. Ведь действительно хотела его увидеть. Еда — это, конечно, важно, но, имея с полдюжины золотых монет в карманах, в любое заведение города проход был открыт. — И покушать.

Альтар довольно усмехнулся и быстро поцеловал меня в лоб, как маленькую девочку. Я прищурилась и прошлась оценивающим взглядом с ног до головы.

— Нет, не похож, — вынесла вердикт я.

— На кого? — не замедлил поинтересоваться Альтар, разглядывая меня сверху вниз. Повезло же родиться высоким!

— На папу!

— А должен? — неподдельно удивился маг и почему-то хмыкнул. — Лиан, подслушивать бесполезно.

— Последней радости лишаешь! — донеслось недовольное восклицание и звук шагов. Судя по

громкости, нас действительно пытались подслушать.

— На чем мы остановились? — дождавшись, пока стихнут шаги, сказал маг.

— А почему он здесь? — перевела тему я, не желая ни в чем признаваться.

— Решил навестить старшего брата, — пояснил магистр и попросил: — Дань, не заводись с ним, пожалуйста.

— Он сам первым начинает! — пожаловалась я и сползла на пол. Уселась по-турецки и требовательно дернула собеседника за штанину.

— Он просто большой ребенок, — вздохнув, ответил маг и присел напротив. — У меня сейчас совсем нет времени, — с какой-то непонятной тоской проговорил Альтар.

— Тогда иди, — выдыхая с облегчением, ибо наш разговор перестал быть веселым и направился в опасные дали, благословила на подвиги.

— Мне жаль, что не могу уделить тебе больше внимания.

— Ничего-ничего, как-нибудь потом.

Я одним движением поднялась, демонстрируя, что бодрее как никогда и ему стоило бы брать пример.

— Обещаешь?

— Нет. — Я радостно повертела головой, то ли просто рассматривая библиотеку, то ли желая улучшить вентиляцию, то ли просто отрицательно.

— Злая и вредная болотница! — выдал Альтар, поднимаясь.

— И не одна такая! — с гордостью за всю нацию воскликнула я и замялась. — А ты строгий куратор?

— Еще какой, — пообещал маг.

— А зачем тебе с нами ехать? — продолжила допытываться я, забыв, что он куда-то спешил.

— Присмотреть за талантливыми детками.

— А может, не надо? — жалобно провыла я, но не справилась с ролью и рассмеялась.

— Завтра в семь, — напомнил маг. — Опоздавших ждать не будем.

— А меня?

— А тебя я лично разбужу, — пообещал Альтар, глянул на наручные часы и... исчез, оставляя меня одну в его огромной квартире — внизу кто-то споткнулся — или не одну.

— Лиан? — окликнула я.

— Что? — недовольно отозвались снизу.

— Альтар ушел.

— И не попрощался? — После небольшой паузы: — Да, отец не любит ждать.

Я с интересом высунулась вниз, разглядывая присевшего на первую ступеньку Лиана. И вот зачем Альтар нас вдвоем оставил? Радикального решения проблем захотел? Вернется потом, а тут два хладных тела и паркет исцарапан.

— У вас такой страшный отец? — поинтересовалась я, медленно сползая по лестнице на попе. Как бы синяков не наплодить, но в детстве, помнится, при таком катании обходилось. На удивление, лестница мага совсем не была по копчику, да и скользила, как положено правильной горке.

— Отец не страшный, просто требовательный, — подперев голову рукой, поведал Лиан. — А тебя с ним еще не знакомили?

— А почему ты считаешь, что должны были? — нахохлилась я, останавливая катание за несколько ступенек до столкновения. Сомневаюсь, что младшенький стал бы мне разбитые коленки или травмированный нос лечить.

— Просто, он же тебе... — Заметив, с каким интересом я дожидаюсь окончания реплики, Лиан замолчал и довольно расхохотался. — А не скажу — сама у него спросишь.

— Вот и спрошу!

— Вот и спроси! — радостно поддержал перепалку Лиан. Я надулась, но промолчала. А вот младшенький молчать не собирался и следующей своей фразой знатно меня огорошил: — Удивительно, но ты первая нормальная девчонка, которую он привел домой.

— Были и другие? — Нет, я не ревную! Я просто составляю позорный список. Зачем? Занадом!

— Были, — протянул Лиан и встал со ступеньки. — Идем, что ли, нормально познакомимся? А то при брате даже не поговоришь — имидж поддерживать приходится.

— Имидж?

— Да, я ярый борец со всякого рода охотницами! Никого не принимаю, — похвастался юноша.

— А ты всем об этом говоришь?

— Нет, — Лиан рассмеялся. — Просто ты первая, с кем он ушел в библиотеку и кого подслушать не позволил. А это что-то да значит. Тем более... Нет! И не надо такое лицо делать! Это с братом, может, и пройдет, а я тебя насквозь вижу!

— Не очень-то и хотелось.

— Вот и не хоти!

И он снова заливисто расхохотался. Так заразительно, что я не смогла сдержаться и захихикала в ответ.

— А когда Альтар вернется?

— Не знаю, — пожал плечами младшенький. — А ты уже соскучилась?

— Мне стоит отвечать? — вскинула брови я, изображая светскую даму, которой задали глупейший в жизни вопрос.

— И так все видно, — развел руками глазастый и добавил: — Прогуляемся?

Я задумалась. Вряд ли Вита уже закончила с упаковкой зелий, а в ином случае меня и на порог не пустят. Сидеть опять на скамеечке под сочувственно-насмешливыми взглядами сокурсников тоже не хотелось, но гулять с младшеньким... Впрочем, если принять его за источник информации, то можно и потерпеть. Недолго.

— Идем. — Я первой направилась в прихожую одеваться. — У тебя ключи есть? А то нельзя просто так бросать квартиру.

— А здесь не ключи, — усмехнулся Лиан, придирчиво разглядывая себя в зеркало. Судя по нахмуренному лицу, он не был доволен своей утренней внешностью, но бежать и корректировать на глазах девчонки не собирался, боясь потерять остатки мужского достоинства. — Брат поставил опознавание на дверь. Те, кому он позволил, войдут без всяких ключей, а вот кому нет...

— Тем будет грустно, — закончила за него я, влезая в сапожки.

— Примерно, — согласился юноша. По его дернувшемуся лицу я предположила, что ничего приятного внезапных визитеров не ждало, но неужели и самому младшенькому досталось в свое время?

Выходя из квартиры, я не удержалась от эксперимента. Дождалась, пока за нами захлопнется дверь, а после потянула за ручку.

— Открылась! — воскликнула я, ощущая тепло по всему телу. Приятно чувствовать себя особенной.

— Хм, еще бы, — Лиан был немногословен, как будто тема наших «особых» отношений с его старшим братом была для него испытанием силы воли. — У тебя все его двери откроются.

Сказано было с раздражением, и, за неимением старшего мага рядом, я предпочла смолчать. Сила — она, наверное, по наследству передается, а значит, и Лиан маг. Ссориться с магом? Разве что подразнить, но выводить из себя, наступая на больную мозоль...

— Куда мы пойдём?

Лиан остановился, не смущаясь, что его остановка выпала на середину проезжей части, и, прищурившись, взглянул на небо, прикидывая время. Недовольство на его лице сменилось осознанием чего-то приятного. А следом меня схватили за руку и поволокли в ту часть города, куда я старалась не ходить. К аристократам.

Аккуратненькие домики, которые больше всего напоминали английские особняки с газоном у входа, отнеслись к нашему вторжению с равнодушием истинных аристократов. Ни одна собака не почтила нас приветливым лаем, ни один обитатель квартала не подошел к окну взглянуть. И даже ветер не поднялся, чтобы ласково потрепать пришельцев за куртку или взлохматить волосы. В общем, наше присутствие ни на мгновение не поколебало тоскливое течение жизни кирстенских верхов.

— Еще долго? — шепотом, потому что, как ни храбрилась, находиться здесь было боязно, сказала я, крепче сжимая руку Лиана. — Зачем мы сюда пришли?

— Недолго, — не замедляя шаг, ответил юноша. — У меня здесь друг живет. Или у него посидим, или еще куда пойдём. Но с ним нас везде пустят.

— Ясно, — вздохнула я и послушно посеменила за Лианом, жалея, что не попросила у Киры заказать себе кроссовки с колесиками. Юноше-то все равно, а я бы покаталась, пока он меня тянул.

Мы остановились напротив помпезного дома на окраине. Мне он сразу не понравился: в нем было слишком много пафоса, как будто владельцы задались целью показать всей улице, что именно они здесь главные и самые достойные.

Парк вокруг дома был выровнен едва ли не по линейке, и даже сейчас на лужайке зеленела трава и цвели розы. Сколько ушло монет, чтобы поставить согревающий контур, я не представляла, но пожухлая соседская травка вызывала большее уважение, чем это.

Откуда-то издали слышался шум воды, и, увидев лужайку, я уже не сомневалась, что где-то там есть фонтан, который работает даже в мороз. Тряхнув головой, я постаралась избавиться от раздражения. Странно, что оно вообще у меня появилось!

— Завидуешь? — пронизательно осведомился Лиан.

— Злюсь, — призналась я.

— Плюс один, — хмыкнул юноша, не желая ничего объяснять.

Он остановился у двери и постучал. После первого же удара дверь распахнулась, и перед нами оказался дворецкий. Нет, он не походил на Себастьяна, но тоже был весьма идеален и, как мне показалось, чай, был бы лучшим в мире.

— Позвольте взять, — он выдержал паузу, — вашу одежду?

Да уж, так унижить мою курточку мог только он. Лиан же внимательно следил за этим шоу, навевая мне грустные мысли, что идет какое-то испытание, а мне забыли сообщить правила, да и согласия спросить было бы не лишним, но...

— Нет, она мне самой нужна, — решила изображать болотного ежика я. Ежика — потому что колючего, болотного — ибо вариант поведения обиженной кикиморы был мне сейчас больше по душе.

— Как пожелаете. — Дворецкий отступил на шаг. — Милорд?

— Эрих у себя?

— Молодой господин завтракает, — сдал с потрохами своего шефа слуга.

— Отлично.

Лиана нисколько не смутила необходимость отрывать друга от позднего, даже чересчур, завтрака. Разувшись и сдав ботинки на сохранение дворецкому, он метнулся вперед и исчез в одной из дверей. Мне не оставалось ничего другого, как последовать его примеру.

Медленно разувшись (постоянно ждала, что придется тут же сигать на улицу), я самолично поставила свою обувку носками к двери и на цыпочках, которые вызвали нездоровое оживление у дворецкого (он даже усмехнулся, вредина такая!), проследовала к месту исчезновения младшенького.

Заходить без стука, как известно, невежливо, но порой это самое верное решение. Особенно если предварительно прислонить ухо к двери и послушать, что там творится. Будучи болотницей, я не удержалась от искушения.

Звуки доносились весьма странные. Смех, рыдания, стоны, вопли... Я с подозрением уставилась на дворецкого, но тот даже глазом не моргнул, хотя и сам переместился ближе к двери и не слышать творившееся безобразия не мог.

— Может, стоит зайти?

— Как пожелаете, госпожа, — пожал плечами мужчина.

Да уж, полезный совет.

— А вы?

— Пожалуй, воздержусь, — ухмыльнулся собеседник и сделал ручкой, дескать, добро пожаловать.

Мои подозрения только усилились: что творится за дверью, если меня туда вежливо подпихивают, а сами норовят остаться вне зоны поражения? Решив, что такое положение дел меня не устраивает, я приоткрыла дверь и, нагло вцепившись в рукав дворецкого, затащила его в помещение.

Нам были не рады. Или, напротив, очень рады. Бедный Лиан упорно сжимал зубы, чтобы не допустить накормления себя пудингом. Завидев меня, он вытаращился и ткнул пальцем в мою сторону. Вот только его кормитель не собирался отвлекаться по мелочам.

— Ложечку за папу!.. — уговаривал он, не выпуская друга из жесткого захвата.

— Да иди ты! — орал Лиан, но спешно затыкался, едва ложка оказывалась у его зубов. Тут он в темпе осваивал художественное мычание.

— Сам виноват, нечего было говорить виконтессе, что я... — блондин покосился на меня и промолчал. — В общем, сам виноват. Ешь!

— Прости, — пискнул Лиан, но его план не удался: ложка с пудингом таки попала ему в приоткрывшийся рот. — Гадость!

— Естественно! Все лучшее тебе. Так и знал, гаденыш, что сегодня придешь как ни в чем не бывало.

— Ну прости, — сплевывая в салфетку, проговорил Лиан и увидел меня на пороге, вцепившуюся в рукав дворецкого.

— Дариан, как это понимать? — Наши страстные объятия заметил не только мой спутник.

— Госпожа споткнулась, я ее поддержал, — не теряя лица, пояснил мужчина и, ткнув под лопатки, подтолкнул вперед. — Если понадобится...

— Я тебя позову, — заверил Эрих и, дождавшись, пока лишние уши покинут комнату, предложил: — Присаживайтесь.

Я осторожно, все же сказывалась память о пудинге, присела на край самого дальнего стула и с подозрением воззрилась на блондина. Тот с интересом изучал меня, но разговора не возобновлял. Лиан также не был многословен, предпочитая наблюдать со стороны за нашим молчанием. Трус, видно же, что из-за боязни пудинга так себя ведет. И вообще, сам привел непонятно к кому, а проблему не решает.

— Милорд? — Я была осторожна и вежлива, ибо пудинг — вещь противная.

— Леди? — вскинув брови, переспросил Эрих.

— Я не... нет, леди, — вспомнив, про свою новообетенную родню, поправилась я. — Милорд, почему мы сидим здесь и молчим?

— Хотите переместиться в другую комнату? — Юноша, хотя сейчас он казался мне старше, чем Лиан, предупредительно поднялся, готовый помочь мне отодвинуть стул.

— Нет, просто хочу понять, что происходит.

— Это не под силу даже мне, — усмехнулся Эрих.

— Поясните?

— Извольте. Мой друг еще вчера уводит у меня девушку, выигрывает любимый клинок, всячески осмеивает мои привычки, а сегодня является с вами и глаз просто не сводит. Вам не кажется это вызовом?

— Нет, мы просто покушать пришли.

— Я заметил, — усмехнулся Эрих, скосив глаза на позеленевшего друга. — Он так голоден, что даже смотреть на еду не может. Искушение велико, наверняка чтобы салфетки уберечь сдерживается.

— Ага. — У меня вырвалось как-то само, а потом и отступить поздно. Изучив стол, я нашла ложку и подтянула к себе хозяйскую тарелку. — Я позаимствую?

— Не смущайтесь, — разрешил Эрих, усмехаясь и переводя взгляд на притихшего Лиана. — Так ты говоришь: твой брат нашел себе девушку? Это она, верно?

— Непременно, — отозвалась я, дирижируя ложкой. — Но это я его нашла! Так что все претензии к нему!

— Разумеется, — серьезно кивнул Эрих. — Значит, своей сестре я могу сообщить, чтобы не питала ложных надежд.

Дверь хлопнула раньше, чем я успела ответить. В комнату, не смущаясь своего неподобающего вида, влетела девушка лет пятнадцати и пронзила меня злым взглядом, как будто замыслила нехорошее и только и ждет повода осуществить задуманное.

— Он мой! — грозно заявила она и, накупившись, принялась наступать.

— Кто? — удивилась я, взмахнула ложкой, привлекая всеобщее, но и так принадлежавшее мне, внимание, и спросила: — А это твоя сестра?

— Сестра! — рыкнула малявка, посчитавшая себя центром нашей милой беседы.

— Угощайся, — предложила я, подталкивая в сторону новоприбывшей блюдо с булочками.

— Я не хочу есть, — замаявшись, ответила блондинка и собралась было продолжить концерт, но:

— Триша, подслушивать не подобает леди.

— Но если бы я...

— То не выглядела бы сейчас столь глупо. Как думаешь, Альтар оценит твою выходку, когда узнает?

— Но он не узнает! — воскликнула уверенная в своей правоте девушка.

— Ты так считаешь? — Эрих хмыкнул и принялся объяснять: — Если эта леди действительно девушка Альтара, что помешает ей рассказать о твоей глупой выходке ему? А если она просто моя гостя, что помешает ей рассказать своим знакомым об этом происшествии? И Альтар также об это узнает. Триш, я считал тебя предусмотрительнее.

— Не рассказывай ему, — попросила уже совсем другим тоном, нежели хотела призвать меня к ответу, девушка и присела рядом. — Я была не права.

Я с подозрением уставилась на ее раскаявшуюся моську, после — на Лиана, который хмыкнул и покачал головой, явно отвергая этот акт извинений, на Эриха, с пренебрежением рассматривающего собственную сестру, и вмешалась:

— Триш, а может, на пару слов? О своем, о женском?

— Что? — Девушка удивленно вздрогнула, но быстро взяла себя в руки: — Мы на минутку.

К выходу она рванула похлеще, чем когда явилась закатывать скандал. Что-то не сходилось, но я не могла понять, что именно меня напрягает.

Комната девушки находилась на втором этаже, прямо над садом, который, разумеется, цвел и пах. Аромат стоял столь сильный, что, едва Триша распахнула окно, меня едва не сбило с ног: мои отношения с местной флорой до сих пор оставались сложными.

— Располагайся, — предложила Триша, но так медленно и настороженно, что я поостереглась «чувствовать себя как дома», да и как не дома — тоже. Нахождение в комнате девушки больше напоминало клетку со львом, но львом домашним, а оттого особенно непредсказуемым. — Что ты хотела обсудить?

— А нам стоит что-то обсуждать?

Я рискнула присесть на стул у трюмо и внимательно рассматривала отражение девушки в зеркале. Так она казалась менее чудной и более раздраженно-собранный.

— Почему Лиан привел тебя к нам?

Триша злилась и даже не скрывала этого. Вот только если внизу она напоминала капризного ребенка, которому не досталось любимой сласти, то здесь, наверху, без свидетелей и особенно без брата, она стала совсем иной. Серьезной, без тени эмоций на лице, собранной и злой. Как настоящая ведьма.

— Это лучше спросить у него, — пожала плечами я, прикидывая, сколько метров до земли и насколько колючи розы. Выводы получились пренеприятнейшие.

— Он не ответит, — хмыкнула девушка, и я окончательно поверила, что с Эрихом они кровные родственники.

— Если ты *так* его спросишь — ответит, — выразительно намекнула я на манеру допроса девушки.

— Не стоит ему знать о моих маленьких женских слабостях, — отвергла мое предложение Триша, закинула ногу на ногу и качнула плечиком, словно заядлая кокетка.

— Да, подобного он может не пережить, — согласилась я, чувствуя себя весьма странно: с одной стороны, новоявленное поведение Триши меня пугало, с другой — подергать тигра за хвост изысканное развлечение. Чай, не съедят, а от укусов у Виты есть чудная мазь.

— Мужчины — слабые создания, — подтвердила Триша, разглядывая свои ногти. — Даже мой брат иногда позволяет себе быть одним из них.

— Какое досадное стечение обстоятельств, — притворно посочувствовала я, на деле поражаясь мужеству брата. Не может же она всегда казаться недалекой дурочкой, как в столовой? — А он знает? — Я не смогла остаться в неведении.

— Предпочитает не замечать. — Триша вытянула вперед руки, демонстрируя рисунок на ногтях. — А ты заметила сразу... — Девушка поднялась и направилась ко мне. Каких усилий мне стоило остаться на своем месте! — И что мне с тобой делать?

— Договоримся? — предложила я самый простой, но сложный в осуществлении способ. — Мы же не слабые создания!..

— У тебя есть что мне предложить? — Вздернутая бровь, которая, видимо, от глубины пренебрежения ко мне приклеилась ко лбу, смотрелась бы весьма потешно, если бы не холодные пальцы, улегшиеся на мое плечо.

— А что вы хотите? — Торги на то и торги, чтобы держать моську уточкой и крикать в нужный момент. — Явки, пароли, ключи от казны?

— Связи, — с усмешкой сообщила мне девушка. — Матушка все меньше появляется в свете, а брат не считает нужным посвящать меня в дела семьи. Отец... Вряд ли вспомнит о моем существовании до женитьбы Эриха, а выходить замуж за кого придется — не этого я хочу для себя.

— Как я тебя понимаю, — протянула я, наклоняясь к зеркалу. Косметики у Триши было едва ли не больше, чем у Киры. Баночки, скляночки, коробочки, кисточки, шарики... Да уж, после таких усилий «кто попало» — оскорбление чести и достоинства.

— Не понимаешь. У тебя есть он.

— Кто?

Я обернулась так резко, что задела локтем одну из банок. Она колыхнулась и рухнула вниз, норовя испортить переговоры. До ковра бутылка не долетела.

— Растяпа, — раздраженно бросила Триша, подхватывая застывшую в воздухе тару и возвращая на почетное место в третьем ряду арсенала.

— Растяпы у меня точно нет, — перебрав всех известных мне личностей, заявила я. Даже братья-болотники, баламуты и паяцы, растяпами были лишь по велению сердца в строго отведенных рамках и с продуманным планом отхода.

— Не паясничай. Если тебя привел Лиан, значит, вопрос решен.

— Какой вопрос? — разозлилась я. — Сначала он туман пускает, теперь вот ты. Что происходит?

От негодования и обиды я даже забыла, что новооткрывшуюся сущность девы лучше величать на «вы» и смотреть снизу вверх. Но серьезно: как их понять? Лиан со своими недомолвками ведет меня сюда, Триша, зуб даю, злится на меня, но о причинах умалчивает. И там, и там имеем некоего его, который есть причина их странного поведения.

— Альтар? — предположила я, понимая, что ничего другого нас просто не связывает. Только зачем Трише маг? Он вроде, кроме готовки, и не примечателен. Хотя повар из него... Даже несмотря на полную загрузку, желудок любовно булькнул и вернулся к работе.

— Альтар?! Ты так его зовешь? И он позволил? — Девушка зло рассмеялась. — Вот, значит, какой должна быть его пара!

— Именно.

Таким серьезным и отчужденным мага я еще не видела. Он появился прямо в комнате, наплевав на все приличия, игнорируя, что мог появиться при переодевании или еще более интимном деле — макияже.

— Дана, спустись вниз, пожалуйста. Лиан тебя ждет.

— Но...

— Я все сам тебе объясню, Триша, надеюсь, больше ты не будешь засорять ее голову лишней информацией.

— Она не лишняя, — не согласилась я, внутренне радуясь, что в комнате появился посторонний. Напряжение от разговора наедине схлынуло, сменившись обычным болотным любопытством. Теперь оттащить меня от собеседницы едва ли представлялось возможным без спецсредств.

И я не ошиблась. Спецсредствами в виде собственного колдовства природа щедро наделила Альтара, и, заметив, что я не тороплюсь отползти из эпицентра выяснения отношений, мне ласково помогли определиться с траекторией, наподдав по мягкому месту. Нежно, иск за телесные повреждения тут не светил, даже если с лупой изучать пострадавшее место.

— Но мы не договорили! — пытаюсь уклониться от невидимой подушки, которая со всей страстью возлюбила мою пятую точку, выпалила я. — Болотники тебя не простят! Нельзя так со мной обращаться!

— Можно, — кратко ответил Альтар, оценивающе взглянул на замершую Тришу, превратившуюся в пай-девочку, стоило ему появиться, на гневающуюся меня и принял

единственно неверное решение, которое, впрочем, было весьма результативным. Не тратя времени на уговоры, он поднял на руки сопротивляющуюся из спортивного интереса кикимору, перенес через порог, аккуратно поставил на пол и закрыл дверь прямо перед ее (моим!) носом!

— Изверг! — простонала я, потирая атакованное место и припадая ухом к двери.

— Еще какой! — подтвердили откуда-то снизу голосом Лиана. Я незамедлительно отвлеклась на коллегу, подпершего меня снизу и так же припавшего к двери.

— Ты что здесь делаешь?

— А сама?!

Ответить было нечего, так что пришлось потесниться. Когда же дверь открылась, я поняла, что поступила верно: падать на Лиана оказалось мягче, чем на пол.

— За что?

— Я просил остаться внизу и подождать меня, — напомнил Альтар, помогая мне подняться. Брату он подобной услуги не оказал, но тот даже не заикнулся о помощи: понимал, что сам виноват. — Триша...

— Я больше так не буду!.. — всхлипнула девушка, поймав взгляд мага. Вот только стоило ему отвернуться, как раскаяние (с чего вдруг?) схлынуло с ее лица.

— Это последний раз, — предупредил магистр и, обхватив меня за талию, перенес домой. К себе, разумеется, а не в общежитие. Теперь попа заняла от проснувшегося дара... Не того, который неприятности устраивает, а того, что справедливое возмездие предсказывает. Серьезные глаза Альтара только подтвердили мою догадку.

— Я не виновата! Она сама пришла! — выпалила я, цепляясь за не успевшего ретироваться мага. Вот теперь не убежит! И руки заняты!

— Сама, — согласился Альтар, пытаясь отцепить меня от камзола. Я сопротивлялась и всячески висла на нем, не давая простора для колдовства. Хих, учитель, ваш предмет я учила старательно. — Но кто просил тебя уходить с ней?!

— Ну подумай, сходила поговорить, — обиженно взывала я, чувствуя, как меня отрывает от мага и поднимает в воздух.

Мой полет остановился, едва наши глаза оказались на одном уровне. Я несмело посмотрела на мужчину и обнаружила, что он не так уж и страшен. Альтар не злился, Альтар сердился и, судя по лицу, больше на себя, чем на меня. Иначе не смягчался бы его взгляд, когда я жалобно складывала ручки в молитве и косилась на пол.

— Обещай мне, — очень тихо, почти что шепотом, произнес маг, и мне стало по-настоящему страшно, — больше никуда не ходить с моим братом, не поговорив со мной.

— Тебя не было, — надулась я, хотя совесть была безоговорочно на стороне Альтара. Но я же не признаюсь? Искать неприятности — наше призвание, а вот расхлебывать — повинность.

— Прости, — зачем-то извинился маг, хотя ни он, ни я не верили в необходимость этих слов. Просто... нужно было что-то говорить, чтобы не поддаться искушению. Какому? А какое может быть искушение, если висишь напротив парня, который тебе нравится, и он так мило сердится? — Данька, не стоит так делать... — хрипло предупредил Альтар, а я сделала честные глаза и уставилась в потолок, надувая губки еще более выразительно.

Да, я обиделась! Вот прямо очень! И если ты сейчас не извинишься... Мозг нажал на стоп-кран и напомнил, что маг вряд ли что-то потеряет, если я решу дуться и сидеть в одиночестве. Наоборот — приобретет! Запасы продовольствия, спокойствие на душе, здоровый сон... Допустить такое я не могла, а потому не стала закатывать скандал на пустом месте просто из любви к шуму. Незачем.

— Почему нет? — Я кокетливо коснулась щекой плечика и выразительно покосилась на мага. Кажется, про свое недовольство моим недавним поведением он забыл. Ну и славненько, значит, можно сматывать удочки и отправляться в общагу. Не может же Вита вечно собираться!

— Вот почему, — лукаво улыбаясь, сообщил мне маг и наклонился ближе. Так близко, что я почувствовала аромат его туалетной воды и то, что недавно он угощался мясом с чесноком.

— А мне? — воскликнула оскорбленная в лучших чувствах я, чудом не стукнувшись о чужой подбородок. Ноги стремительно шевелились в воздухе, но гравитация была на стороне нечистого повара. — Где-то поел, а принести на пробу! — возопила я, грозя указательным пальчиком сбитуому с толку магу.

Альтар нахмурился, не в силах понять болотную логику, но, видно, этот процесс ему быстро наскучил, ибо на меня посмотрели на как маленькую и глупенькую и, потрепав по макушке, опустили на бранный пол. Какая жалость: физкультура откладывалась, а я только хотела покачать ноги!

— Дань, ты ревнуешь? — серьезно поинтересовался мужчина, касаясь моего запястья, но не цепко, как обычно после проделок, а ласково.

— Кого?

— А есть варианты? — фыркнул этот невозможный человек.

Кикимора в моей душе поняла, что дело пахнет жареным и лучше бы ей помочь своей неразумной попаданской половинке.

— Да, — подумав, согласилась я. — Ревновать можно кого-то к кому-то, что-то к чему-то, кого-то к чему-то и даже что-то к кому-то, — озвучила я. — Ты о каком варианте сейчас?

— Обо всех? — Альтар не смеялся, вовсе нет, но ноздри подозрительно дернулись, да и губы не оставались на одном месте.

— Обо всех, — задумчиво повторила я и прикинула варианты. — Да, я тебя ревную. — Вердикт вышел весьма неутешителен. Зависимость всегда плохо, а уж такая... — Еще чуть-чуть, и ты не захочешь готовить. Ведь зачем готовить тому, кого и так кормят. А где тогда буду кушать я?! Так что я совершенно, абсолютнейше тебя ревную к твоему повару, но если ты нас познакомишь, то могу сменить гнев на милость! — предложила я путь выхода. — Познакомишь?

— Думаю, как-нибудь потом, — усмехнулся Альтар, тяжело вздохнул и добавил: — Больше ничего не хочешь добавить? — Я согласно кивнула. — Говори уже, — отмахнулся маг, отходя к кухне.

— Мне бы в общежитие, — жалобно проямлила я, напоминая о насущном.

В общежитие меня все же доставили, но так при этом посмотрели, что я задумалась, не сказала ли чего. По всему выходило, что никаких бранных слов с языка не слетало, неприличных предложений — тоже, наоборот, все было мило и весьма благонаравно, хотя...

Я вздохнула, понимая, что упустила такой момент припереть Альтара к стенке и заставить печь пирог. Вот об этом я весьма сожалела, сидя на подоконнике и разглядывая собранную сумку.

— Дань, через час выходим, — напомнила мне Вита, поднимая и проверяя вес своей поклажи. — Что-то нужно оставить, — пробормотала девушка, недовольная массой содержимого. Присев на корточки, она потянула за шнурок и, склонив голову набок, принялась решать, что более бесполезно в поездке. На мой предвзятый вкус бесполезным там было едва ли не все, но Вита вряд ли бы оценила мою откровенность. Пришлось терпеть и продолжать изучать пейзаж.

— Дана, — аккуратно поинтересовалась болотница после нескольких минут раздумий, — а у тебя лишнего пространства не найдется?

— Не знаю.

Пожав плечами, я слезла с насеста и подошла к собственной сумке.

— Можем проверить.

К моему великому счастью, места не хватило. Вита, конечно, расстроилась, но реальность до того сурова в наше время, что не учитывает пожелания тонких душевных субстанций болотных леди. Поохав, что смотрелось весьма комично, учитывая возраст и красоту старшей

кикиморы, Вита смирилась с неизбежным.

Смирилась, но ровно настолько, чтобы стать раздражительной, въедливой и очень озабоченной внешним видом окружающих. Первой жертвой ее произвола стала, разумеется, я, ибо окно заняли сумки, а от кровати ближе было сигать именно к нему. Решив, что пережить бурю безопасней в самом эпицентре, я вздохнула и сдалась на милость победителя, надеясь, что к утру от моей шевелюры останется хоть маленькое воронье гнездышко. На гнездо, увидев количество расчесок, как по волшебству появившихся в руках Виты, я уже даже не рассчитывала.

«Три слона» видали всякое: трезвых гномов, карликовых троллей, вменяемых магов и даже вежливых рыжих ведьм, но к такому даже они оказались не готовы. От грусти, нахлынувшей океаном волшебных пенделей, Вита пришла в состояние, близкое к мании, и решила совершить подвиг: сделать из кикиморы человека. Подопытной крысой пришлось быть самой нерасторопной из нас — Кире. Меня после дюжины попыток признали неподходящей и отправили в таверну, проверить, все ли в порядке.

Увы, отпустили меня только после тщательного отбора вещей, которые мне предстояло носить весь вечер. Аргументация подобного поступка и вовсе потрясла воображение. Заявив, что иначе она обидится, Вита проследила за переодеванием и выставила меня на суд общественности, то есть в коридор.

Шагать на каблуках было тяжело. Еще тяжелее было не сутулиться и не забывать про осанку. И совсем уж непостижимым образом необходимо было не смотреть под ноги и улыбаться окружающим.

Я пыталась. Моя улыбка сражала наповал, заставляла сшибать вазы и прятаться за колонны. Даже извозчик, увидевший меня по дороге в таверну, не избежал мощного потока улыбки и схватился за сердце. Таким образом, покорять сердца оказалось гораздо проще, чем их завоевывать. Впрочем, инфаркт никогда не заставлял себя ждать, особенно если болотные отмечали конец сессии.

Поняв, что без последствий смотреть на нарядных болотниц могут лишь крепкие духом и телом, я быстрыми перебежками, стараясь не травмировать чужую психику, добралась до любимой и, судя по всему, единственной таверны, в которую пускали болотных без проволочек. Подготовка была в самом разгаре: к нашему столу, укрытому зеленой скатертью с золотистой жабой посередине, то и дело подбегали подавальщики-официанты, расставляя приборы (зря, все равно не пригодится!) и кушанья.

Аромат стоял на все заведение, а потому нам заочно завидовали все пришедшие просто перекусить, ведь им светило лишь меню, а у нас был эксклюзив. Понюхав индейку, довольно отметив золотистую корочку, я с грустью взглянула на дверь. Во-первых, начинать без остальных было плохой идеей — обидятся и отомстят, во-вторых, каким бы экспертом ни был повар (а я знала, что это не совсем верно. Точнее, экспертом он был в совсем другой области), но Альтар справился бы лучше. Я в него верила.

Усевшись поудобнее и стараясь не ставить случайные подножки пробегающему персоналу, я развлекалась единственным достойным способом, не требовавшим лишних капиталовложений: разглядывала посетителей и пыталась угадать: зачем они пожаловали сюда сегодня?

Как мне было известно, по случаю нашего торжества печенья с предсказаниями отменили, чтобы не беспокоить ни нас, ни посетителей. Половина зала оказалась зарезервирована. Опять же, чтобы отгородить нормальных людей от собирающихся веселиться болотных. И цены подняли опять же из соображений безопасности. Впрочем, если таким образом хозяева хотели подзаработать, они не прогадали. Все доступные для горожан столы оказались заняты.

— Мужество доказывают, — шепнул мне знакомый официант, ставя передо мной стакан сока. — За неделю уже все выкуплено было.

— И много дали? — не могла не поинтересоваться я, ерзая под изучающими взглядами клиентов таверны. Вот она, популярность: вместо того чтобы есть, все пялятся на обезьянку. Скорее бы остальные жители зоопарка подтянулись!

— Вита уже забрала вашу долю, — подмигнул мне паренек и убежал обслуживать посетителей.

Пришествию братьев-болотников я обрадовалась так, что боги бы обзавидовались. Чуть на шею им не бросилась, но вовремя удержалась: держать лицо следовало в любой ситуации, даже если оно планомерно подбирается к двери и тянет тебя за собой.

— Это что такое? — прошипела я, втягивая юношей на помост. Теперь мне стало очевидно, что данный столик едва ли самый виповый.

Братья переглянулись и подняли руки вверх, сдаваясь на милость злой кикиморе.

— Это была его идея, — одновременно указав друг на друга, выпалили они.

— И вообще — это традиция! — заверил меня Трейс, усаживаясь по левую руку. — А чего ты такая напряженная?

— Все смотрят, — хмуро ответила я, с недоумением косясь на жизнерадостного Трейса, которому чужие взгляды придавали энергии. — А ты почему такой веселый?

— Он подготовился, — пояснил за брата Джейс. — И с тобой он тоже поделится, если пожелаешь.

— Желаю, — выдохнула я, пододвигая стакан. По легкому ванильному запаху я поняла, что без зелья здесь не обошлось.

— Только пей... — договорить он не успел, едва из фляжки накапало на половину стакана, я залпом, чтобы не передумать, ее осушила, — медленно.

— Почему? — выдыхая ванилью, спросила я. Мир стремительно менялся, становясь если не прекрасным, то хотя бы сносным. И даже посетители как-то резко прибавили в привлекательности.

— Потому что там...

— Да не порти удовольствие! — оборвал его речь Трейс. — Наслаждайся, Дань. Семестр был ужасный, так что пора оторваться.

Я хотела было поспорить, что отрываться следует на сытый желудок и с пристегнутой страховкой, но в таверну вошли недостающие члены веселой компании, и разговор сам собой перешел на совсем иные темы.

Появление двух недостающих особ произвело впечатление. Вита, которая даже ради выхода в свет не сменила привычного облачения, скромно отступила на шаг, предпочитая издали наслаждаться произведенным впечатлением. Кира... Под цепкими и сноровистыми ручонками кикиморы у бедной иномирянки не осталось ни шанса остаться незамеченной. И пусть кудри ее были не зелены, а взгляд не колюч, внимания она привлекла больше, чем мы втроем, вместе взятые.

Аплодисменты наполнили зал, стоило Кире, почувствовавшей себя королевой, судя по гордо вздернутому подбородку и расправленным плечам, продефилировать к столу. Джейсу, поднявшемуся, чтобы помочь девушке сесть, завидовало все мужское население таверны.

— Вит, а сама? — толкнул локтем скромного стилиста Трейс.

Болотница наградила его свирепым взглядом, покосилась на меня и с шумом втянула воздух. Судя по поджавшимся губам, ароматом ванили, исходившим от меня, она осталась очень недовольна. Я же радостно изучала прибывающее народонаселение.

Они толпились, толкались, гремели посудой и дергали стулья, скрипели, шуршали и надрывно вскрикивали. И все так чудесно замерло, стоило появиться Кире, что я не удержалась и захлопала, разрушая повисшую тишину. И тотчас все переменилось: звук вернулся, а с ним и небывалое веселье наступившего хаоса.

— Кто дал ей «Небывалое веселье»? — прошипела Вита, впиваясь ногтями в запястье Трейса. Болотник и сам едва ли был спокоен, и удержать его от ерзания и стремления подскочить с места могли лишь превентивные меры.

— Это не «веселье», это немножко «сладкой радости», — отмахнулся Трейс и наконец нашел, что искал. Через весь стол юноша потянулся к маринованной капусте. — Ты не поддержишь?

Ошеломленной кикиморе вручили тарелку и потянулись за кушаньем.

— Трейс, хватит! — окрикнула его Вита. — Сам держи свою тарелку, когда я с тобой разговариваю.

— Он тоже выпил для храбрости, — сдал брата Джейс, накладывая Кире салат. — Данька?

Я кивнула и протянула свою тарелку: ссора Виты и Трейса была слишком незначительным событием, чтобы волноваться по ее поводу. А вот маленькая синенькая жабка, наблюдающая за нами с потолка, интересовала меня куда больше.

— Ква! — жизнерадостно воскликнула она, прыгая вниз.

Я перевела взгляд на столик, на который высадился жабий десант, но никакого оживления со стороны посетителей не заметила. Они продолжали есть и пить как ни в чем не бывало, даже не догадываясь, что по графину с брусничной водой карабкается одинокое земноводное.

С трудом, но она забралась на крышку, и ее маленькие глазки торжествующе прощлись по всем присутствующим.

— Ква! — шепотом, чтобы никто не услышал, поздравила я ее, наливая себе сока.

— Данька. — Вита дотронулась до моего плеча, привлекая внимание. — Все в порядке?

— Да, — удивляясь ее озабоченному взгляду, легко ответила я, не отрываясь от крохи.

— Ты сок мимо стакана льешь, — заговорщицки сообщил мне Трейс, махнул перед глазами пару раз. — И вообще, малая, ты с нами или как?

— С вами, — с печалью сказала я и развела руками, извиняясь перед синенькой подругой. — О чем речь?

— Да вот о некоторых зельях и безответственных фармацевтах, — медленно проговорила Вита, перехватывая мой взгляд.

Ну не могла я не коситься на жабку! Вдруг ее кто-то задавит случайно?!

— А при чем здесь это? — не поняла я. Жабка поднатужилась и перепрыгнула на соседний стол. Прямо в соусницу упала, как будто других емкостей не нашлось. — Осторожней, — буркнула я, от тревоги за юную искательницу приключений начиная злиться. Ну вот как можно так растяписто прыгать!

— Дань, ты с кем разговариваешь? — нахмурилась Вита, привлекая мое внимание. Дождавшись, пока я удостою ее вниманием, кикимора взяла меня за запястье.

— Ни с кем, просто...

— Кого ты видишь? — И хоть ее слова напоминали вопрос, по факту они были утверждением. Вита не сомневалась, что я слежу за чем-то.

— Жабка, маленькая, синенькая, в соус упала, — пояснила я и указала, где именно она упала. — Нужно ей помочь.

— Не нужно, — уверенно заявила Вита и взяла меня за подбородок. — Посмотри на меня, пожалуйста. Не двигайся.

Спустя пару минут, в течение которых мне хотелось провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть укоризны в глазах старшей кикиморы, я услышала досадливое:

— Не пей сегодня никаких других зелий, — предупредила меня Вита. — Этот балбес дал тебе отвар, даже не спросив, можно ли тебе эти травы.

— Да я же ей совсем чуть-чуть дал! — вновь вклинился Трейс, желая отстоять свое доброе имя.

— Молчи! — шикнула на него старшая кикимора и забрала из его рук стакан. — Тебе тоже пятицветик не рекомендован.

— Пятицветик? — мозг мгновенно просветлел, и даже жабка временно исчезла из поля зрения. — Мне нельзя...

— Если очень хочется, то можно! — оптимистично заверил Трейс и поднялся на ноги. — Танцевать, танцевать, время танцевать, — пропел он и отправился на поиски прекрасной

дамы, способной выдержать отдаленные ноги и не стукнуть в награду сумкой. — Данька, ты там скоро? Пора уже и тебе кого-то найти!

Больше всего речь Трейса напоминала пьяный бред, но все равно мне стало обидно. Он в очередной раз напомнил, что я в этом мире одна-одинешенька и нет никого...

— Ква! — довольно возгласили мне прямо в ухо. От неожиданности я подскочила и пошатнулась в сторону импровизированной танцплощадки, которую стремительно создавали работники таверны, освобождая пространство от незанятых столов.

Кое-как сохранив равновесие и удивившись, что это стало трудновато, я еще раз повторила последние сказанные Витой слова и прозрела. Пятицветик. Опять он, травка, которая превращает здравомыслящую меня в неразумное создание. Доползти бы до кровати без проблем...

— Ква! — Мелкая проказница явно не собиралась уходить и прыгнула с меня на кого-то из присутствующих. Потом еще и еще... От ее перемещений у меня закружилась голова, а мир качнулся и вернулся, только когда под попой оказался стул, а перед глазами тарелка с салатом.

— Ешь, горе. — Погладив меня по спине, Вита тяжело вздохнула. Она вообще поразительным образом не поддавалась всеобщему оживлению: сидела в сторонке и смотрела, как отжигает с какой-то рябой девицей Трейс и наслаждаются друг другом Джейс с Кирой. Удивительно, как она вообще решила сюда прийти? Хотя вспомнить, как она собиралась... сейчас передо мной сидел как будто другой человек.

— Вита, а почему ты грустишь? Может, тебе тоже стоит?..

— Нет уж, я предпочитаю радоваться потому, что мне хорошо, а не из-за зелий, — отвергла мое предложение кикимора, но губы ее дернулись, пытаясь сложиться в улыбке. — Спасибо за заботу.

— Но если я могу что-то сделать...

— Я благодарна, Дань, но изменить что-то может только время. — Девушка вымученно улыбнулась. — Прости, просто мне тяжело быть иной в такие моменты. Слишком много воспоминаний.

Я не нашла что ответить. Замерла, как будто от любого моего движения могло стать хуже, и застыла. Я бы поделилась с Витой видением синенькой или печеньками, но ни того, ни другого не хватило бы, чтобы что-то изменить.

— Не обращай внимания, — слабо улыбнулась кикимора и подтолкнула меня в сторону танцев. — Тебе весело, пусть и из-за зелья, но повеселись. За нас двоих.

Отказываться было нехорошо, и даже пол проникся ситуацией и перестал шататься, а синенькая и вовсе поскакала выбирать мне партнера. На мою же долю оставалось только идти за мудрой невидимой подругой.

Она прыгала с одного на другого, не задерживаясь ни на ком и минуты, смотрела по сторонам и вновь приступала к поискам. Только у самого входа она наконец нашла желаемое и застыла на чьем-то плече. Я с трудом разглядела ее, пытаясь выбраться из стены решивших потанцевать посетителей. Кое-как сбежала из их окружения, чтобы попасть в совсем другие оковы.

— Сегодня здесь гуляем мы, — хихикнула я, снимая с плеча Альтара жабку. Мелочь бесхвостая ни в какую не поддавалась, желая свить гнездо прямо на нем. — Ну и сиди там! — обиделась я, тряхнула головой и... равновесие решило взять выходной.

— Дань, — с упреком проговорил маг, подхватывая меня на полпути, принялся и простонал: — Ты же знаешь, что тебе нельзя пятицветик. Даже в лечебных целях!

— Я не знала, что он там есть. Трейс сказал... — принялась оправдываться я, а после задумалась и фыркнула: чего это я вообще должна оправдываться?! Это он явился портить веселье и уже приступил к своим обязанностям. — А вот и буду!

— Будешь, — согласился магистр, крепче перехватил меня за талию и повел к болотному столу. Практически пустому, если не считать Виту, внимательно следившую за весельем остальных.

Усадив меня на стул и убедившись, что он достаточно мягкий, устойчивый и не упадет вместе со мной, Альтар присел рядом, взял один из стаканов, по счастью, чистый, и налил воды до половины.

— Выпей!

Тон не оставлял сомнений в том, что лучше подчиниться, и, хоть часть меня бунтовала против подобного обращения, другой было невероятно приятно получить такую заботу. Недаром все про стакан воды в старости вспоминают! Чего-то он явно стоит.

— Как ты не углядела? — с осуждением поинтересовался у болотницы маг, краем глаза следя за мелкими глоточками, которыми я пила воду.

— Простите. — Вита виновато отвела глаза, как будто и правда стыдилась. Но она же ничего не могла изменить! Ее здесь не было!

Я было открыла рот, чтобы исправить несправедливость, но замерла. Трейс разошелся не на шутку и начал демонстрировать нижний брейк, даже не озаботившись предупредить окружающих. Ругань начала усиливаться, как и топот ног со скрипом отодвигаемых стульев. Верное решение, если болотные разошлись, единственное, что могут сделать прохожие, — минимизировать потери.

— Я тоже так хочу, — вырвалось у меня, и неодолимая сила потянула меня на танцпол.

Другая сила, которая ни на секунду не отвлеклась, напротив, притянула меня к себе и крепко держала за талию, пока я не отвлекусь на что-либо еще.

— Какой именно состав? — выдохнул Альтар, пытаясь не наестся моих спутанных волос. Бедняга, мне хотелось смотреть по сторонам, ведь заскучавшая мелочь решила развлечь хозяйку воздушными сальто.

— Пятицветик, пыльца Арконта, выжимка Лойса...

— Можешь не продолжать, — оборвал кикимору посерьезневший маг. — Дозировка?

— Трейс утверждает, что стандартная, а значит, в два-три раза больше человеческой.

— Вот демон! — не сдержался Альтар, за что и получил локтем в солнечное сплетение. Или сначала получил локтем, а потом уже выругался? В любом случае уследить еще и за локтями я была не в состоянии, а значит, никакой ответственности нести не должна! — Вита, сожалею, но я ее заберу.

— Конечно. — Эта предательница даже спорить не стала, даже протянула магу мою сумку, о существовании которой я и сама не подозревала. — Здесь мелочи, могут понадобиться.

— Спасибо, — поблагодарил маг, поднял меня на ноги и...

— А синенькую забрать?! — обиделась я за пренебрежение со стороны Альтара к маленьким. Ну подумаешь, синенькая, но не забывать же ее в таверне? Затопчут!

— И синенькую заберем, — согласился Альтар, оценил, куда направлен мой взгляд и протянул руку. — Синенькая, пора домой. — Жабка послушно прыгнула ему на ладонь, как будто только и ждала приглашения. — Ну что, все в сборе, или еще кого-то нужно взять?

— Все, — проговорила я, сползая по Альтару вниз: так рассматривать потолок всяко удобнее, чем пытаться запрокидывать голову.

Перемещение не заставило себя ждать.

Знакомый ковер мгновенно привлек внимание синенькой, и она прыгнула изучать неведомые просторы.

— Только блошку не ешь! — предупредила я, опасаясь за сохранность альтаровского жучка-восстановителя. — Не расплатимся! — А за спиной послышался смех. — И ничего смешного! — Я всплеснула руками и очертила большой круг над головой. — Столько и даже больше заплатить придется. Еще и моральная компенсация.

Я приуныла, представляя, во сколько мне обойдется мародерство синенькой. Выходило больше, чем удалось заработать на предсказаниях и шпаргалках. Главной статьей расходов

почему-то значился моральный ущерб. От отчаяния я опустилась на тот же ковер, поддерживаемая Альтаром.

— Дань, ну что опять? — насторожился он, заметивший смену настроения. Помедлив, он присел рядом и обнял меня за плечи.

— Ты меня разоришь! — зарыдала я ему в плечо. О том, сколько может стоить его одежда, мозг решил даже не думать, чтобы не заставлять хозяйку расстраиваться еще больше.

— Скорее ты меня, — усмехнулся Альтар, но спорить не стал, глядя меня по голове. На особенно громком всхлипе я почувствовала, что меня целуют в макушку, и оторвалась от чужого камзола, желая посмотреть на наглеца. Синенькая, судя по всему, тоже возжелала это видеть и прыгнула прямо на голову Альтару, чтобы теперь, держась лапками за его челку, заглянуть в бесстыжие глазенки.

Увидев нечто, только ей понятное, мелочь ткнула одной лапкой в кончик носа мага. Я застыла, пытаюсь осмыслить намек. Нос? Да, у Альтара был этот хрящик, как у любого нормального человекоподобного. Или у него насморк начинается и лучше отойти подальше, чтобы не заразиться?

Заметив мое промедление, жабка стукнула себя лапой по голове, выражая свое отношение к большому, а потому и медленным человеческим мозгам, и ткнула ее раз. Опять в нос!

— При чем здесь нос?! — не удержалась от восклицания я и обратилась за советом к тому единственному, кто мог помочь мне с ответом: — Почему она на твой нос показывает? Ты болен?

— Возможно. — Маг задумался и расхохотался от пришедшей ему идеи. — Дань, а ты уверена, что она на нос показывает?

Я с подозрением уставилась на синенькую, а она — влюбленными глазами — на Альтара. Даже лизнула проходимца от полноты чувств.

— Ты ей нравишься, — ревниво заметила я.

— Только ей? — хитро сверкнул глазами Альтар, как-то случайно оказываясь совсем близко.

— Не знаю. Но Жабке ты тоже был симпатичен, — порывшись в закромах памяти, ответила я.

— А их хозяйке? — продолжил издеваться над бедной мной маг. Мозг и так уже перегрелся, а он все новые вопросы задает! Изверг!

— А их хозяйке... — Я замолчала, поняв, на что указывала мне синенькая. — Да ты издеваешься! — воскликнула я и резко поднялась. Мир вокруг закономерно закружился. Вот и почувствовала себя центром Вселенной.

Упасть не позволили, что можно отнести к хорошей новости. Но то, на что указывала синенькая, оказалось слишком близко, чтобы просто игнорировать. Еще и маленькая зараза ободрительно квакнула и отвернулась, закрыв для полноты эффекта глаза лапками. Дескать, слюнявьтесь уже, я не подглядываю. Мозг окончательно перегрелся и ушел отдыхать, а потому...

— Но после этого ты отстанешь! — громко, чтобы эта поганка услышала и поняла, заявила я и сделала то, чего та так старательно добивалась.

Сделала и не смогла оторваться. Теплое прикосновение чужих губ затягивало, манило, не давало остановиться, лишало всякого желания отстраняться и думать о чем-то еще. Бережные и такие надежные руки обнимали, обещая защиту и безопасность. Стену, разрушить которую не сможет ни одна атака врагов. Мягкие и легкие касания, крепкие, но аккуратные объятия... Я не хотела, чтобы это прекращалось.

Альтар отступил первым, с грустью отстраняясь и, будто в утешение, целуя кончик моего носа.

— Еще, — шепотом попросила я, понимая, что не хочу его отпускать, не хочу, чтобы он уходил, чтобы был дальше, чем есть сейчас.

— Ты не в себе, — покачал головой маг, поднимаясь и отступая на пару шагов. Боль, как от рваной раны, резко заполнила все мое сознание, и слезы сами покатались по щекам.

— Не уходи! Я не хочу терять еще и тебя! — слова вырвались сами, и, наверное, мне стоило бы устыдиться: говорить такое постороннему человеку... Но Альтар не был посторонним. Несмотря на другой мир, другое время, другие порядки — все другое! — он ощущался самым родным существом, что было здесь у меня. И сейчас не просто отходил на пару шагов, он бросал меня... Оставлял одну, оставлял наедине со всем этим враждебным миром. Так больно мне еще не было... — Пожалуйста...

Рука, взметнувшаяся к нему, сама упала, безвольно повисая вдоль тела. Я громко всхлипнула и обняла свои коленки. Родные и немного острые, в которых можно спрятаться, как будто ты страус, перепугавший их с песком.

— Дань. — Меня погладили по плечу, но я даже не взглянула в его сторону. Предатель! — Тише, ты не в себе. Через несколько часов все пройдет, и ты будешь злиться на меня.

— Я и так злюсь на тебя, — заверила его, в перерывах между всхлипами. — Ты меня не любишь!

— Люблю, — тихо признался Альтар, садясь сзади и притягивая меня к себе. — Если бы не любил, не позволил бы заливать слезами собственную одежду, не кормил бы такого проглата и не срывался с места, потому что одна трусишка чего-то испугалась или загрузила.

— Ты не можешь знать, когда я грущу! — Я уличила во лжи этого злодея и ерзала, устраиваясь поудобнее. Я все еще злилась и страдала, но его присутствие рядом оказывало поистине целебное воздействие.

— Ты же носишь мой подарок, — напомнил Альтар и коснулся моей шеи. Я тоже провела по ней рукой, нащупывая шнурок. Я не хотела потерять колечко, а потому повесила его так, вместо крестика, чтобы грело и обнадеживало.

— Он теплый, — призналась я в утилитарных целях ношения драгоценности и напомнила: — А сейчас зима и холодно.

— Я рад, что оно тебе пригодилось, — фыркнул Альтар. — Поколения моих предков безмерно счастливы, что их наследству нашлось достойное применение.

— Мог не дарить, — обиделась я и потянула колечко вверх. — Забери, если такой жадина.

— Тебе нужнее, — признался маг. — Я найду, чем согреться и без него.

И я снова завывала в полный голос, уверенная, что у него кто-то есть.

— Ты меня не любишь!..

Просыпаться лицом в салате — плохая примета, и с этим не поспоришь. Горошек в нос забивается, майонез на бровях застывает — это все понятно. А что делать, если просыпаешься лицом в ковре, прижимая к себе, как плюшевого мишку, любимого преподавателя и куратора по совместительству? Особенно если вокруг все в цветах, запах не оставляет сомнений, что свечи жгли с толком и удовольствием, а следы шоколада обнаруживаются даже на потолке.

Я сглотнула и попыталась отползти, аккуратно приподнимая чужую руку, прижимавшую меня к ковру. Одежды на нас, к счастью, было достаточно, чтобы не заподозрить нечто непоправимое. Но вот в том, что ночь прошла бурно, окружающий пейзаж уверял меня с авторитетом аксиомы. Да и какие тут еще доказательства? Состав преступл... гуляния налицо. И прибьют же меня болотники!

За окошком мирно загорался рассвет. Как бы в ответ на мои опасения и тревоги, часы пробили без четверти семь. Вторя им, простонал, поднимаясь, Альтар. Вид у него был тот еще. Помятый, в помаде и шоколаде, с вороньим гнездом под стать мне (только что грива не позволяла особых изысков) и майке поверх мятого камзола с надписью «Любви все принципы покорны».

Наши челюсти столкнулись с плитусом одновременно. А учитывая, что видеть себя Альтар не мог... Мой забег в ванную заставил бы олимпийцев навсегда сменить род деятельности.

Запершись за шпингалет и подперев стулом для надежности, я взглянула в зеркало и выругалась на великом и могучем, коего не вспоминала уже очень давно. Не разучилась, что еще раз подтвердило аксиому «дурное дело — нехитрое». Впрочем, это я всегда знала, не

просто же так на меня смотрела настоящая кикимора из детских сказок. Разве что возрастом не могла поспорить с Египетскими пирамидами.

Синяки под глазами создавали смоки айс получше визажистов-профессионалов, помадка забетонировала челку, и теперь она торчала козырьком надо лбом, помада... на мне тоже были ярко-алые, как любят в определенных кварталах, разводы. Юбка... Я взглянула вниз и поняла, что реанимировать нарядный комплект не получится. Разве что отнести на алхимический семинар и вывести оставшуюся краску, ибо серо-буро-малиновые пятна, в чьем происхождении я была весьма не уверена, вряд ли выведутся просто так и без последствий.

Рука автоматически сжалась на шее, проверяя наличие одной важной вещички, в приверженности которой уже смеялись все болотные. Ужас, отразившийся на моем лице, мгновенно внес необходимые коррективы во внешний облик. Наверное, так и задумывалось.

— Потеряла! — захныкала я, чувствуя себя самой никчемной на свете.

— Нашел! — заверили меня из-за стенки.

— Что нашел? — Я оттолкнула стул и распахнула дверь, готовая броситься на шею благородному искателю.

— Растворитель! — обрадованно сказал Альтар и сунул мне бутылочку. — У нас восемь минут до общего сбора, поторопись!

— Я кольцо потеряла! — простонала я раскаянно. — Помнишь, ты мне его отдал...

— На пальце поищи, — подсказал маг и стремительно скрылся в коридоре. — Кажется, мы вчера устроили продолжение спектакля.

О чудо, Альтар оказался прав. И ужас, теперь я полностью прочувствовала, насколько мы опаздываем! Обыскав едва ли не всю ванную, я не нашла никаких салфеток и была вынуждена пожертвовать полотенцем. Точнее, им пожертвовал Альтар. Просто он еще об этом не знал и, как я надеялась, не узнает, пока мы не вернемся из Семиречинска, а там, может, и злиться уже не станет — за сроком давности.

Кое-как избавившись от макияжа, я сунула голову в раковину, открыла кран и в рекордные сроки вымыла голову.

— Дань, мы опаздываем! — напомнил в очередной раз Альтар. — Твоя одежда в библиотеке. — И чуть позже уже значительно тише добавил: — Пора выбрать тебе комнату.

— Бегу! — провыла я, стукнувшись о кран. Вот вечно так — поспешил и получил.

Замотав волосы полотенцем, я бросилась вверх по ступенькам. На часах было без трех минут. Еще две ушли, чтобы переодеться. Времени спрашивать, кто одолжил мне одежду, не было, а потому этот вопрос ушел в долгий ящик. Одно я могла сказать без сомнений: у меня такого комплекта не было. Да и выбор был скорее мужской и очень быстрый. Вдохнув, я понадеялась, что погода за окном улучшилась, иначе мне предстояло мерзнуть весь день.

Мы пришли порталом, опоздав всего на две с половиной минуты. Хмурые и помятые болотники с завистью оглядели мой свежий наряд, оценили чистую голову и завистливо вздохнули. Проспав, они были лишены возможности хоть как-то исправить свой облик.

Одна только Вита выглядела, как и всегда, идеально. Именно она, тонко улыбаясь, протянула мне мою забытую в общежитии сумку. И вот здесь начался мой персональный Ад.

Ехать нам предстояло на лошадях.

Глава 3

Страдательно-ездовая, или Мы едем в родные болота

Доконала морская болезнь? Не беда!

Прими лекарство — забудь о тех мелочах, что мешали тебе раньше.

P.S. Доставка антидота бесплатно.

«Мерно стучали копыта бедной Даньке по мозгам, где же ты мое корыто, я тебе начинку дам», — крутилось у меня в голове, когда мы выезжали за пределы города. Ворота радушно проскрипели нам вслед, обещая, что хорошо проведут отпущенное им время. И мне нестерпимо захотелось остаться и помочь им с развлекательной программой. Или смазать петли. Или просто постоять рядом, маша платочком вслед уезжающей делегации.

Нам предстояло ехать всего день, но для меня он воспринимался адскими двадцатью четырьмя часами, которые я буду страдать. Посовещавшись, группа решила передвигаться с остановками, ибо морской болезнью страдали даже лучшие из нас.

Вита отчаянно храбрилась и каждый час, минута в минуту, требовала остановку, чтобы выпить зелье, Трейс пытался выглядеть мужественно и пил на ходу, Джейсу помогала Кира, которая смотрела на наши страдания большими глазами, ну а мне... мне зелье не помогало. Видать, не все в порядке с этим зельем, если самых блеклых представителей расы оно отказалось лечить. Или мне пока лекарство как человеку требуется?

Судя по озабоченности Альтара, ему пришла в голову та же мысль, и во время остановки он исчез, вернувшись спустя пару минут с запыленной бутылочкой на 0,2 литра и ложкой.

— Попробуй. — Мне протянули полную столовую ложку. — Оно сладкое. Должно понравиться.

Я с трудом поднялась с травки, ноги подкашивались, уже предвкушая следующий час, и Альтару пришлось проявить чудеса эквилибристики: не дать упасть мне и не расплескать зелье.

— Ам! — подсказал мне маг, заметив, как вновь зеленеет моя физиономия от одной только мысли.

Лекарство действительно было сладким — в этом Альтар не обманул, но вот предупредить, насколько приторным окажется это зелье, он не удосужился.

— Воды! — прохрипела я, опасаясь за свое горло.

— Сейчас. — Альтар отбежал к собственной лошади и быстро вернулся с фляжкой.

В миг, когда вода хлынула мне в рот, я познала блаженство. Закрыв глаза, я присосалась к фляжке и не отдавала до тех пор, пока емкость не опустела.

— Еще! — шурясь от наслаждения, попросила я. Мне тут же вручили новую ложку с зельем. — Не это! Всплеснув руками, я едва не расплескала сладкую отраву на траву. Бедные растения затрепетали от страха! От страха, а не от ветра!

— Адептка Вересная, извольте перестать капризничать, — грозно погрозил мне Альтар и сунул ложку в открытый от удивления рот. — Вот так, сейчас дам запить.

Слово свое он сдержал: пила я долго. Вторая порция лекарства оказалась еще более жуткой, чем первая. Видимо, в процессе хранения некоторая часть состава осела, и верхние слои стали менее концентрированными.

— Лучше? — поинтересовался Альтар, когда я отдышалась.

— Да, — прохрипела я, поднимаясь. Истина «чем гаже вкус — тем лучше лекарство» подтвердилась и в этот раз. От мысли о коне меня уже не тошнило. Прогресс налицо.

— Собирайтесь, перерыв окончен, — распорядился маг, помог мне подняться, довел до лошади и даже помог забраться в седло.

Трейс завистливо присвистнул: облегчать ему жизнь никто не собирался.

— Дань, ты в порядке?

Стоило нам тронуться, ко мне подъехала Вита. Уже больше по привычке, чем по необходимости, я лежала, обняв лошадку за шею. Поводья же держал Альтар, ехавший слева и внимательно следивший за дорогой.

— Ага, уже не тошнит, — призналась я, проанализировав собственные ощущения. — Но боюсь, если я поднимусь, все вернется. И высоко же...

— На Жабке тоже высоко! — влезла в разговор Кира, которой наша прогулка начала прививать любовь к верховой езде, с таким трудом отбиваемая в КАКе.

— Жабка — самый безопасный в мире транспорт! — высказался Трейс и погладил свою мелкотню по шейке. В ответ его поцеловали в ухо, заставив дернуться и едва не свалиться с лошади. — А я что говорил? Вот с настоящей Жабы упасть невозможно, а это...

Болотник махнул свободной рукой, другой покрепче цепляясь за поводья.

— Но они же прыгают, — не согласилась Кира, припоминая все, что помнила о бесхвостых земноводных. Увы, она с трудом вспомнила само название класса.

— Прыгают — когда боятся, а так вполне себе резво ходят, — заметил Джейс и кивнул в сторону. Девушка зарделась и отъехала, оставляя нас наедине с общими проблемами.

— Магистр, а может, и для нас у вас найдется лекарство? — поинтересовался Трейс, глядя, как я с любопытством оглядываюсь по сторонам. — Я готов вытерпеть сладость, — юноша сглотнул, но ничего добавлять не стал.

— Сомневаюсь, что вам оно подойдет, — пожал плечами Альтар. — К тому же смешивать составы не рекомендуется. Вам ли этого не знать?

— Но Даньке же...

— Трейс, у Даньки другая ситуация, — одернула старшая кикимора. — Потерпи, не маленький уже.

— Маленьким был — таких проблем не возникало! — недовольно пробурчал болотник, но замолчал. Пустой холщовый пакет, привязанный к седлу, потребовал его незамедлительного внимания.

В ближайший город, готовый принять на ночлег усталых и привередливых путников, показался только к сумеркам. Конечно, нормальные люди, выехав засветло, добирались сюда к обеду, но в нашем случае даже факт прибытия до закрытия ворот казался чудом и требовал благодарности богам, кои тотчас же были озвучены, едва Трейс ступил на твердую землю.

Джейсу помогала сползти Кира, Вита справилась самостоятельно, а меня подхватили под мышки и стянули вниз. Только убедившись, что внезапный обморок не грозит никому из подопечных, Альтар отправился договариваться насчет номеров. Шатаясь, за ним поплелся Трейс, не желавший делить комнату ни с кем и ради этого чуда готовый расстаться с парочкой золотых монет.

— В порядке? — Вита озабоченно тронула меня за плечо.

— Вполне, — призналась я, выпрямляясь. Даже с учетом частых перерывов мышцы затекли. — Лошади?..

Я развела руками, не зная, что полагается делать с транспортом. В поле зрения конюшни отсутствовали, а кому «сдавать ключи», взгляд не находил.

— Сейчас узнаем, есть ли комнаты, и к нам подойдут забрать лошадок, — утешила меня Вита, изучая окружающую обстановку.

Гостиница располагалась в тихом районе, через который то и дело проезжал офицер на белом коне и салютовал хихикающим дамочкам. На нас он обратил столько же внимания, сколько достается колорадскому жуку в конце лета: вроде и ползет, но догонять лень. Поджав губы и недовольно сверкнув козырьком в свете фонаря, офицер прогарцевал мимо.

— Видела? — кивнула в сторону франта кикимора.

— Угу, — промычала я. Ничего, кроме раздражения, офицер не вызвал: вот так и падает рейтинг стражей правопорядка в глазах иноземных туристов.

— Этот еще очень мил, — поделилась сведениями Вита. — Чем дальше от столицы — тем хуже.

— Мне уже страшно, — призналась я и хотела было закатить глаза, выражая весь свой ужас, как лошадь офицера решила внести коррективы в его планы по охмурению девиц.

Остановившись, лошадка приступила к вечернему туалету, заставляя зрителей отвернуться от окон и прикрыть платочками носы. Офицер покраснел и сконфуженно съежился, теряя напускное величие.

— Что сейчас будет, — мечтательно прикрыла глаза Вита. Ее интерес к офицеру только возрос: вот она, истинная благодарная публика! — Здесь такие штрафы за мусор!

— И он?..

Договаривать не пришлось — болотники иной раз понимали друг друга без слов, с одного только насмешливого взгляда.

— Лопатку на поясе видишь? — подсказала кикимора и плебейски ткнула пальцем. — Вон висит, махонькая такая. До утра не управится.

— Зато мышцы накачает, — нашла я хорошее. Судя по мученическому выражению на лице офицера, он готов был отказаться от всех плюсов, лишь бы оказаться подальше отсюда.

— А возил бы, как положено, инструмент, — не пришлось бы страдать. Инструкции — они не просто так придуманы! — подытожила Вита и дернула меня за рукав. — Идем, Трейс зовет.

Оторвавшись от созерцания уборки проезжей части, я заметила, как у входа в гостиницу активно машет руками искомый болотник. Рядом с ним, хмуро разглядывая офицера, стоял невысокий парнишка лет тринадцати. Чумазый и весь какой-то взъерошенный, как будто его только что растолкали и заставили работать. В общем, он убивал бы взглядом почище горгоны Медузы, если бы кто-нибудь из хитрых богов наградил его таким даром.

— Девчонки, сейчас лучшие места займут! — возмущенно приветствовал нас Трейс и громко, чтобы даже влюбленные его услышали, возвестил: — Я старался достать вам один номер, но магистр против попрания нравственности. Доберетесь домой — там уже попирайте. Почти цитата!

Я хмыкнула: в душе витали сомнения, что Альтар мог так выразиться, хотя... способность к интерпретации самое развиваемое качество среди болотных прохиндеев. Помешкав, я стянула с седла сумку и поплелась в наш временный, всего на одну ночь, дом.

Гостиница была светлой и чистой, и там даже не пахло. Вита деловито огляделась, нашла взглядом администратора и кивнула, как бы говоря «запомнила, теперь никуда не денешься». А я просто осматривала белый мрамор на полу и красный ковер, исчезающий где-то на лестнице. Сколько стоило это удовольствие, я старалась не думать, но сомневаюсь, что Трейс не преминет сообщить об этом в приватной обстановке. Еще и процент высчитает по рассрочке, если хоть монетку добавил.

— Наш второй этаж, номера с пятого по десятый. Селимся по одному, через час проверю, чтобы все были на месте, — предупредил Альтар, нахмурился, заметив, что нас слишком мало, и поинтересовался: — Где Джейс и Кира?

— Дышат воздухом, — легко сдал друзей Трейс и так разулыбался, что даже администратор не смог скрыть румянца на щеках.

— Перестань, — одернула его Вита и взмахнула рукой, чтобы в следующую секунду заставить болотника вскрикнуть и согнуться: не слишком-то удобно свысока смотреть, когда за ухо держат, как будто ты — щенок нашкодивший.

— Вита! Ну Вита... — простонал парень. Вырваться он не пытался, зная, что пальцы кикиморы цепче и надежнее тисков. — Вита...

— Магистр, мы пойдем, если вы не возражаете.

— Идите, — позволил Альтар, делая мне знак задержаться. И только когда болотники скрылись на лестнице, спросил: — Ты в порядке?

— Все хорошо, спасибо, — ответила я. Сумка оттягивала руку вниз, и я уже «предвкушала», как потащу ее по ступенькам. Жадность — зло, но никогда заранее ты не готов этого признать.

— У нас еще двое. Вы не сможете их ни с кем спутать. Передайте им, чтобы поднимались на второй этаж. Мой номер десятый, пусть зайдут и заберут ключи, — велел Альтар и, не спрашивая, закинул мою сумку на плечо. — Идем?

— Конечно. — Мне оставалось только благодарно улыбнуться и потрусить следом. Альтар шел быстро и легко, как будто мой мешок не весил ничего, и я в очередной раз задумалась, а все ли знаю про него.

Ковер скрадывал шаги, напоминания о совсем другом ковре и моем непозволительно наивном поведении, проявленном в предыдущем путешествии. И как за узелок потянули, на волю выползли воспоминания о сегодняшнем пробуждении. Ночь же, если не полностью, то основная ее часть, стерлась из памяти.

— Альтар, — позвала я, смущаясь. Зная собственный норов, предположить, чем мы могли развлекаться ночью, разнося его квартиру... — Прости!

Я зажмурилась от раскаяния и едва не влетела в его спину. Магу пришлось ловить мое падающее тельце и возвращать в горизонтальное положение.

— За что? — хитро сверкнул глазами он и добавил: — Не здесь.

— Хорошо, — послушно согласилась я.

Коридор второго этажа петлял как иная змейка, желающая впечатлить нечаянных зрителей: переходы, закоулки, тупики — у меня глаза на лоб полезли от обилия перегородок.

— Так много, — вырвалось у меня, когда мы повернули за один из углов. Судя по нашему маршруту, гостиница имела не четырехугольный периметр.

— Чтобы гости не пересекались друг с другом. Этот коридор главный, но из каждого блока есть свой выход на улицу, — пояснил Альтар и остановился. — Запомни эту дверь. Дальше — наш блок.

— Запомнила, — спешно пообещала я, пока маг не начал задавать каверзные вопросы, как на экзамене или практической. После последней никто из адептов не выходил неподготовленным: все странным образом запоминали определения дословно. Жаль только, что адептская память — бездна. Сначала видно, а потом исчезло в вековой тьме.

— Точно? — Об особенностях адептов врать с честным лицом Альтар знал не понаслышке.

— Почти, — смутилась я и потянула за ручку. — Но мы же на одну ночь. Просто посижу у себя, и все будет в порядке.

— Ладно, но если соберешься на ночные приключения...

— ...сказать куратору, — закончила я за него.

— Нет, позвать куратора с собой. Думаю, я найду что показать тебе в этом городе.

— А он такой известный? — удивилась я. Никаких табличек, указывающих на наличие туристических объектов, мы не встретили. Или они просто были написаны не на дороге.

— Марьин входит в столичный регион. Его стража носит столичную форму, налоги рассчитываются также соразмерно столичным. Через два квартала от нас находится Высшая школа целительства и знахарства, в своей области — лучшая в стране. Только наши специалисты могут с ней поспорить, но подходы разные. Наши выпускники — прежде всего маги, местные же — целители. Они не делают такую ставку на силу, предпочитая оттачивать умения каждый день. Они не впадут в панику, если сила вдруг им откажет.

— Страшные люди, — заключила я.

— Ты права, — рассмеялся Альтар, — в основном люди здесь и обучаются.

Мы вошли в наш блок, и маг прикрыл за собой дверь, полностью отрезая нас от внешнего шума. Здесь господствовал гам, порожденный болотниками.

— ...Нет моя! Я хочу здесь жить! — надрывался Трейс. — Отдай! Мое! Я доплачивал!

Что ответила ему Вита, мы не услышали, но вылетевший, как обворованный дракон из пещеры, болотник был не в себе. Углядев зрителей, он бросился к нам и уже открыл рот, чтобы начать жаловаться, как его остановили:

— Вопросы с распределением комнат решайте сами, — отрезал Альтар и обошел изображающего рыбку Трейса. От неожиданной отповеди болотник застыл. Рот его открывался, но из него не вылетало ни звука.

— Все хорошо. Я думаю, комнаты одинаковые, — успокоила друга я и предложила: — Посмотри соседнюю.

— Но вид! Там такой вид! — пришел в себя Трейс и негодуя всплеснул руками. Как не попал по стене в порыве страсти, для меня осталось загадкой. Но видимо, болотное везение приходит со временем, и скоро и я перестану в рассеянности ушибаться. Мечты, конечно.

— Адептка Вересная, в какой комнате мне оставить вашу сумку? — насмешливо напомнил о насущных проблемах Альтар, останавливаясь у трех уходящих в разные стороны дверей.

— А где будешь жить ты? — обернулась в сторону куратора я. Альтар, не колеблясь, указал на крайнюю из дверей. — Можно мне соседний?

— А кто запретит? — фыркнул Трейс, а потом негодуя выдал: — Я самый первый пришел! Почему девчонки выбирают?

И не теряя времени, пошел на охоту за лучшим из оставшихся номеров.

Номер был довольно просторным, а если не лукавить, то после комнаты в общежитии вообще походил на царские хоромы. Здесь была и двуспальная кровать, которую мне всегда хотелось занять в свое персональное пользование, и шкаф только под мои нужды, и стол со стулом, и журнальный столик с двумя креслами, и ванная, и главное — все это только мне. Счастье есть на свете!

Ложкой дегтя стало наше временное пребывание, после которого вновь придется провести весь день в дороге. Как вишенка на торте, успокаивала лишь перспектива попасть в Семиречинск к концу следующего дня, но вдруг непредвиденные обстоятельства заставят нас задержаться в дороге? Спать в лесу после гостиницы будет так печально...

Я огляделась, не решаясь в пыльной одежде тут же бросаться на кровать. Сумка со сменной одеждой спокойно стояла на журнальном столике, а вот маг отсутствовал. Наверное, не захотел присутствовать при ее разборе или других недостойных деяниях, которых просто-таки требовала душа.

Прокравшись на цыпочках к двери, я убедилась, что она закрыта и, вытащив первое попавшееся одеяние — повезло, что не пижаму, — бросилась мыться и переодеваться.

О, славьтесь, водопроводы Древнего Рима, доказавшие, что даже в такие далекие времена приоритет гигиены был ясен каждому культурному человеку. Славьтесь и те, кто не пожелал отставать от параллельных, вертикальных и гиперболических миров и создал эти выдающиеся сооружения здесь.

Потирая руки, я ждала, пока ванна заполнится. Водичка была прекрасной теплоты, и регулировать краны не пришлось. Зато мне все больше нравился выбор Альтара, который привел нас именно сюда, отказав Трейсу в остановке в первой встреченной гостинице, лишь бы сойти на твердую землю.

Откуда-то послышался ликующий вопль, в авторстве которого никто не усомнился. Трейс, судя по всему, тоже оценил прелести местного ЖКХ. Отрываться от коллектива я не пожелала и влезла в воду; не дожидаясь, пока ванна наберется.

Наверное, наши далекие предки имели основания, когда помещали кикимор в водную среду: столько плескаться и не отрастить хвост было просто невозможно. Если ты не кикимора. У меня хвост не отрос, хотя копчик стал подозрительно чесаться.

Мудрый Альтар, он дал нам час, но пришел собирать совет только через два. И мы все были ему благодарны. Даже Трейс смотрел на куратора влюбленными глазами, хотя больше всех был недоволен его кандидатурой.

Номер мага оказался куда больше наших, но, учитывая размер личного пространства каждого из болотных, места катастрофически не хватало. Если бы не Джейс с Кирой, которые делили одно пространство на двоих, мы бы и вовсе не ужились на обсуждении. Трейс обиженно морщился, глядя на Виту, уведшую у него из-под носа номер, я не хотела оказаться на пересечении их взглядов, Кира с Джейсом... Этим было все равно до окружающего мира, а потому от них решили отсесть подалее, чтобы не подхватить ауру влюбленной глупости, как охарактеризовал их состояние Трейс.

— На ужин мы опоздали, поэтому у вас два решения — заказать еду в номер или сходить в соседний ресторан. Чуть дальше есть таверна для тех, кто не хочет много тратить. — Альтар выразительно покосился на расцветшего Трейса. Наверное, слова «экономия» и «халява» он сказал раньше, чем «мама» и «папа». — Завтрак в семь. Его готовят специально для нас, так как к восьми все уже должны быть готовы и собраны. Встретимся в холле. Опоздавший — догоняет нас сам.

Выслушав наставления, мы начали потихоньку рассасываться. Я уходила последней, пропуская Виту вперед. Влюбленная парочка выходила между временно враждующими сторонами, чтобы не допустить акта шкодничества. Впрочем, никто не сомневался: если эти двое решат мстить друг другу, их ничто не удержит. Особенно Виту.

— Задержись, — попросил Альтар, дождавшись, пока Вита выйдет, а я еще не успею пересечь порог.

— Что-то случилось? — насторожилась я, не понимая, чем вызвана просьба.

— Да, кое-что, — усмехнулся маг, обошел меня сзади и повесил на шею утреннюю потеряшку. — Оно выпало на одной из остановок, я подобрал, — пояснил он. И ни слова упрека, что я потеряла его подарок! Правильная девчонка в моей душе растаяла, уступая место ежику. Ведь всегда так — один тает, другой восстает. Впрочем, к Альтару и ежик был настроен благожелательно: регулярные подкормки делали свое черное дело.

— Спасибо. — Я искренне порадовалась. Из-за всей этой суеты я почти забыла о колечке, но вот когда бы она кончилась... его было бы уже не найти. И как я без своего сезонного обогревателя?

— Растеряша. — Альтар погрозил мне пальцем. — Совсем не ценишь подарки.

— Ценю! — не согласилась я и перекинула колечко ближе к телу. Нечего украшать свитер, это только мое сокровище!

— В таком случае мне положено вознаграждение за находку, — намекнул Альтар, разводя руки в стороны. Намекает на обнимашки?

— Положено! — согласилась вредная я и добавила: — Разрешаю накормить меня ужином.

— Ты несправима!

— Как и все мы. — Я пожала плечами и протянула руку магу, предоставляя возможность вести меня, куда посчитает нужным. Он усмехнулся и подтолкнул меня в сторону номера.

— Тебе не помешает переобуться, — подсказал он, выразительно косясь на тапочки. — Впрочем, здесь недалеко.

Как и говорил Альтар, у нас был свой выход. Почти свой. Сказать по правде, он принадлежал всем трем блокам, то есть нашему и тем, что под и над нами. Но то ли их постояльцы отличались выверенным режимом, то ли еще не вернулись с прогулки, мы никого не встретили по дороге. Даже болотники предпочли для начала немного отдохнуть, а то и вовсе заказали доставку в номер.

Улица жила своей жизнью. Солнце окончательно зашло, и брусчатую мостовую освещали только фонарики, отчего свет был желтый и потусторонний. Я поежилась и сильнее сжала ладонь Альтара. Без него я бы и носа не высунула в незнакомом городе ночью, но с ним... Вряд ли ему откажет Сила, а если и такое произойдет — короткий клинок, который он повесил на пояс, пока я обувалась, вселял оптимизм и веру в лучшее.

Шаги глухо отдавались в морозном воздухе. Им вторил мерный звон лопатки: офицер продолжал трудиться на благо города. Праздно шатающихся прохожих уже не было видно в

переулках, и только мы в лучших традициях ужастиков бродили по подворотням. Шутка.

Альтар прислушался к звукам, нахмурился и целенаправленно повел меня к месту конфуза. И вот что ему там понадобилось? Мы обошли тудягу-офицера и остановились. Маг взгляделся в его лицо и удивленно выдал:

— Дерек?

Мужчина остановился, профессионально выронив лопатку и ногой отправив ее подальше, молниеносно натянул перчатки и отсалютовал.

— Милорд.

Я с интересом взглянула на своего сопровождающего: все больше людей обращаются к нему, как к большой шишке. Что-то в его откровениях нечисто. Хотя откровений от него я так и не услышала за все время нашего знакомства. Наверное, пора припереть его к стенке и пытаться до победного конца, щекоча ноги.

— Не поможет, — шепотом предупредил Альтар, напоминая, что телепат из него не посредственный. Злодей, а я только начала забывать! И вот как мне с ним теперь ходить? Он же все слышит!

Альтар хмыкнул и взял меня под локоток. Для надежности. Так драпать было бы куда проблематичнее, разве что преследователя на себе тащить.

— Дерек, хватит. Мы знакомы слишком давно, чтобы ты не знал, как меня зовут, — уже громче, чтобы услышал офицер, сказал Альтар, поморщившись.

— Милорд, я... — Даже отвернувшись и усиленно глядя в другую сторону, я бы могла поклясться, что у Альтара вспыхнули недовольством глаза. — Прошу прощения... — Дерек заколебался, не зная, что выбрать: большую шишку или соблюдение субординации. Мнение шишки победило: все же стоял рядом и ласково смотрел на офицера. — Альтар, а что вы здесь вообще делаете?

Дерек отступил на шаг и едва не повалился на спину, наступив на несчастную лопатку. В последний момент он устоял, но лицо так передернулось, как будто он по гвоздям прошелся без сертификата йога.

— У нас практика, — пояснил Альтар, притягивая меня ближе. По моему скромному мнению, для практики такая близость едва ли была обязательной. Или это идет борьба за территорию среди суровых мужчин?

Я с интересом прошлась (нет, не ногами — взглядом!) сначала по Альтару, после по Дереку и вздохнула. Любая здравомыслящая особа выбрала бы Альтара. Хотя бы потому, что руки у него были чистые, а каблук не стоял наполовину в навозе.

— А это?.. — договаривать Дерек не стал, уловив резкую перемену в настроении собеседника.

— Это моя подопечная, — сухо пояснил Альтар и добавил: — Самая любимая.

— И вредная! — Мне надоело притворяться тумбочкой. — Только он меня и выносит!

— Ясно, — пробормотал Дерек и понимающе усмехнулся. — А я ведь говорил!

— Чем заканчиваются твои прогнозы, знает половина столицы. Это из-за них тебя сослали?

— Я сам ушел! — хмуро заявил мужчина. — Здесь климат лучше.

— Это заметно.

— Иди уже! — отмахнулся от бывшего «милорда» Дерек и вернулся к прерванному занятию. — Не забудь потом пригласить!

— Обязательно, — хмыкнул Альтар и быстро повел меня в противоположную сторону. Я упиралась, с неподдельным интересом разглядывая внезапный источник знаний. Вот только понять, что из беседы было по-настоящему полезным, а что представляло собой дружеский треп...

Разговор не ладился ровно до тех пор, пока звон офицерской лопатки не остался далеко

позади. Только тогда Альтар снизил темп и дал мне время, чтобы отдышаться.

— И зачем было здороваться, чтобы потом так убежать? — вознегодовала я, убирая челку с лица. Еще и волосы понюхала. Зря, лучше бы оставалась в неведении. А то запах роз хоть и оскомину набил, все же лучше, чем навоз свежий, сельский, незамутненный ароматизаторами. — У меня теперь волосы воняют! — пожаловалась я, обвинительно тыча пальцем Альтару в грудь.

Магистр не стал отнекиваться или оправдываться, не стал он и зыркать глазами, обошлось и без иных упреков. Просто я поняла, что больше не буду обвинять мага в своей нечистой голове, ибо он без лишних разговоров устроил дождик с ароматом елочки и высушил мне прядки обжигающим вихрем.

— А понежнее? — пробурчала я.

— Самый бережный способ из всех уличных.

Маг поднял руки вверх. Думаете, он сдавался? Как бы не так. Поднятые вверх руки для мага лучшее поприще. Столько жестов можно прочертить, столько неприятностей врагам устроить... Руки магу связывать надо. Скотчем, сзади, в тридцать три слоя, не меньше.

— Злой ты. — Я почесала макушку, больше чтобы убедиться в наличии волос, чем по другим причинам. Волосы присутствовали и даже распутались, что было совсем уж замечательно. Делаем у памяти зарубку: вместо утюжка идти к магу.

Альтар не выдержал и потрепал мою чистую гриву.

— Фу, грязными руками!

Я гордо отвернулась. Так же гордо сделать пару шагов и свалиться в канаву, заменяющую ливневую канализацию, мне, конечно, не разрешили, притянув к себе и зарывшись носом в волосы. Теперь понятно, зачем мыл! Все для себя!

— Милорд Райген, — с энтузиазмом начала было я, совсем не ожидая последствий. А они были. Руки Альтара мгновенно напряглись, его нос перестал дышать мне в макушку, а голос и вовсе изменился до неузнаваемости. Страшным стал и чужим.

— Дана, ты должна забыть обо всем, что говорил Дерек.

— Почему? — пискнула я. Такой Альтар пугал. С ним совсем не хотелось дурачиться и стоять в темном переулке — тоже. Еще и канавка рядом, а трупы именно туда и скидывают...

— Тише, — успокаивающе прошептал маг, смягчаясь. — Тебе я не причиню вреда.

— Не пугай меня так. — Я шмыгнула носом и провернулась в его руках. Отстраниться он бы мне не позволил: слишком крепко держал. — Когда ты так говоришь, мне становится страшно. И... я же трусиха. Ты хочешь, чтобы кикимора тебе туфли испортила?

— Нет, туфли мне очень дороги, — едва заметно, уголками губ, улыбнулся Альтар, но больше ничего не поменялось: лицо так и оставалось маской.

— Я не хочу ничего забывать, — тихонько сказала, обнимая его. Однажды подруга сказала, что это успокаивает мужчин. Мне пока не выдавалось случая проверить, но раз уж так случилось... — Даже злого Альта — ра. Хоть он и страшный, но это тоже ты.

Его сердце билось медленно, как будто осторожничало. Но внезапно все изменилось. Пульс сорвался на бег, а меня... меня поцеловали. Очень нежно, хотя я чувствовала, что ему очень тяжело быть таким.

— Так будет лучше, — оторвавшись от моих губ и приподняв мое лицо, хрипло выдохнул маг.

— Не будет. — Я смотрела ему прямо в глаза. — Ты столько мне не говоришь! Так что все, что сказал лошадиный офицер, я имею моральное право помнить! Вот!

Последние слова выпалила на одном дыхании, чтобы кто-то чересчур одаренный не перебил случайно. Или с мысли не сбил. Выдохнула и только тут поняла, что от старания зажмурилась.

Сначала приоткрылся левый глаз, который дурной. После — правый, который честный. Вместе они внимательно оглядели Альтара, сошлись в показаниях, и мозг позволил организму

выдохнуть. На нас не злились, но задумчиво изучали, как будто в первый раз видели.

— Дань, а ты понимаешь, что происходит? — вкрадчиво поинтересовался маг.

— Ни малейшего понятия! — Вздернула носик, хотя шальная мыслишка о первом семейном скандале пронеслась на белогривом козле и скрылась в пучинах ассоциаций.

— И я рад, что наши мысли схожи, — шелкнул меня по носу этот невозможный субъект, настроение которого скакало едва ли не так, как и мое. Хотя осадок остался и...

— Не веди себя так! — Альтар с трудом уклонился от моего нотационного пальца. — Знаешь, как я испугалась! В тирана и деспота будешь играть со студентами, а я!.. — Мысль оборвалась, встретившись с другой, не менее важной: а кто я, собственно, такая? — А я болотница, а мы вообще сами по себе и никого не слушаем!

Я топнула ногой, случайно попала по носку туфель (разумеется, не своих), охнула и замерла.

— Данечка, сделай шагочек в сторону, — попросил Альтар, убирая руки и давая мне полную свободу действий.

— А ты мне расскажешь, почему тебя лошади милордом зовут. И почему всякие придворные мымы хотят мне гнездо испортить!

— Как-нибудь позже, — решил увильнуть от разговора Альтар.

Я нахмурилась, прищурилась, изобразила косоглазие и слабоумие и мягко встала на его второй ботинок. Жалко обувь, но себя жалче. Не хочу больше на поводу у всяких ходить. Еще и Альтар голос повысил, глазами искрил и вел себя неподобающе.

Подведя несвязанные события под один перечень, я улыбнулась болотной логике, по которой прав всегда ты сам, и уже с искренней укоризной воззрилась на мага.

— Не хочешь говорить — я спрошу у болотных!

— Не стоит, их сведения скудны, — пошел на попятную Альтар.

— Зато они у них есть, и проверенные! — не сдавалась я. — Выбирай: или сам, или...

— Ресторан закрывается через пятнадцать минут, — оборвал мою мысль маг и протянул руку. — Может, отложим продолжение скандала?

Закрытие перенеслось надолго. То ли я была такой недовольно-расстроенной от сорвавшегося вопроса, то ли Альтар мило-заботлив, но зал, который уже начали убирать, мгновенно оказался в нашем распоряжении после недолгого разговора мага с управляющим.

Высокий и хитроглазый эльфогном, учуяв клиентов, готов был лично официантов замещать, предчувствуя чаевые. А когда Альтар озвучил заказ, я совсем испугалась за здоровье администрации: сердечный приступ, он всех делает равными: раз! — и копыта отбросил.

Впрочем, опасалась я зря: крепенький гном попался. Мое сердце — и то слабее оказалось: краем глаза ценники заметила, когда меню со стойки утягивала, пока Альтар отвлекся.

— Данька! — Меня поймали в полете, не дав сходить на свидание с птичками и звездочками. Глотнув воздуха, я села и долго изучала замершего надо мной мага.

— Нельзя так наплевательски расходовать семейный бюджет! — заключила я.

— Отдам в твои руки, — пообещал маг, коснулся моего лба ладонью, после — губами, потом распорядился лишним уйти и не мешать. Совершенно правильно распорядился! Хотя двух следовало бы оставить — свидетелям неплохо было бы и расписаться сначала.

— Обещаешь? — с придыханием поинтересовалась я.

— Клянусь! — приложив руку к сердцу, ответил Альтар.

— Вам коктейль когда нести: сразу или попозже? — прагматично осведомился управляющий. Его высокие материи не интересовали, а вот обслуживание клиентов — еще как. А то это сейчас они не помнят о еде, а вот спустя пару минут попробуй докажи, что не дятел.

— Сразу, — сверившись с показаниями желудка, приняла решение я.

— Попозже, — усмехнулся Альтар, дождался, пока эльфогном скроется из виду, и добавил: — Так тебе будет вкуснее его одалживать.

— Все для меня? — хихикнула я, поднимаясь не без предусмотрительно протянутой руки.

— Почти, — серьезно кивнул магистр и приник к моей ладошке.

— Она грязная! — отдернула ее я. — Знаешь, сколько бактерий здесь на полу? Подожди, вот когда помою!..

Маг подавился смехом, как будто я что-то смешное сказала! Но ведь это правда! Сколько миллионов бактерий перекачало на мои необжитые руки, чтобы основать свое поселение? А сколько среди них вредных? А болезнетворных? А просто противных? Я же о нем беспокоюсь! Вот подцепит глистов, и кто его лечить будет?

На ум пришел один народный способ выведения безбилетных обитателей организма, и я скривилась. Альтару мгновенно поплохело, что еще раз подтвердило: мысли мои он отслеживал без остановок на перекур.

— Вот! Теперь ты знаешь, что тебя ждет! А доктора Хауса здесь нет, так что...

И я еще раз вспомнила, как однажды знакомая бабулька делилась собственными наблюдениями. Внезапно во мне даже проснулся исследовательский азарт: лошадь, как и ее навоз, имелись в нескольких кварталах отсюда, больной того и глядишь сляжет, и вот тогда я проявлю свои целительские навыки!

Наверное, в глазах что-то отразилось, ибо даже эльфогном сбился с шага. Только профессиональная выдержка и вековая практика не позволили ему упустить поднос.

— Страшная девушка. — Альтар прикрыл глаза и притянул меня к себе.

Я гордо вздернула носик, но от комментариев воздержалась: непривычно было стоять так близко к магу в ресторане и под чужими взглядами. Даже если взгляд всего один и старательно косящий в другую сторону.

— И даже не накрашенная, — повинилась я. — Не умею наводить красоту!

Альтар снисходительно улыбнулся и наклонился ко мне. Теплое дыхание защекотало скулу, губы мазнули по виску, ладони медленно погладили спину...

— Ты самая красивая из всех, кого я видел, — прошептал маг.

— А ты нет, — честно призналась я севшим голосом. Но правда же, есть и посимпатичнее!

— Когда-нибудь я тебя прочу! — пообещал Альтар, с сожалением отстраняясь. — Горазда портить моменты!

— А мне здесь не нравится. Слишком много народу, — пожаловалась я и скользнула за стол. — И вообще, какая романтика на практике, да еще и на голодный желудок!

— А как же грязные руки? — напомнил Альтар, усаживаясь напротив и складывая пальцы в замок.

— Но-но-но, я все помню! — погрозив ему пальцем, откликнулась я и добавила: — Мне нужно шнурки завязать, подождешь немного?

— Я — подожду, а вот еда...

— Она не заметит моего отсутствия, — пообещала я и рванула на поиски дамской комнаты. Шнурки между тем действительно развязались. Вот только времени, чтобы их завязывать, у меня не было. Аромат из кухни шел настолько насыщенно-восхитительный, что секунда промедления казалась кошунством. Да и навык полезный и благоприобретенный — ходить с незавязанными шнурками — у меня имелся. Ведь главное в этом простом деле — не отвлекаться и следить, чтобы кто-то другой не наступил на них.

Чем современный общепит отличается от своего иноземного аналога? Водой и мылом? Разница несущественна. Полотенцами? Нет, такого и там, и там не водилось. Бумажными салфетками вместо сушилки? Да! Здесь везде были стопки салфеток, которые ты можешь быстро вытянуть из кучи и не стоять памятником самому себе, запечатленному в туалете.

За наличием салфеток следили столь тщательно, что даже в конце рабочего дня стопки хватило бы на десятерых клиентов, решивших ежеминутно бороться с микробным нашествием.

Тщательно вымыв руки, я извлекла себе салфетку из середины бумажной башенки и наскоро вытерлась. Дверь пришлось открывать локтем, но разве это не мелочи?

Аромат сбивал с ног и заставлял оторваться от земли. Он вел, манил, гипнотизировал, лишая воли и последней мысли о побеге. Наверное, с таким же глупым выражением лица, как у меня, мышки бежали за крысоловом. Бедненькие.

Я успела в самый последний момент. Управляющий поставил на выбранный мной стол мясо, и я даже не заметила, что Альтар отсутствует. Только после вкушения шедевра кулинарного мастерства ясность мысли и трезвость восприятия вернулись, и я заерзала на стуле. Маг не нашелся ни в одном из углов, ни даже за барной стойкой (пришлось встать на стул, чтобы проверить, не сходя с места). Вызванный управляющий не проронил ни слова, из чего я заключила следующее: сговор.

С печалью и мукой отставив тарелку, я принялась за розыскные работы. Первым было изучено подетальное пространство, но без результатов. Вторым — надпольное, но потолок оказался чист. Третьим... Я задумалась, пытаясь понять, куда мог деться маг в полном расцвете сил, голодный и слегка раздраженный. Выводы получались неутешительные!

Что могли натворить оставленные без присмотра болотники, даже я представляла с трудом, а иной причины исчезать у Альтара просто не могло быть. Значит, как только вернусь, сделаю выволочку Трейсу! Ведь из-за него моя еда остыла!

— А...

— Доставка в отель? — понимающе хмыкнул администратор.

— Ага. Мы остановились...

— Милорд уже распорядился и оплатил, — успокоил мое скупое сердце эльфогном.

— А куда он сам?..

— Его вызвали дела. Он просил извиниться и проводить вас домой.

— А раньше...

— Вы не спрашивали, а милорд предупредил, что вы можете творить все, что будет душе угодно, — хмыкнул эльфогном и спросил: — Мне принести посуду?

— Для чего? — я выпала в осадок.

— Для битья, — терпеливо пояснил собеседник.

— Зачем?

— Для успокоения нервов, — пожал плечами управляющий и взгрустнул. — Значит, нет. Вычеркиваем.

— Вы уже список составили, — поняла я и требовательно протянула ладонь: — Дайте ознакомлюсь.

По тому, как медленно гномий эльф отправился за бумажкой, стало ясно — исправлять нужно было всю страницу, а времени у него явно не хватало. Зелье-корректор даже в исполнении Виты высыхало полторы минуты, а уж проданное в обычной магической лавке...

Я покачала головой и присвистнула: болотные в наживании капитала были усерднее и ловчее.

Наконец мне предоставили список повреждений после моего «дебюта». Как я и думала, еще не все успело выцвести, и ровные строки радовали фантазию невообразимыми картинками. Логика пасовала, хотя у меня она была истинно болотной. Если битую посуду еще можно было представить, то барную стойку, продырявленную в трех местах прицельно запущенными контарийскими кактусами (явная контрабанда, между прочим), да и рухнувшую люстру, под обломками которой скончалась вся имеющаяся мебель в зале (специально пересчитала!)...

— А мы что, предварительно в «елочку» играли? — попыталась понять принцип повреждения мебели я. — А вдвоем бы дотащили?

— Племянники будут через минуту, — заговорщицки поведал управляющий.

— Нет, отставить племянников! — распорядилась я. — Нечего склонять честную кикимору к насилию и вандализму!

— Только к вандализму, — поднял руки эльфогном и пожаловался: — А зять говорил — даже склонять не нужно, вы и сами готовы!

Когда полчаса спустя я вышла из заведения уважаемого Мокоэля, речи о вандализме все еще не шло. Болотницы — девочки аккуратные и лишних разрушений себе не позволяют, даже если они заранее оплачены. Наоборот, в таких щекотливых ситуациях стараются не создавать лишних разрушений. Репутация обязывает не идти на поводу у окружающих.

Это о вандализме, а вот о насилии... Хотя моральный садизм в королевстве не возбранялся, так что совесть моя чиста, как и личное дело.

Мокоэль плакал. Плакал и ругался. Ругался и смеялся (истерически). Клялся и божился. В общем, пытался защитить презренную бумагу от попрания, но бой был неравен. Мы исправили все! И записали вечными чернилами. На гербовой бумаге, с автоматической копией в нотариальную контору.

Еду навывнос мне отдавали трясущимися руками и мысленными пожеланиями больше никогда не приходиться. На мгновение я подумала, что у меня проснулся новый дар, но, оказалось, управляющий просто не сдержался.

До гостиницы я шла одна. Мелкими перебежками от одной достопримечательной канавы до другой. Ни одна не подходила! То грязная, то спит там кто-то, то еще какая гадость обитает. В общем, той самой милой канавки, которая присутствовала при первом семейном скандале, я никак не могла найти.

— Красавица, а не страшно одной гулять? — пропитым голосом поинтересовались сзади.

— Еще как страшно! — поделилась я обуревавшими меня мыслями. — Нужную канаву никак не найду. То занята, то воняет, то уже забита — гостей ждет. А мне как быть? Куда я без канавы это все дену? — Я обличительно подняла вверх авоськи. — По частям, что ли, избавляться? Так коллеги не поймут!

Сзади понимающе вздохнули, а следом под свет фонаря вышел бородатый дяденька с подбитым глазом.

— Тоже твое место заняли? — прохрипел он и стукнул меня по плечу. Наверное, для поддержания боевого духа.

— Наверное. Уходила — все чистенько было.

— Вот всегда так. Понаедут гастролеры, приличным маньякам даже работы не остается.

— А ты приличный? — задумчиво спросила я, пытаюсь нарисовать в воображении приличного маньяка. Получалось не очень, так что пришлось брать помощь глаз и запоминать, как выглядят приличные маньяки на темных улицах окраины столицы.

— Самый что ни на есть. Потомственный! — гордо прогнусавил бородатый и зевнул. — Чет умаялся я, — хмыкнул он. — А ты куда сама идешь? Из местных или гастролеры? Кажись, не видал тебя раньше.

— Проездом, — дипломатично выдала я. — Завтра уезжаю. Канаву можешь себе забрать, — легко разрешила я. Еще бы, канав мне жалко не было. Хотя Трейс и ее бы загнал по тройной цене.

— О, канава — это хорошо! — оживился дяденька. — А где она?

— Рядом с гостиницей, — подсказала я. — В нескольких улицах.

— Так и район хороший! — еще больше вдохновился бородач. — Точно твоя?

— Других владельцев там не лежало, — поделилась наблюдениями я. — Там еще охрана имеется.

— Тебя что, стража крышует? — Лицо потомственного маньяка прямо побелело от уважения. — Страшная красавица!

«Вот так и рождаются мифы!» — подумалось мне. С маньяком по правую руку идти стало проще и быстрее. Этот город он знал как свои три волосинки под банданой, а город знал его. То и дело нам вслед неслись вопли «Гард идет!», а следом доносился топот ног.

— Уважают! — похвалила я потомственного.

— Боятся, — согласился он.

Мы дошли до той самой канавы. Как я это определила? Она была чиста и невинна, а где-то вдалеке ругался несчастный офицер Дерек и звенела лопатка, которую он пытался отмыть. Оптимистично ржала лошадь, хлопали двери горевшего трактора, а звонкий голос Трейса отчитывал:

— Вот вам, а не двойная цена за эти помои!

Разом нахлынувшие воспоминания об испорченном ужине решили все. Всучив маньяку авоськи на подержать, я разгневанной кикиморой бросилась к эпицентру событий.

Трейс стоял на пороге и дирижировал горячими мотыльками, то кружившими над его головой, то яростно атакующими незадачливый трактор. Оттуда, извергая проклятия, выбегали лица недружелюбной национальности и спотыкались на галантной подножке. Сам болотник лучился злорадством.

Заметив меня, он резво бросился наутек, но разозленная кикимора — оружие самонаводящееся и цель не меняющее. А не поевшее как следует еще и взрывоопасное.

Врагу б не сдавался наш храбрый варяг, но спрашивать стоит ли этих сутяг? Я считала, что не стоит, и права на оправдательную речь Трейс не получил, тут же схлопотав по макушке.

— Ты что творишь? — прошипела я, в лучших традициях кикимор вцепившись нашкодившему собрату в ухо и оттаскивая подальше от пожара, пока никто не заметил.

— А я что? — состроил удивленные глазищи парень. — Я ничего! Они первые начали. Думали, я шулера не вычислю?! Болотники сами всех обуют, нельзя пытаться нас обуть! — вознегодовал Трейс и попросил: — Дань, ухо отпусти. Оно еще после Виты не отошло, а ты туда же.

— Есть за что, — хмуро заверила я, ухо не выпуская. Знаю я этих шкод, выпустишь на мгновение, а он как рванет куда глаза глядят — ищи потом этих резвых. — С брата бы пример брал! Серьезный, ответственный!

— Это Джейс-то? — Трейс нехорошо усмехнулся. — Будем дома, я тебе экскурсию устрою по местам боевой славы брата. Вот уж точно узнаешь, какой он ответственный!

Звучало решительно, но прерывать воспитательную беседу из-за падения идеала — это для слабаков. Напустив на лицо побольше серьезности, я глубоко вдохнула, но что-либо сказать не успела.

— Леди кикимора, — тихонько позвал потомственный маньяк, — можно я пойду?

Трейс с интересом поглядел на просунувшегося в наш тупик бородача, оценил авоськи в руках и милостиво позволил:

— Валяй. Дальше мы сами донесем.

— Ты донесешь! — шикнула на него я. — Это из-за тебя мне одной пришлось разбираться!

— А я тут при чем? — возмутился болотник. — Ушла с Альтаром, пришла одна. Ты где его дела, а? Покромсала и по сумкам распахала? — решил перевести тему Трейс.

Маньяк сглотнул и плавно, спиной вперед, скрылся из виду, как будто его здесь не стояло.

— Ты кем меняставляешь в глазах местных жителей? — Трейс получил совершенно

заслуженный щелбан.

— Ау, а сама-то? Пришла мегера, все развлечение испортила!

— Развлечение? Ты где сейчас быть должен! В отеле! А ты где ходишь?

— А сама?!

Разговор начал переходить допустимые границы слышимости, и мне пришлось ладошкой заткнуть рот Трейсу.

— Покусаешь — Виту натравлю, — предупредила я. — Ты чем думал, когда шулера ловил? Решил сжечь оплот нечестной игры? А план отхода разработал? А если бы они тебя убили! — Трейс что-то промычал, но так невразумительно, что смысл ускользнул даже от моей фантазии. — Так, сейчас берешь сумки (да, именно ты берешь), и мы быстро бежим в отель. Знаешь, в какой он стороне?

Трейс задумался, но быстро ткнул себе за спину.

— Отлично, бег по пересеченной местности объявляю открытым.

Никогда так не ценишь отдельный вход, как когда за тобой бегут с «радостными» воплями и «добрыми» пожеланиями. Даже Трейс, по привычке начавший спорить за каждую мелочь, вдохновился и, подхватив мои пожитки, припустил, только пятки сверкали. За испорченные сапоги ему еще предстояло получить от Виты.

На цыпочках прокравшись мимо дверей спящих болотных, мы завалились ко мне в номер. Еще четверть часа Трейс не позволял включать свет и сам, замерев у двери, слушал, не крадется ли кто по коридору. Но, видимо, кого попало в нашу гостиницу не пускали, и болотник выдохнул с облегчением.

— Ух, пронесло!

— Еще бы, — хмыкнула я. — Вовремя подоспевшая помощь спасла тебя от поругания.

— Знаешь, Дань, я даже спорить не буду, — внезапно заявил Трейс.

Я с недоумением воззрилась на это чудо. Болотник только криво усмехнулся и кивнул на окно. Сам он в проеме не показывался, только сквозь занавеску подглядывал, как колесит по окрестным улицам десяток лиц недоброй наружности с факелами.

Внезапно навстречу им выбежал другой отряд мстителей. Побогаче. У этих имелись осветительные шары и нашивки ядоделов. Мы с болотником переглянулись и, не сговариваясь, бросились через всю комнату, чтобы прильнуть к двери.

Так и есть. По коридору, как совсем недавно мы, кто-то крался. Расплывшись в улыбке, мы дернули дверь и вывалились наружу.

Вита застыла изваянием самой себе, но после секундного промедления вновь превратилась в себя и строго взглянула на двух нарушителей режима.

— Спать! — шепотом рявкнула она (как только получилось!) и гордо хлопнула дверью, оставляя нас наедине с собственными измышлениями. Да уж, ночка выдалась продуктивная.

Когда же спустя полчаса заскрипели половицы, Трейс зажал себе рот, чтобы не перебудить всю гостиницу. По коридору, шурша какими-то пакетами, кралась сладкая парочка. Увы, третьего отряда мстителей по улицам не бегало, и Трейсу пришлось признать: брат был куда аккуратнее в своих походах.

Пробуждение было не из приятных. Почти для всех. Видимо, передо мной Альтар чувствовал вину, а потому даже побеспокоился о завтраке для проспавшей болотницы. А вот остальных разбудили жестко и без малейших скидок на полную приключений ночь.

В этот день синяки под глазами стали нашей командной формой. Даже у Альтара они присутствовали, что не давало повода усомниться в его бурной служебной ночи. Почему я была уверена, что призвала его работа? По запаху. Именно так пах склад ингредиентов Январы, и, как мне казалось, должно пахнуть любое подобное ему помещение.

Список наших прегрешений Альтар оставил на потом. Убедившись, что подконтрольная ему команда собралась и залезла на лошадей, не оставив сумок на память гостинице, он первым тронул поводья и продолжил наше славное восхождение к пучинам счастья.

Мне лекарства отлили, так что, пожалуй, лишь для меня это утро начиналось с чего-то терпимого, а не морской болезни вкупе с недосыпанием.

Медленно, но верно Марьин оставался позади. И чем дальше мы отъезжали от его гостеприимных стен, тем реже оглядывались болотники и тем счастливее становились их лица. Впрочем, стоило им посмотреть вниз, на плывущие под ногами камни или на хмурое лицо куратора, блаженство исчезало, и на смену ему приходил универсальный бледно-зеленый цвет.

Первая остановка состоялась лишь через полчаса, когда все хором запросили пощады, а я состроила жалобную рожицу из любви к ближним своим. Только тогда Альтар немного размяк и скомандовал перерыв. Марьин с места нашей остановки уже не проглядывался.

— Завтрак. — Несмотря на недовольство, маг раздал всем увесистые свертки.

Болотники приободрились и с двойным проворством начали сползать с лошадей.

Место, где остановились, едва ли было предназначено для этого, но одно поваленное дерево здесь все же имелось. Именно на нем мы начали раскладывать выпавший на нашу долю провиант. Оценив не слишком притязательный завтрак, я решила немного порадовать окружающих и пожертвовала содержимым появившейся ночью дополнительной сумки.

Ресторанная еда, пусть и остывшая, была воспринята радостными возгласами и клятвенными обещаниями расплатиться, как только появится возможность. Я лишь плечами пожала, зная, что обещания болотников, данные так легко, никогда не бывают выполненными. Вот если скрепить их договором...

— Дань, на тебя смотреть страшно! — озвучил общее мнение поежившихся болотных Трейс. — Еще чуть-чуть, и я подумаю, что ты мою душу хочешь или хуже — с трудом нажитые капиталы.

— С трудом — не хочу. А вот раздобытые прохиндейством, — я мечтательно закатила глаза и откусила хлебушка, — эти активы побольше будут.

— Злая ты, Данька, — хмуро ответил Трейс и выудил из общей кучи огурец. — Нельзя так шутить!

— Можно! — разрешил Джейс. — Как твой старший брат...

— А сам-то!

— Довольно! — оборвал начинающееся выяснение отношений Альтар. — Все хороши. Кроме Даны, разумеется.

— Она с маньяком задружилась, — сдал меня Трейс, не желавший страдать в одиночестве.

— С маньяком? — Маг покосился на меня, вздохнул и продолжил: — Каждый из вас в эту ночь сумел отличиться! Вита, разве у тебя зелий не хватает? Зачем было лезть к целителям?

Вита виновато опустила глаза, разглядывая ботинки.

— Вдруг конкуренты что-то новое с прошлого раза придумали, — шепотом пояснил мне Трейс, которого нисколько не заботило то, что слышали нас все. Вот как на такого обижаться? Сдал как стеклотару, а минутой позже секретам делится!

— Трейс, — одернул юношу маг, — а кто просил тебя ходить в трактир? Разве я не ясно выразился — ресторан и таверна? Зачем тебе понадобилось играть на деньги с бедным криминалом? Ты же их чести и достоинства лишил. Как теперь они будут конкурентам в глаза смотреть?! Знаешь, что они хотят теперь сделать?

— Вряд ли их фантазия простирается далеко, — пожал плечами болотник и тихо попросил: — А может, возвращаться через другой город будем?

— Если ваше поведение улучшится.

— По сравнению с ночным — улучшится! Так и знайте! — пообещал за всех Трейс.

А я начала подозревать, что они сговорились. Да уж, по сравнению с ночным дебошем даже самое отвратительно-нудное времяпрепровождение станет образцовым.

— Верю, — усмехнулся Альтар. Судя по его прищуре, он тоже заметил подоплеку событий. — Джейс, Кира... — Маг склонил голову, как в первый раз изучая парочку. — Хорошая работа, но лучше было бы обойтись без крайних мер.

Сладкая парочка разулыбалась.

— Не пойман — не вор. — Джейс ткнул брата в бок. — Учись.

— А вы? — не повелся на подколку брата младший. — Оставили Даньку одну, ушли куда-то! Знаете, сколько всего могло случиться?

Лицо мага закаменело, а мне стало страшно за разговорчивого болотника. После вчерашнего явления злого Альтара я опасалась его возвращения. Но магистр повел себя иначе.

— Все, что касается нас с Даной, мы решим сами, — сухо ответил он и добавил: — Ешьте, у вас осталось полторы минуты. Я не собираюсь повторять сегодняшнюю ночь, так что к закату мы должны быть в Риссе.

Спорить никто не стал: перспектива остаться без завтрака маячила лучшей мотивировкой на свете.

Я наскоро перекусила, отведав все, что только было, и сунула в карман бутерброд. Пригодится. Ведь если я не ошибаюсь, его готовил Альтар, а значит, это будет самый вкусный бутерброд из всех, доступных простым смертным.

Он помог мне забраться в седло, больше необходимого удерживая ладошку, уже отходя, поцеловал кончики пальцев. Взгляд не поднимал — думал, что я злюсь?

Наморщив лоб, я принялась размышлять, как мне стоит поступить с чувством вины у одного конкретного представителя магической братии. Альтар внезапно застыл, а мгновение спустя усмехнулся. Читает, как пить дать не удержался от любопытства!

Но я была злой. Вместо мыслей о том, как он может загладить вину, я думала о появлении насекомых. Ведь уже скоро выползут на свет божий всякие козявки и начнут свою летнюю повинность. Интересно, сколько муравьиных троп протянется через рухнувшее дерево?

Трейс с оглушительным чихом сполз на землю.

— Я в порядке! — Он быстро поднялся и залез вновь. Без видимого удовольствия.

— В путь, — распорядился Альтар. Лошади тронулись, и на твердую глину упал Трейс. Чих разнесся по всему лесу.

Следом пришла икота.

— Что... ик... происходит... Апчи... Почему... Апчи... я... ик...

— Потому что самодовольный глупец, — хмыкнула Вита, подъезжая ближе и внимательно глядя в друга. — Так и есть.

— Ничего... апчи... не есть! — попытался возмутиться Трейс, но приступ икоты не дал ему и слова вымолвить.

— Да, а кто сомнительным личностям собственным именем представился? — начала увещевать болотница. — Как думаешь, у них есть серые маги? Проклясть тебя чем-нибудь простеньким и ждать, пока сам явишься.

— Не... ик... явлюсь! У меня... апчи... родня... апчи... есть. Ик... поможет... кто... апчи...нибудь.

— Миледи Сагра, например, — подсказал Джейс. Трейс мгновенно сник.

— А миледи — это кто?

— Бабушка, — пояснила Вита. — Она как раз серая. Одна из лучших специалистов столицы по

проклятиям. Но они так давно не виделись, что сначала внуку придется объясниться и вымолить прощение у всех тридцати девяти жабок. Леди занимается селекцией, улучшает вид.

— Их... апчхи... двадцать...

— Было три года назад, — оборвала Вита. — Хотя у тебя есть козырь. Кажется, бабочковой у нее нет.

— Бабочковой?

Чувствуя шкуркой, что говорят о ней, мелкая и пупырчатая квакнула из сумки и пнула лапой крышку.

— Выпусти на волю бедняжку, — посоветовала Кира.

— Здесь... ик... ветер. Простудится... апчхи...

— Скорее, глупость подхватит. — Джейс был неумолим.

— Ребят, может, хватит? Вы как с цепи все посрывались! — не выдержала я.

— Болото все ближе, — туманно изрекла Вита и замолчала, погружаясь в себя. Мне же осталось только безуспешно смотреть ей в спину.

Лошади бодро двигались к цели, приближая нас к Риссе с рекордной скоростью. Трейс кулем лежал на седле: сжалившийся Альтар одолжил ему снотворного, честно признав, что проклятия не по его части и больше необходимого минимума он в них не смыслит. И если болотник был готов рискнуть, только бы освободиться от ежеминутного взрыва, то Альтар предпочитал доверить работу профессионалу. Или же он просто мстил Трейсу за его длинный язык. Подобную вероятность допускал и сам болезный, в чем-то даже понимая решение мага.

Остановок становилось все меньше, но никто не смел возразить: напасть, приключившаяся с Трейсом, заставила всех собраться и терпеть. Ради своих болотные готовы были пожертвовать умничанием и шкодничеством. Только одно давалось им с трудом — молчание, но и здесь пришлось смириться.

Холодный ветер поднимал клубы пыли, как будто матушка-природа выдала ему задание — провести генеральную уборку перед приходом весны. Ответственный подчиненный, он принялся за работу со всей тщательностью профессионала и запалом любителя. В бедных нас летело все: пыль, веточки, вонючие листья и старая паутина.

Признаться, я даже обрадовалась, что в лесу не было роялей, иначе, боюсь, в нас полетел бы и он. Или просто кусты были столь прочные, что никто и не заметил музыкальных инструментов? Но я отвлеклась. Самым кошмарным образом отвлеклась от продумывания плана мести.

Как назло, на ум пришел вчерашний маньяк. Вот как бы он поступил на моем месте?

Альтар резко обернулся и погрозил мне пальцем. Подумаешь, дяденька как дяденька, помог мне сумки нести. Не то что некоторые...

В душе начали зарождаться ревность и любопытство. Последнее рождалось быстрее. Вцепившись одной рукой в поводья, второй я почесала макушку, на которой опять образовалось гнездышко, с боем выколупала веточку дуба (желудь перекочевал в карман) и вздохнула. Вот что он мог делать ночью, если от него на утро несет эликсирами? В КАКУ вызвали? Что-то случилось?

Я принялась направленно думать, как советовали во всяких умных книжках. От усердия на моем лбу выступили морщины. Эх, совсем себя не берегу!

Альтар промолчал. Ну вот совсем промолчал! Ни единого движения в мою сторону не сделал, как будто мое направленное думание совсем его не касалось.

С шумом выпустив воздух, я припомнила азы управления лошадью и... ничего. Верховая езда на копытных — совершенно точно не мое призвание.

Пообещав, что еще припомню его пренебрежительное отношение, я надулась и улеглась, обнимая шею лошадки. Дорога ухудшалась: появлялись потрескавшиеся колеса телег, полувбитые в землю подковы, тряпичный медведь без левого уха и с истрепавшимся

коричневым бантом.

Спустя час мы проехали первый указатель «Рисса-Перевальное». Село проглядывалось оттуда же: поднимался дым над деревенькой, и звенел колокол, привлекая уставших туристов на чашку каши и переночевать.

— Скоро доберемся, — не дал помечтать о теплом хлебе Альтар, первым трогаясь в путь. — Отстающих ждать не будем.

Мы переглянулись и тоскливо поехали за ним. После пяти часов в седле сил спорить просто не осталось. Кира дремала на ходу, Джейс пытался уследить за обеими лошадьми, в перерывах прикивая к рвотной сумке. Вита каждые полчаса глотала какой-то шарик (в первый день у нее таких не было!) и наслаждалась природой. У кикиморы напрочь отсутствовали какие бы то ни было симптомы морской болезни. Трейс... бедный юноша до того устал, что отрубился (снотворное, подсыпанное ему на предыдущей остановке, начало действовать), и только тело его порой дергалось в конвульсиях. А я отпивала из Альтаровой бутылочки и обнималась с лошадкой. Если бы не непереносимость, мы могли бы подружиться. Жаль, природа велела иное.

Когда на горизонте показались шпили храма и ратуши, первым выдохнул от облегчения Джейс. На мгновение зелень его лица сменилась румянцем, но стоило ему обрадоваться, мешок вновь призвал его. Нет, определенно, его тоже сглазили, только по-другому.

Лошади зацокали по стандартному средневековому дорожному покрытию из камешков и застывшей по зиме грязи. Вдалеке заскрипела доспехами таможня, разогнулся главный страж, а двое подмастерьев принесли ему алебарду. Для величия. Без нее уважать почтенного офицера Кривозуба (метр в прыжке, два в обхвате) можно было разве что за преданность делу и наметанный глаз. Вычислить, у кого самая большая сумма на руках, он смог с полувзгляда.

Трейс, которому пришлось экстренно проснуться, прижал мешок к груди и приготовился защищать его до последнего вздоха алчного офицера. Отдавать свое золото какому-то золотозубому стражу юноша не собирался ни за какие коврижки.

— Офицер, — слово взял Альтар, подъезжая к служителю городской границы и протягивая какие-то документы.

Кривозуб заскрипел зубами и махнул подчиненным. Настроение у него испортилось до самых глубин бездны: такого ужасного дня он еще не видывал. Скорбь и обида так прочно засели на его лице, что, наверное, даже ботокс не смог бы ничего изменить. Впрочем, грешно не верить в современную медицину. Где ботокс не поможет — есть клей. Приклеил бровь ко лбу, губу к носу — и другой человек!

Рисса любила путников и ждала. После пересечения городской черты мы оказались в шумном потоке детворы и купечества. Здесь готовы были услужить во всем: принести дохлого голубя, освободить от кошелька, приворожить коня и отвадить женихов. Последнее предлагали оптом и с гарантией. Вита обещала подумать, чем вызвала у Трейса бурю негодования, сменившуюся продолжительной икотой. Мигом у народа появилась новая услуга — отыкочивание. Трейсу, как первому клиенту, обещали сделать скидку.

— Проходимцы, — шипел сквозь зубы болотник, покрепче сжимая свои денежки.

Народ расступался неохотно и провожал нас неодобрительными взглядами. Кто-то высказался и покрепче:

— Понаехали тут! Порядочным людям обдирать не дают! — сказано было с поистине детской обидой.

Я обернулась, чтобы посмотреть в глаза порядочным людям, но никого, кроме сухонькой старушки с косой, не увидела. Дела... Как она в этой толпе не потерялась? Хотя коса инструмент полезный, многофункциональный.

В здание ратуши нас пустили без лишних слов. Дверь мы открыли сами, а охраны здесь не водилось. Все, что хотели, горожане вынесли в первый же день условного самоуправления. С течением времени вернули стулья и один стол с карикатурой на мэра. Этот почтенный дяденька, судя по рисунку, отличался формой носа и завитком рогов, в остальном же являл собой типичного бюрократа средней руки, не разбазаривавшего казенное имущество за его недостатком. Вот появившись здесь второй стол, утянул бы его к родным пенатам.

Альтар дождался, пока мы перенесем все свои вещи в подвал, нагрузимся ими, аки ослики, и сделал свое черное дело, прикоснувшись к арке. Без лишних спецэффектов тьма поглотила отпущенное ей пространство.

— По одному. По ту сторону не задерживаться и сразу отходить. Гансу все сдали теорию?

Мы согласно кивнули.

— Начали! — коротко распорядился Альтар и указал на Трейса. Юноша пошел к переходу, как на казнь. И не скажешь, что весь семестр он ждал возвращения домой как манны небесной.

Глава 4

Домашняя, или Большая политика в полосатых тапках

Тапки нужно выбирать с умом, иначе ум выберет тапки.

Семиречинск ужасный предстал перед нами, раскрылся, взрыхлился, опал и надулся. Последнее наиболее четко передавало суть столицы болотного царства. Надутый, как маленький капризный ребенок, он привлекал взгляд крышами-тыковками и круглыми окошками. Лестницы тянулись вверх и вниз, уходя под болотистые мхи.

Мы вышли, пожалуй, на самое высокое и прочное место города: небольшую каменную площадку в центре. Дорожек от нее никаких не шло, что наводило на нехорошие для незваных гостей мысли. А не провалится ли под ними мох?

Судя по ухмылке Трейса, так оно и должно было случиться, и он очень надеялся, что Альтар окажется в числе чужеземцев без лицензии на пребывание.

Первый же шаг мага вне платформы заставил болотника стереть с лица ухмылку и согнуться от острого приступа икоты.

— Трейси, малыш, что с тобой?

У платформы начали собираться люд... болотники. Одна из встречающих, дородная кикимора в синем сарафане и военных ботинках, подскочила к любимому внучку и уволокла подальше от толпы, на прощание благодарно кивнув Альтару.

— Бедняга Трейс, — покачал головой Джейс, взял под локоток Киру и тоже поспешил откланяться.

Маг даже бровью не повел, отпуская парочку на все четыре стороны. Здесь болотники были дома, и присматривать за ними уже не требовалось.

Я со страхом следила, как Вита оглядывает толпу, делает шаг в сторону...

— Дань, идем. Магистр Райген, я сама провожу Даньку, можете не беспокоиться. Нам по пути.

— Что ж... — Альтар с сомнением покосился на сумки, с упоением тянувшие нас под воду, но кивнул.

Толпа расступилась перед Витой и сомкнулась ровно за моей спиной. Вес сумок мгновенно перестал чувствоваться, как и видеться ремень от них. Если бы передо мной то же самое не происходило с Витой (с нее быстро снимали поклажу), я бы решила, что нас грабят.

— Леди, куда вас проводить? — Я как-то незаметно оказалась под руку с одним из встречающих.

Синеватые лохмы кавалера топорщились в разные стороны, нос криво резал пространство, а уши и вовсе, кажется, существовали отдельно от тела. Весь он был похож на кактус, еще и острые носы туфель добавляли колючек.

— Марик, мы не в настроении, — отмахнулась от своего кавалера и хмуро глянула на моего Вита. — Хочешь познакомиться с Данькой, иди к Ваничне или ее величеству. Позволят — тогда и начнешь!

— Я готов на все ради прелестной незнакомки, — с поклоном заверил меня болотник и поспешил сбежать за спины более скромных товарищей.

— Ага, как же, на все, — проводила его добрым старым ворчанием кикимора, обвела взглядом процессию и добавила: — Все вы речи сладкие поете, а как до дела доходит! — Болотники потупились и едва не уронили наши с трудом нажатые пожитки. — Отставить обмороки, сначала вещи сдайте, — предупредила их Вита и бодро зашагала по зеленой ковровой дорожке.

Я двинулась за ней следом. Так и шли мы: гордая Вита, озирающаяся по сторонам я и наша свита. А вокруг простирался лучший из всех известных болотных городов. И самый жаркий, наверное. Пот с моего лица начал капать на третьем шаге, на седьмом я поняла, что стремительно худею: ручеек резов стекал с моего лба и капал прямо на дорожку.

— Уже скоро, — подбодрила Вита, снимая с себя свитер прямо посреди улицы. К моему удивлению, никто не вылутился на сеанс стриптиза, да и вообще улицы были пусты и чисты, если не считать наших провожатых. Даже в окнах не стояли ничьи силуэты, хотя солнце почти село, и повсеместно вспыхивали мотыльки. — Чуть-чуть живее, — проговорила болотница, сверившись с внутренними часами. — Миграция уже началась?

— На прошлой неделе, — подтвердил ее догадку ореховый шатен с древесным носом.

Я грешным делом понадеялась, что парень просто не умеет краситься.

— Понятно. — Она запрокинула голову и вздохнула. — Дань, нужно погружаться, — сообщили мне минутой спустя и пояснили: — Позволь городу принять тебя.

Выдав понятнейшие в мире инструкции, Вита начала уходить под мох. Свита не преминула последовать ее примеру. Я осталась стоять одна, аки березка в поле.

Сумеречное небо над головой начало отбрасывать тени, что никак не могло быть добрым знаком. Скорее большим, чешуйчатым и зубастым. Я запрокинула голову, желая хоть напоследок увидеть, чего так боится болотная братия, но кто-то нелюбезно обхватил меня за ботинок и потянул вниз.

Вас когда-нибудь стягивали с крыши за ногу? А под воду затягивали? Меня нет, но здравый смысл подсказывал, что ничего приятного нет ни в одном из действий. Еще мгновение назад ты стоишь и пялишься в небо, выглядывая Чудо-юдо, и когда наконец замечаешь что-то более определенное, чем неясный силуэт, тебя тянут вниз, нисколько не считаясь ни с желаниями, ни с обстоятельствами.

— Что за?.. — стукнувшись копчиком о мраморный пол, возопила я.

— Промазал, — виновато развел ручками какой-то мутный тип и, как будто это могло его оправдать, указал на соломку. — Я подстелил согласно инструкциям.

— Да, Дивус, вы все сделали правильно, — успокоила его Вита. — Можете быть свободны.

Мутный поклонился, начал растекаться по полу, пока полностью не утратил форму, и лужицей поскользился к мшистой крыше.

— Данька! — налетела на меня кикимора. — Ты хоть знаешь, как тебе повезло, что Дивус был именно здесь? Если бы не он, она бы тебя утащила!

— Она? — хлопая глазами, переспросила я. — А это не он был?

Вита стукнула себя по лбу.

— Дань, не в том дело. Но что бы я сказала Ваничне, ее величеству, да деду на худой конец, если бы тебя светлячок утащил?

— А разве он мог бы? — удивилась я, припоминания размер этих живых огоньков.

— Наш — легко. Не веришь — сама увидишь. Завтра нет, а вот позже свожу тебя в зоопарк.

— Обещаешь? — Я вдохновилась перспективой и захлопала в ладоши. — Ты обещала! Обещала! Обещала!

— Вот что с тобой делать? — риторически спросила Вита и, сцапав меня за ладонь, чтобы не отстала внезапно, потащила в болотный поток. Здесь, под мшистой крышей, жизнь была ключом, барабанными палочками и даже фарфоровой посудой, оправдывая мерцающие вывески «Самый сумасшедший город всех королевств».

Мы шустро сновали между зелеными обитателями подболотья, огибая на поворотах буйствующих и безответственных. А следом, напоминая выводок утят, бежали встречающие. Как они не упускали нас из виду, оставалось для меня загадкой. Если бы не Витина ладонь, до боли стиснувшая мое запястье, я, может, так и осталась бы стоять на одном из перекрестков.

— Ты говорила, что скоро придем, — уличила я во вранье кикимору. Та пожала плечами:

— Поверху и было бы быстрее, но миграция, — развела руками болотница. — Даже страховщики приравнивали ее к стихийным бедствиям и платят компенсацию.

Аргумент был веским, и я впервые серьезно убоилась тени. То, что она клыкасто-зубастая, пугало меньше, чем официальное признание стихийным бедствием в исполнении пронырливых болотных юристов.

— Вас ждут во дворце, — напомнил один из носильщиков.

— Сейчас, — отмахнулась от него кикимора, — отведем Даньку домой и...

— Леди, сестра королевы ожидает во дворце, — вступил в разговор вынырнувший из толпы болотник. Он был так похож на Трейса с Джейсом, что я поневоле причислила его к семье.

— Спасибо, Лейс, — поблагодарила Вита и хмыкнула: — Неужели уже нашли кого по твою душу... — И уже подоспевшей копии братьев: — Ничего не хочешь добавить?

— Не велено, — шутовски развел ручками Лейс и впрыгнул в болотный поток.

— Что ж... — Вита оценила ситуацию и выдала: — Придется идти во дворец.

Если поначалу я не понимала, как Вита и носильщики умудряются не сбиваться с пути, попадая в потоки спешащих местных, то улучив минутку и взглянув себе под ноги, открыла эту страшную тайну. На дороге под ногами имелись разноцветные дорожки, которые друг с другом не пересекались, но имели обходные мостики, чтобы можно было поменять ветку. Почему-то местное пешеходное движение напомнило мне метро: такое же шустрое, разноцветное и с расписанием. Последний факт я поняла, когда мы перебежали оживленную улицу. По одной ее стороне мчались по делам сотни болотных обитателей, а по другой не шел никто. Цвета у гранитной мостовой были, соответственно, разные.

— Вит, а почему бы им?.. — заканчивать я не стала, ибо ответ сам собой появился в моей непутевой головушке. По улице бодро бежала жабка, высматривая нечто над собой. Я взглянула наверх и едва не создала затор: мох в некоторых районах городка был странным, прозрачным и скользким, как будто и не растение вовсе, а вода. И через эту самую воду жабка следила за настоящим болотным комаром размером с мой кулак. Бросок языка — и комара втягивает под защитную пленку мха.

Наблюдать за чужой трапезой было неприлично, а потому Вита дернула меня за рукав и потянула вперед. Ко дворцу вела самая узенькая из пешеходных дорожек, и нам пришлось идти друг за другом, чтобы не занимать чужие линии. Но не только это отличало ее от остальных. Вместо мрамора путь в обитель монаршей семьи был выложен битым желтым кирпичом.

— Когда-то дворец был желтым, — пояснила Вита. — Но после реконструкции сменил цвет, а стройматериалы решили не выбрасывать, а к делу пристроить! — В словах кикиморы звучала гордость, понятная только истинному болотнику. Мы даже замерли на мгновение, благоговейно уставившись себе под ноги. — И теперь никто не ошибается, когда идет на прием.

Да уж, ошибиться было сложно. Если оттенков красного я уже видела три, то вот желтого — лишь этот кирпич. Наверное, монопольное право на цвет. Интересно, а что происходит, когда турист решит себе на память камешек отколупать? От дома — стыдно, мрамор без специальных орудий не поддастся, а если под ногами лежит...

Я остановилась и наклонилась к дорожке. Схватила кусочек кирпича и...

— Ай, больно же! — возопила я, получив легкий, но веский аргумент не нарушать правил общественного порядка. — За что?

Вита обернулась и потянула себя за косу.

— Дань, ну что за детский сад? Если камешков хочешь — зайдем в хозпостройки и наковыряешь себе целый передник. Зачем же здесь?

— Я проверяла, — пробурчала, не желая признаваться в антиобщественных актах.

— Хорошо хоть в рот не потянула... — успокаивая себя, пробормотала Вита и дернула меня вперед, заставляя встать перед ней. — Вот, чтобы я тебя видела!

Дальнейшая дорога была быстра, печальна и ничем не примечательна. Даже никто не

отравился кирпичом.

— Дача взятки прошла успешно. Никто не пострадал, кроме самолюбия некоторых представителей болотного народца. Все животные остались живы и при когтях. Жабки исполнили приветственную песнь. Королева... Королевы в этом бардаке не было, ибо не положено царствующим особам ковырять забор собственного дворца. Все ясно? — поинтересовалась я, поглаживая млеющую от удовольствия Жабку.

Мы сидели на лугу в двух кварталах от дворца. Здесь, как сказала наша с Ваничной сопровождающая, самый приличный район. Старшая болотница отнеслась к ее словам недоверчиво, но от просьб подыскать нам иное жилище воздержалась.

Формально это место действительно подходило члену монаршей фамилии. Размер особняка, количество слуг, парк вокруг дома, конюшни... Даже желтый забор, положенный всем членам семьи, присутствовал вокруг нашего нового дома.

Есть мне не хотелось: во дворце кормили на убой, а уж по случаю возвращения блудной меня, с позором сдавшей сессию (по мнению большинства прислуги!), и вовсе наготовили на всю страну — горе заедать, не иначе. Обожр... Наевшись дальше некуда, я выкатилась из-за стола, а следом поднялась и Ванична.

И тут случилось непоправимое. Видимо, кто-то из свиты сообщил королеве о моем низком порыве, и мне, как дитю неразумному, выдали кирку и ведро. И отправили на задний двор ковырять стену. Под чутким руководством инструктора, он же эмиссар по особым поручениям.

— И ковыряю я такая стену. Наевшаяся, кругленькая, ленивая, сама понимаешь! — Жабка понимала. Дергала лапками от переполнявшего ее понимания и на ходу ловила мушек. Маленьких, к счастью. — А вокруг собралось с полсотни слуг. И все по делам бегают. То крышку принести, то отнести. И с одной и той же бегают. Глиняной, с трещиной в виде молнии. Туда-сюда. Туда-сюда. Челночный бег сдают, не иначе. И дяденька этот стоит и глазами зыркает, зыркает, нет чтобы сказать что-нибудь. Зыркает то на меня, то на кирку, как будто сломаю!

О том, что кирка действительно сломалась в моих кривых руках, я предпочла умолчать. Жабке же было одинаково все равно, правду я говорю или художественно излагаю. Она млела и квакала под заботливыми руками и молодой луной. Я говорила про солнце? Так это тоже художественный вымысел. Кому же интересно будет слушать, что мы сидели на лавке, вокруг кружили комары (нормальные!), Жабка облизывала мне всю юбку, на колготках стрелка поехала, а эмиссар вообще козел; один рог кривой, а другой ему сломал кто-то!

— Дань, к тебе пришли, — сообщила мне Ванична, выглядывая из кухни. — Говорят, не уйдут с порога, пока не увидят вредину.

Я хмыкнула. Врединой меня мог кто угодно назвать, но если одним за это прилетит, то другим ничего не будет. Почти. Возьму компенсацию бутербродами или ужином.

Кое-как спихнув Жабку на газон, я поднялась и задумалась. Если пришли болотники, то поправлять юбку — дело недостойное и скучное, если же не болотники, следовало бы переодеться, ибо встречать гостей в таком виде — дурной тон, который недопустим в присутствии родственников.

Размышляя, что же предпринять, я обошла дом и спряталась за углом. Входная дверь проглядывалась с трудом, но все же разглядеть модничие ботинки я смогла. Кажется, у Альтара таких не было, а значит, кураторская проверка на предмет соблюдения нравственных норм не имеет места. Потянувшись и возрадовавшись собственной лени, я вышла из-за поворота, вытирая руки об юбку, и застыла. Какие лешие его принесли?

На пороге, сверкая очами и посылая воздушные поцелуйчики в толпу поклонниц, стоял самый невыносимый из всех демонов этого мира (хотя для сравнения у меня имелись лишь две кандидатуры!). Он лучезарно мне усмехнулся и потянулся, чтобы обнять. Вот только он не догадывался, что Ванична зорко следила за пусть и мнимой, но родственницей. Входная дверь грозно распахнулась, а траектория движения демона мгновенно претерпела изменения.

Наон блистательно исполнил учтивый поклон, положенный самым уважаемым членам семьи, и представился:

— Наон, преданный поклонник вашей, — демон оценил фигуру и достаточно молодое лицо Ваничны, — дочери. Если позволите...

— Не позволяю! — не дала закончить фразу Ванична. — Данька, домой! Нечего с незнакомыми мужчинами с сомнительной репутацией на крыльце разговаривать. А вы, молодой человек, должны знать, что прежде, чем приходить к девушке домой, следует представиться ее семье.

— Вы правы, совершенно правы, — согласился Наон и хотел поцеловать руку Ваничне, но старая кикимора насмешливо свернула пальцы в жест хоть и приличный, но обидный. — Миледи, чем я заслужил подобное? — оскорбился в лучших чувствах демон. — Разве я давал повод усомниться?..

— Ваше высочество, за те три дня, что вы провели у нас в столице, ваша репутация шагнула широко за пределы города. Нужно ли мне объяснять, что ни одни родители не позволят вам находиться с их дочерьми наедине?

— Миледи!..

— Дана, домой! Твой разговор с милордом окончен! — сурово дернула плечами болотница и подтолкнула меня к входу. — Самаэлен, этого господина к нам не пускать, если меня нет.

— Будет исполнено, хозяйка.

С ограды спрыгнула небольшая черная кошка, качнула хвостом и грациозно направилась к гостю.

— Вас проводят, — сообщила опешившему демону, с которым так обходились впервые, Ванична и захлопнула дверь, отделяя нас друг от друга.

Не удержавшись от приступа любопытства, я рванула к окну и через занавеску проследила, как кошка Самаэлен провожает «гостя», насмешливо подгоняя своей миниатюрной лапкой с отросшими коготками. Убедившись, что посетитель покинул охраняемый периметр, она вновь запрыгнула на ограду, разваливаясь там, как могут только кошки, надменно и насмешливо взирая на весь окружающий мир.

— Ну почему? — оторвавшись от созерцания одомашненной хищницы, спросила я. — Ты же сама меня отправила с ним увидеться.

— И ты его увидела, — пожала плечами кикимора, присаживаясь на диван. Ее простое платье без каких-либо украшений плохо сочеталось с бархатом гостиной, но Ваничне было все равно. Она держалась с поистине королевским величием и заставила бы даже самого упертого скептика поверить в королевскую кровь. — Он увидел тебя. А стоять на моем крыльце дольше необходимого ему никто не разрешал. Пусть порадуется, что пустили. Не был бы королевским сынком... — недовольно фыркнула болотница. — Как ты умудрилась с ним связаться? Надеюсь, твое маленькое сердечко не успело увлечься?

Она пытливо уставилась на меня, лукаво улыбаясь. А я поняла, что напрочь не понимаю свою приемную маму.

— Нет, не успело, — призналась я, краснея. Организм предчувствовал, что час откровений только начинается.

— Жаль, значит, я зря выгнала парнишку, — мгновенно подобрела Ванична. — Пригласи его зайти к нам на чай.

— Но его репутация, ты же сама сказала?.. — попыталась я найти логическое объяснение происходящему.

— Когда нас заботила репутация? — легкомысленно, как самая настоящая кикимора, развела руками Ванична. — Он же не войдет в нашу семью, раз тебе не мил.

— А если бы?..

Кажется, я начала понимать логику болотных родителей. Почему-то представился маг, отчитывающийся перед Ваничной со скалкой обо всех своих преступлениях, вплоть до кражи варенья. Выходило на редкость несмешно, даже немного стыдно, что вообще уникально для болотных.

— О, тут бы вся семья поучаствовала, — заверила меня Ванична. Глаза ее полыхнули

пламенем предвкушения. — Думаю, даже сестра не преминула бы поучаствовать. Ее девочки уже замужем, а внукам еще рано.

Я закивала, как китайский болванчик, пытаюсь осмыслить возможное вмешательство королевы. Выходило плохо... Возможное будущее никак не осмысливалось, ибо предсказать поведение болотников не взялся бы и самый талантливый проходимец: своих собратьев он знал как никто иной.

— Дань, когда ты его приведешь? — внезапно спросила Ванична, прерывая мои мозговые метания.

— Что? Кого? — В первый момент я даже не поняла, о чем идет речь, но соврать не смогла. Не Ваничне. — Не знаю.

Болотница кивнула. Она поднялась на ноги, подошла к выходу в коридор и, уже уходя, спросила:

— А кто подарил тебе колечко?

— Альтар. — Имя вырвалось непроизвольно, как и улыбка.

— Хорошее имя, — одобрила Ванична и скрылась на лестнице, оставляя меня глупо улыбаться в гостиную.

Выглянув во двор, я убедилась, что сумерки сменились ночью и что ныне порядочным кикиморам, приехавшим в родное болото, должно отправляться спать. После дневного перехода коленки подгибались неимоверно, рот в зевке раскрывался до такой степени, что грешным делом я задумалась о стоматологе на случай, если челюсть заклинит, а мозг скакал от состояния «готов к работе» к «сдох, реанимации не подлежит».

Предвкушая отдых, я, шаркая, топала по лестнице, по пути вспоминая, в какую же комнату меня определили на временно-постоянное местожительство. Память не поддавалась, забаррикадовавшись на славу, но болотные не сдаются — болотные принимают меры. Именно меры приняла Ванична, понимая, что чадо слегка неадекватно. На двери одной из комнат аккуратным почерком значилось: «Комната Дани». И ниже подпись: «Спи сладко!» Меня вновь накрыло волной нежности, и я бережно отцепила лист, чтобы сохранить его и забрать с собой, когда придет время возвращаться в КАКу. Отчего-то от этих мыслей защемило сердце, как будто за пару часов болото стало неотъемлемой частью меня.

Рухнув на кровать, я пару минут просто лежала, разглядывая темно-зеленый потолок, по которому весело скакали жабки и охотились на ночных светлячков. Когда жабка объедалась, она начинала светиться и взрывалась, выпуская на темное пространство потолка новых светлячков. Космологическая модель в исполнении болотников и здесь отличалась оригинальностью мифа.

Раздеваться было откровенно лень, и я просто разлеглась звездочкой на кровати. Юбка, слава Жабке и ее потомкам, оказалась понимающей и просто доползла мне до пояса. Впрочем, кто под одеялом увидит? И когда я уже почти отправилась кататься на Жабке по великим темным просторам неба, мое окно противно задребезжало.

Просыпаться ради незваных гостей мне совершенно не хотелось, а потому я перевернулась на другой бок, подложила ладонку под ухо и сделала вид, что уже соплю. На минуту моя тактика возымела эффект, но, как после оказалось, противник менял дислокацию. Другое окно подверглось атаке. А следом атаке подвергся мой раздражитель.

Зловеще сверкнули когти, послышался воинственный мям, молния прочертила небо... демон с позором был выгнан с территории охраняемой усадьбы. Самаэлен доблестно несла свою тяжкую службу.

Мне снился Бред. Именно так, именно с большой буквы. Мы летали на гигантских зубастых мотыльках, управляя ими с помощью удочки, на которой был подвешен сочащийся свежей кровью шмат мяса. Каким-то образом мы добрались до водопада. А там, угугукая и не слушая взрослых, бросались вниз и падали в грязевые лужи болотные дети с еще слабой зеленкой в волосах.

Солнце ударило в глаза, немилосердно выдергивая меня из сна. Я так и не успела понять, сиганем ли мы вслед за детворой или останемся стоять на вершине под плетоядными

взглядами насекомых-мутантов. Продрав глаза, я беззлобно, но укоризненно воззрилась на свой будильник.

Вита. Нет, не так. Вита! Моя соседка как ни в чем не бывало сидела на краешке кровати, дожидаясь моего пробуждения, а у окна стояла служанка и замеряла раму.

— Соня! — по-доброму упрекнула меня кикимора. — Завтрак тебя уже ждет, поешь — и пойдем в Академию сдаваться и получать задание практиканта.

— Уже? — изумилась я, приподнимаясь на локтях.

— А когда еще? С сегодняшнего дня мы полноправные рабы под властью великих и могучих. Работаем за бутерброды и за-ради положительного отзыва. Одно радует — наши не надуют, а вот у людей... Знаешь, как было? Пришли ребята к одному мэтру, уважаемый человек, в конкурсах участвует, грамоты имеет, а такой козел оказался. Не грех ему даже расстройство желудка устроить. — Вита погрозила кушаком воображаемому мэтру.

— А они не устроили?

— Отзыв положительный нужен был, а потом возвращаться к старому козлу не захотели даже для мести. Не стоит он того.

— А вы? — В уме не укладывалось, что болотники оставили несправедливость без возмездия.

— Кузен с другом постарались, — гордо вскинула подбородок Вита. — Знай наших, нечего адептское братство обижать! — И уже насмешливо: — Дань, три минуты, чтобы одеться. Тебе еще завтракать. А до Академии два квартала бежать: все самые теплые места разберут, — упрекнула меня Вита и мечтательно добавила: — Хотела бы я попасть на водопады...

Я едва не подавилась: после недавнего сна на водопады мне ни капельки не хотелось. И вообще я передумала вылезать за границу защитного мха. При всей любви к природе, кормить чудовищ собой я была не готова. И можете называть меня эгоисткой!

— А ничего поспокойнее нет? — осторожно спросила я, вставая с кровати и шагая к шкафу. В душе витала хрупкая надежда, что люди в одинаковой форме, отобравшие мои пожитки, не скрылись в неизвестном направлении, а поместили ее куда полагается.

Интуиция меня не подвела, хотя и не предсказала всего. Шкаф был полон, хотя моей экипировки едва ли хватило бы и на пару полков.

— Там тепло, — подсказала направление мысли Вита и покружилась, демонстрируя легкое зеленое платье на бретельках с кокетливыми кружевами на подоле короткой юбки. Пожалуй, увидь серьезную болотницу адепты КАКи — еще долго бы не могли прийти в себя от выпавшего на их долю невероятного зрелища. Вита совершенно и абсолютно преобразилась, становясь настоящим болотным цветочком.

— Идем же, — поторопила она меня и помогла с выбором.

Но как мы ни спешили, завтракать пришлось в пути. Перекинувшись приветствием с Ваничной, мы выбежали за ограду и встроились на нужную дорожку. Что ж, болотные маги, мы идем к вам. И нет вам ни шанса на спасение!

Болотная Академия Магии и Чародейских премудростей напоминала семейство тыкв. Одна побольше и пять маленьких, кружочком обступающих главный корпус. Был еще арбуз, но он находился в отдалении и виден был только хвостик, уходящий в небо.

— У каждого факультета своя тыква, — пояснила Вита, буксируя меня в главный корпус.

Я озиралась по сторонам, пытаясь идентифицировать направление по цвету полосок. Опознать удалось не все. Проще всего оказалось с темной тыквой черных магов. Светлые, они же травоядные, заседали в зеленой пузатой товарке. Боевые маги ютились в ярко-алой, но к ней примыкал длинный стадион для ежедневных мучений. Стихиям и пространственникам, судя по гербам факультета на входе, отдали синюю, а вот тыковку с разнофактурными плямами и искрами на хвосте опознать с ходу мне не удалось.

Мы миновали двери, оказавшись в просторном холле. Потолок его был под самой крышей, а потому в помещении можно было бы проводить показательные полеты или учить правильно

забираться по стенам. Мои глаза нашарили выемки для рук на уровне второго этажа и надпись «Альпинизм строго воспрещен». Стоит ли уточнять, что все выемки блестящие, а пыли и грязи здесь ничто не знало?

— Болотный подход! — с любовью в голосе пояснила Вита.

Я проследила за ее взглядом и обнаружила указатель. «Все для экстремальных видов спорта. Комната 47», — гласила надпись, которую лениво отдирали служитель швабры и совка. Еще бы ему стараться! Все желающие сами протрут и стены, и окна. Собой. Наверняка Академии еще и процент с проката оборудования идет, если они, конечно, сами не устроили этот аттракцион.

В самой Академии дорожек, к сожалению, не наблюдалось, а указатели висели стрелкой куда угодно, но не дальше по коридору. Некоторые и вовсе упирались в стену, пугая неготовых к таким откровениям туристов. Парочка так и застыла, разглядывая готическую стрелку, ведущую прямо в пол посередине коридора.

— Дань, мы опаздываем! — напомнила мне Вита, не позволяя разгадать загадку черной стрелы.

У кабинета, куда привела меня Вита, никого не было. Только эхо радостно подхватило наши шаги, унося их прочь. Что-то подсказывало, что туристов ждут новые козни от старейшего болотного вуза. Профессионально скрипнула дверь, прогнулась досточка под порогом, но мы храбро вошли в светлый кабинет с хризантемами на голубеньких обоях.

— Новые явились! — огласил комнату довольный писк. На стол выпрыгнуло маленькое когтистое существо и замерло, узрев посетителей. По его маленькому сморщенному лицу прошла рябь, узенькие глазки широко распахнулись, а нижняя челюсть отвисла, освобождая из плена длинный слюнявый язык. В мгновение ока страшилище перегруппировалось и понеслось вперед на своих тонких лапках. — Вита!

— Языкатус! — улыбнулась кикимора и быстро вытянула вперед руку, чтобы страшилищу было проще. Цепко хватаясь, оно забралось на плечо болотницы и звучно буськнуло ее в щеку.

— А где хозяйка? — спросила Вита, дождавшись, пока чудище успокоится. Глядя на этого уродца, я осознала, как мне повезло. Жабкины объятия были куда более приятной альтернативой обслюнявливанию незнакомыми гомункулами.

— Хозяйка отошла за печатью, — с готовностью сдал госпожу Языкатус и прищурился, отчего его глазки почти полностью исчезли под веками. — А это кто? Не нашим духом пахнет!

— Знакомься, Катус, это Данька, — представила меня кикимора. Монстрик протянул вперед тоненькую ручку, и мне пришлось побороть брезгливость. Первое впечатление самое важное, а по тому, как мила с кошмариком Вита, было ясно: он может пригодиться. — Данька, это Языкатус. Друг и незаменимый секретарь куратора всех нерадивых практикантов мэтрессы Берталины, самой доброй из всех добрейших, — подмигнула болотница, косясь куда-то мне за спину.

Сзади раздался смешок.

— Полно, Вита. Какой бы добротой я ни обладала, практикантские листы утверждаю не я.

— Но вы же можете выбрать нам что-нибудь поинтереснее? — лукаво улыбнулась кикимора и ссадила кошмарика на стол. — Данька первый раз у нас в столице.

Я обернулась, чтобы лицезреть ту, что выбирала места «поинтереснее», и встретила взглядом с вертикальными глазами горгоны Медузы. Больше всего эта элегантная дама в изумрудном платье и золотыми косами на голове напоминала мифологическое чудовище. Впрочем, там еще не ясно, кто чудовище! Бедная Медуза, ушедшая жить подальше от людей, или герой-уголовник, решивший ей жизнь испортить.

— Дана? — переспросила Берталины, губы ее расплылись в улыбке. — Ах, Дана. Ее величество говорила о тебе.

— Надеюсь, не очень плохо, — смутилась я. Туфли, в которые я влезла не глядя, стали вмиг предметом живейшего интереса.

— Напротив, весьма занятно.

Повисла неловкая пауза, прервать которую осмелился только Языкатус. Ему не было

свойственно ни терпение, ни учтивость. Спрыгнув на стол, он подошел к его краю, вытащил два листа бумаги и предъявил Вите.

— Назначение на эту неделю, — огласил он комнату своим тоненьким голоском, которым стекло можно было резать, не заморачиваясь. — Распишитесь.

И миг все ожило. Берталине заняла место за столом, Вита рванула к листам, лицо ее передернулось, но подпись мягко легла в ведомость. Мне оставалось только повторить ее маневр.

— Удачи, девочки, — пожелала нам мэтресса-горгона и проследила, чтобы дверь закрылась прямо за нашими спинами, а практикантские листы не потерялись в дороге.

Не дав мне передохнуть ни минуты, Вита, которая за пределами кабинета смогла проявить чувства, заковыристо выругалась и поспешила к выходу. Я поплелась за ней, как щенок на привязи, не зная, куда мы идем и что ее так расстраивает. Лишь одно было очевидно: водопад обошел нас стороной. И я с трудом удерживалась от улыбки.

— Вит, а Вит? — дернула ее за рукав я, едва мы вошли в дорожную линию. — Что там?

— Там? — Кикимора покосилась на документы. — Судьба там. Помнишь, куда я тебя сводить обещала?

— В зоопарк? — припомнила я вчерашнее обещание.

— Именно. Вот туда мы сейчас и пойдем.

Больше она не проронила ни слова, но я и не возражала. Сердце предвкушающе билось, как всегда перед чем-то неизведанно прекрасным, а животных я любила. Жаль лишь, что чувства наши были не взаимны.

Чуть не став причиной пешеходного затора и слушая некоторые нелестные факты собственной биографии, мы выбрались из струи и остановились перед главным входом в обитель редкой флоры и фауны.

Рядом с входом, железной оградкой в четыре метра, стоял пожилой болотник и продавал билеты. Детвора облепила его со всех сторон, тянула за пиджак и просила заветный пропуск. Как он ни на кого не наступил — годы практики, видимо. В моем случае, чую, детки остались бы помятыми.

— Дань, идем, — позвала Вига, не давая насладиться зрелищем.

Показав дяденьке практикантские листы и получив взамен сочувственную улыбку, мы вошли на территорию зоопарка. Было девять тридцать две.

В одиннадцать двадцать семь, когда нас отпустили на перерыв, мой язык отказывался говорить, а Вита смотрела, угрюмо улыбаясь. Как и предполагалось, ответственной работы в первый день нам не доверили, а потому приходилось довольствоваться малым: Вите, как местному жителю в энном поколении, выдали униформу и отправили продавать взрывающиеся конфеты. Завидев симпатичную тетю с любимыми сладостями, детки как с цепи сорвались (а кто-то и буквально ободрал поводок и убежал от дедушки). Бедная Вита оказалась окружена вражеским батальоном без надежды на подкрепление. Пришлось откупаться. И только когда весь прилавок опустел, Вита смогла передохнуть минутку.

Я же получила пыльную, негрязную работенку, выполнять которую мог бы и не самый разумный гоблин. Странный дяденька с ладонями-лопатками и перепонками между пальцев выдал мне сто тридцать восемь пригласительных, которые мне следовало запечатать в конверт и подписать адрес. Порой там даже находились знакомые адресаты.

Первым существом, которое я узнала в списке, была я сама. Вкупе с Ваничной, конечно, но мое имя тоже стояло. А напротив кокетливо скалилась пометка «важно!». Решив, что уж письмо себе, любимой, я могу лично передать себе же в руки, я отложила его от общей массы и принялась за работу.

Уже на десятом пригласительном до меня начало доходить, что список гостей больше напоминает состав международного совета, чем простых обывателей, заказавших vip-билеты. Имя ее величества только добавило мне уверенности в собственной ведомости, а после

посыпались и другие подтверждения.

В перечне имелся вредный демонюга, отравивший для важности драконий хвост титулов и фамилий. Перерисовывая эти закорючки, я чуть не пролила чернила и замерла в крайне неудобной позе, стараясь не капнуть на бумагу. Черная клякса довольно ринулась захватывать просторы моего колена и прочертила прямую прямо до лодыжки.

Растворитель найти не удалось. Перерыв все доступные полки, я так и не нашла чудо-склянки и пригорюнилась: возвращаться с практики с чернилами на теле было обидно. Как будто я виновата, что у них кисти, а не ручки. Сидишь и рисуешь вместо того, чтобы писать. Каменный век, Китайское царство, иероглифы правят баллом.

Перерыва я ждала как манны небесной. В душе билась надежда, что Вита что-нибудь подскажет, и мне не придется позориться. Кикимора поняла проблему с первого взгляда.

— Какой пригласительный? — с любопытством, оживившим ее после тяжелого труда на благо бухгалтерии, поинтересовалась Вита.

— Не какой, а кому, — вздохнула я. — Демонюге, чтоб его. Они здесь что, слет вредителей устраивают?

— И королева в списке? — больше напомнила, чем спросила болотница. Да, нехорошо вышло, называть королеву вредительницей в монархическом обществе... так могла только я.

— Да, тетя там тоже есть, — повинулась я.

— Значит, собрание, — подтвердила Вита. — Может, договорятся о единых правилах защиты окружающей среды и запрете ввоза некоторых видов.

— Запрете? — Я наострила ушки. Надо же знать, за что по шапке не погладят.

— Да, видишь крастов? — болотница указала куда-то вдаль. Там, отдельно от остальной экспозиции, за пределами защитного мха, но в огромном стальном вольере размером с тыковку Академии, летало давешнее чудовище, чуть не сжомячившее меня на ужин. — Они не были частью местной фауны, населяли только Ацц, но однажды посол демонов заскучал и привез себе для развлечения маленького подземного мотылька. За пару дней он вымахал до размеров посла и почти закусил им. Чтобы ничего не пропадало даром. Посол кое-как отбился, но больше к нам не приезжал. Лучше бы совсем не появлялся. Память о нем теперь каждый вечер пытается защиту проломить и кем-нибудь закусить. Если бы не Дивус, где-нибудь мох мог бы не выдержать: миграция — время особого аппетита.

— Не верится, что они были маленькие, — прошептала я, разглядывая, как образцовая зоопарковская тварюшка закусывает свининкой.

— Были. И никто не знал, что так случится. Просто у нас здесь свой климат, Сердце Болота все меняет вокруг себя. Мы привыкли к его лучам, а вот иноземные виды не выдерживают и меняются.

— Сердце Болота? — я с трудом удержалась от улыбки. Только то, с каким благоговением произносила это словосочетание Вита, помогло мне пересилить себя. Ну, еще не хотела показаться глупой.

— Да, позже сходим посмотреть. Оно недалеко, но обувь лучше брать более удобную, — Вита кивнула на мои туфельки.

— Тапочки, — улыбаясь, предложила я. — Ничего удобнее еще не придумали.

— Ага, в тапках обычно и ходят, — серьезно ответила кикимора, глянула на восток и вздохнула. — Перерыв кончается.

— Плохо. Я все еще не знаю, что делать с чернилами. — Я кокетливо выставила ножку вперед, чтобы Вита могла оценить фронт работ.

— Кистью пишешь? — деловито осведомилась болотница, получила мой утвердительный кивок и продолжила: — Сходи в туалет и просто смой. У этих чернил водная основа, поэтому даже растворитель для них не делают.

— Ясно, — возрадовалась я. — Тогда я пойду?

— Беги, — улыбнулась мне вслед кикимора и тяжело пошла к месту своей «практики». А ведь неделя только начиналась.

Бочком продвигаясь по администрации, я уткнулась спиной в нужную дверь и, толкнув ее, оказалась в туалете. Быстро оглядевшись, я обнаружила, что одна, и со вздохом облегчения принялась отмываться. Сначала чернила не поддавались, напрочь игнорируя свою водную основу и инструкции старшей болотницы. После, как будто сделали одолжение, медленно побледили.

С перерыва я опоздала, но ногу отмыла. Довольная, облегченно улыбаясь, я пришла на свое рабочее место и взвыла. Приглачительных карточек стало в два раза больше! Да что же это такое! Я до конца дня это не разберу, ночевать останусь! Вот где здесь справедливость?!

Справедливость молчала. Она уже давно ушла на свидание с Достоинством, оставив вместо себя братьев-близнецов Произвола и Западло. Именно из-за них мне пришлось пропустить обед, чтобы как-то закрыть норму. Только одно радовало: нас отпустили пораньше. Видимо, хотели убедиться, что после нашего визита никто не подаст исков.

Доведа меня до ограды, Вита остановилась и спросила:

— Дорогу сама найдешь? — Я клятвенно заверила, что добраться до синей линии смогу и громадину зоопарка стороной не обойду. Болотница облегченно выдохнула: — Тогда встретимся у ворот в девять. Не опаздывай.

— Не буду, — пообещала я и вспомнила: — А Болотное Сердце?

— Позже. Сейчас с ним работают, настраивают проходимость мха. — Кикимора указала на медленно приподнимающуюся границу. — Для лета здесь темновато, поэтому нужно немного разрядить концентрацию. — Заметив мой рассеянный взгляд, Вита добавила: — Такого вопроса в экзаменационных нет. Никто не заставит тебя рассказывать механизм действия полей.

— А какие вопросы есть в экзаменационных? Мы же должны здесь что-то сдавать?

— Джейс должен их взять у брата. Лейс получил программы за все курсы первого семестра. Выберешь себе те, что хочешь изучать углубленно. То есть те, которые впишут тебе в болотный диплом. Ну все, мне пора...

И она убежала по своим делам, оставив меня одну стоять у желтой стены.

— Госпожа-а-а ве-е-ерну-у-улась? — лениво потягивая гласные, поинтересовалась Самаэлен. Я вздрогнула, так неожиданно она появилась. — Проходите в дом. Хозяйка не хотела бы, чтобы вы были одни. Ходят тут всякие...

Кошка выпустила когти и демонстративно медленно провела лапой в воздухе, как будто горло кому-то непонятливому резала.

— Спасибо, что бережете наш покой, — поблагодарила я кошку.

— Это мой долг, — фыркнула та, — защищать свою семью. Иди уже, котенок. Устала ведь.

И я бодро пошла ко входу. Самаэлен сопровождала меня весь мой путь, и только переступив порог дома, я перестала ощущать ее внимание.

Дом становился все более обитаемым. Появилась обувь у входа, в кухне грохотала посуда, а на втором этаже слышались шаги и детский лепет. В гостиной смеялись, звенели чашки, становясь на блюда.

Я прокралась мимо гостиной, но не удержалась и заглянула внутрь. Мирно беседуя, на диванчиках сидели Ванична и королева, чуть дальше корпела над какой-то иллюзорной сферой незнакомая молодая девушка. Чай, как и беседа, мало ее интересовал, а вот вспыхивавшие в сфере огоньки заставляли вдыхать и вскрикивать.

— Данька вернулась. Здравствуй, — поприветствовала меня королева.

— Здравствуйте, ваше величество, — смутившись, поздоровалась я. — Мама, я пойду наверх? Не хочу вам мешать.

— Ты не помешаешь, — рассмеялась Коха. — И Дженджин вздохнет спокойно, а то мешают молодой мэтрессе наши стариковские беседы.

— И ничего они мне не мешают, просто... — обиделась девушка, оторвавшись от сферы, но в следующий миг ее глаза снова прилипли к огонькам. Она так и не договорила, полностью переключившись на работу.

— Дженджин — младшая дочь моей сестры, — пояснила Ванична. — Она тоже избрала путь мага.

— К великому моему сожалению. — Коха отпила чая и вернула чашку на стол. — Но что я могу поделать, если ее муж полностью одобряет устремления моей непутевой дочки?

— Значит, ей повезло, — искренне порадовалась я за молодую кикимору.

— Вы подружитесь, — усмехнулась Коха. — Куда тебя направили на практику?

— В зоопарк, — призналась я и показала язык. — Он почти отсох, пока я конверты клеила. Там и вам было.

— Спасибо за твою работу, — серьезно поблагодарила меня королева.

Мне даже неудобно стало. Стою, жалуясь им, как будто конец света. А если подумать, то все и правильно. Чем еще я могу быть полезна? Да, обидно, что даже минимальных наших знаний не используется, но кто-то же должен клеить эти письма? Даже напротив, эти письма пойдут важным людям, а значит, я очень много делаю для своего болота. Так стоит ли жаловаться?

— Я буду лучше стараться, — пообещала я и прижала кулачок к груди. — Чтобы все было хорошо.

— Солнышко, — улыбнулась Ванична, а королева кивнула, принимая мое обещание, — я тобой горжусь.

— Истинно твоя дочь, — усмехнулась королева и огорошила меня: — Сестра сказала, что в твоём сердце кто-то есть. Нам готовиться к свадьбе?

— Не знаю, — смутилась я. Как-то не представляла я себя этакой почтенной замужней дамой.

Судя по хихиканью Дженджин, последнее я озвучила вслух.

— ДжиДжи, как тебе почтенной дамой живется?

— Хорошо. — Девушка оторвалась от сферы. — Мама не заставляет убираться и с видными носами королевства больше не знакомит.

— А у них действительно носы видные? — не удержалась я.

А что? Может, я исследование провожу. Сравнительная характеристика носов представителей аристократии разных рас.

— Еще какие, — рассмеялась Дженджин. — Зайди к нам, я тебе некоторые портреты покажу. Там не поймешь, то ли художник нос рисовал, то ли жениха.

— ДжиДжи, — с упреком проговорила королева, но по смеющимся уголкам губ было понятно: она не злится на дочь.

— Мама! — в тон ей сказала дочь. — Я же должна предупредить Даньку, что ее ждет. — И нарочито громким шепотом: — Прежде чем приводить избранника домой, мне покажи. Я не мама, я по-доброму скажу, что он делает не так.

— Девочки, — оборвала их Ванична, — не пугайте Даню. Солнышко, если тебе кто-то понравится, можешь не приводить его, пока не будешь уверена.

— Спасибо! — Я обняла Ваничну за плечи. — Она же у меня самая лучшая, правда?

Никто не возразил.

— А что будет в зоопарке происходить? — любопытствовала я. — Там такой перечень гостей...

— Урегулирование ввоза-вывоза животных. Мы больше всех пострадали от неосторожной перевозки, поэтому Кирстен предложил проводить совет у нас. — В голосе королевы слышалось неудовольствие, как будто ей несколько не льстил предлог.

— Что-то не так?

— Меня тревожит состав делегации, — после минутных размышлений все же ответила Коха. — Бродсед редко путешествует, но в этот раз изъявил желание поучаствовать.

— Это странно? — Дженджин отложила сферу и откинулась на спинку дивана. — Я могу присмотреть за ним, если все так серьезно. Ты же знаешь, я могу.

— Знаю, — кивнула королева. — Но не хочу тебя в это впутывать. Пусть Кирстен сам приглядывает за своим ручным псом. Нужно только вынудить их пойти на это.

— Заставить Кирстен работать на нас? — Принцесса хихикнула в кулачок. — Они не согласятся!

— Оба принца сейчас в Семиречинске. Ради младшего старший выполнит одну маленькую услугу. А в случае, если мы понесем ущерб, добиться компенсации, имея на руках хоть одного из них... Думаю, его величество нам не откажет, — серьезно произнесла Коха и обратилась ко мне: — Данька, если увидишь что-нибудь подозрительное или странное в зоопарке, сообщи Вани или Дженджин.

— Да, я с завтрашнего дня тоже буду находиться у вас, так что сообщай обо всем. Рассчитываю на тебя.

— Спасибо, — неуверенно проговорила я и созналась: — Но мне все странно.

— Это скоро пройдет, — улыбнулась королева. — Но пока ты видишь больше нас. И, чтобы ты не беспокоилась зря, внучка Далиана получит от деда похожее задание. Не волнуйся, делать все в одиночку тебя никто не заставит. — И мне подмигнули: — Сестра вообще против твоего участия.

— Мама! — негодуяще воскликнула я. — Почему нет?!

Ванична вскинула руки вверх, сдаваясь.

— Хорошо, убедили. Но Самаэлен будег за тобой присматривать.

— Ладно, но как мне протащить кошку в зоопарк?

— Кошку? — Королева рассмеялась. — Самаэлен дух, одна из хранительниц рода. Она может принять любой облик, так что на входе вас не остановят, — пояснила Коха и поднялась. — Нам пора.

Вместе с королевой поднялась и Дженджин. Пользуясь тем, что мать отвернулась, она подмигнула мне и жестом, похожим на наше «перезвони мне», указала на сферу. Я, помешкав, кивнула. Ведь нет ничего такого, что русский человек не сломает без инструкции!

Они выходили неторопливо, прошли всего пару шагов и исчезли.

— Дженджин балуется, — неодобрительно покачала головой Ванична. — Сердце заставляет забыть о собственном балансе сил.

— Сердце? Вита говорила что-то о нем, но я не совсем поняла.

— Сходите посмотреть, — предложила Ванична, закрывая дверь на ключ. Привычка, наверное, у слуг все равно есть свои. — Тебя пустят в любое время как представителя нашей семьи.

Я улыбнулась и молча повисла на маме.

— Я так скучала! — проговорила, обнимая ее за плечи и вдыхая аромат волос. Приятный, но я не могла сказать, что еще так пахнет. Болото? Оно пахло иначе. Растение? Мне не доводилось с таким сталкиваться. Мама? Да, это был мамин запах.

— Солнышко. — Она погладила мои волосы, поцеловала в макушку и отпустила. — Проголодалась?

Я радостно закивала. Ее еду я не ела настолько давно, что почти и забыла вкус. Необходимо

было повторить. И закрепить. И проверить усвоение знания.

Спустя час я довольная вышла во двор и направилась к конюшням. Жабка еще на подходе принялась радостно скакать, и мне показалось, что здание рухнет, не выдержав ее запала. Обошлось.

Едва приоткрылись дверцы, Жабка пулей вылетела из места заточения, перемахнула через перегородку и запрыгала по лужайке, вминая траву в землю. Заметив недоумение на моем лице, она рухнула и распласталась по газону. Еще и лапкой дернула, намекая, что лишь обнимашки и почесывание брюшка способны вернуть ее к жизни.

Осознав, что другого выбора у меня нет, я принялась хлопотать вокруг жертвы заточения. Как поведал мне наш жабник (специалист по содержанию и выгулу жаб. Такой есть в каждом аристократическом поместье), моя подопечная сегодня выгуляла тройную норму, но даже после этого рвалась на подвиги. Вероятнее всего, просто хотела увидеть меня.

— Моя хорошая. — Я гладила ей брюшко, уклоняясь от благодарного языка. Черных точек на лице пока не имелось, поэтому извлекать их посредством народной медицины я поостереглась. Еще брови приклеятся, и будет всю практику щеголять новым пискom моды лысобровая Данька.

Внезапно Жабка замерла, прислушалась и одним плавным движением, чуть не сломав мне руку, перевернулась. Если бы у нее были зубы, она бы ощерилась, но за неимением оных насторожившееся земноводное лишь закрыло меня собой и внимательно следило за обстановкой.

Я забеспокоилась: Жабка так резко ни на кого не реагировала. Напротив, всячески липла к любым представителям двуногих, чтобы получить с них мзду. Альтару, прежде чем зеленая красавица изволила уехать, пришлось принести ежедневные пироги. В противном случае она строила такую обиженную мордочку, что полный состав болотников шествовал в ближайшую кондитерскую и закупал жертвенные торты.

Я успокаивающе коснулась пупырышков на Жабкиной спине и лишь в последний момент увидела, как сквозь нас проходит тонкий, едва различимый поисковый луч, минует Жабку и не затрагивается до меня, державшуюся за своего скакового земноводного.

— Жабк, а что это было? — спросила я, словно зеленая красавица могла мне ответить. Та лишь подернула спинкой. Впрочем, так она могла сбрасывать неприятные ощущения от луча. Помнится, в учебнике значилось, что подобное воздействие приводит к непроизвольному ухудшению настроения и развитию тревожности. И неудивительно! Станешь тут спокойным, когда кто-то поисковые сети над городом пускает.

Я покачала головой и послушно отправилась в дом. После клятвенных обещаний вернуться Жабка согласилась подождать на заднем крыльце, откуда она внимательно следила за моими перемещениями. Махнув ей, я быстро поднялась наверх.

— Ванична? Мама? Ты где?

На мои возгласы из одной комнаты показалась пшеничная макушка секретаря.

— Госпожа работает, — неодобрительно выпалил он и хотел было захлопнуть дверь перед моим носом, но Ванична ему не позволила.

— Дань, что-то случилось? — Я согласно кивнула и покосилась на секретаря. Делиться собственной паранойей при нем мне гордость не позволяла. — Лаис, я вас позову. Подождите в коридоре.

Секретарь удалился, на прощание смерив меня уничижительным взглядом и демонстративно поджав губы. Вот уж дятел!

Ванична дождалась, пока лишний свидетель покинет комнату, прикрыла за ним дверь и внимательно посмотрела на меня. Ни капли осуждения, что я прервала ее работу, не было на лице благородной кикиморы.

— Это тетя кого-то разыскивает? — спросила я. Если про себя я все еще не могла привыкнуть называть королеву «тетей», то на публике старалась делать именно так. И моей новой семье приятнее, и я постепенно привыкаю.

— Коха? Нет, она не говорила о таком.

— Но этот луч... Он же был. Даже Жабка его почувствовала. И меня прикрыла, — неуверенно проговорила я, не зная, смеяться или плакать. Кажется, мысли про паранойю оказались верны. Это мое расшалившееся воображение подкидывало теорию заговора прямо после обеда.

— То есть ты хочешь сказать, что кто-то колдовал на территории Семиречинска и что-то искал?

— Да, я читала про это колдовство перед экзаменом. Оно необязательное, но в одной из сносков было, — путано объясняла я, не зная, куда деть руки.

— Думаю, сестре нужно об этом знать.

— А если мне показалось? — чуть не плача воскликнула я. Мне все меньше нравилась идея рассказать все старшей болотнице. Происходящее казалось глупостью и...

— Данька, если показалось только тебе и Жабке, это серьезно. Жабка... она более чувствительна к внешним колебаниям и могла что-то уловить. А ты... ты не принадлежишь этому миру, как все мы, и его законы могут действовать на тебя иначе. И если что-то замечает только ты, значит, это действительно важно. Не переживай, семья всегда будет стоять за тебя стеной. Мы болотники, мы...

— ...своих не бросаем, — закончила за нее я и слабо улыбнулась.

Ванична кивнула и обошла стол, провела по столешнице, как будто проверяла, есть ли слой пыли, и послала легкий силовой импульс.

— Сестра? — голос королевы раздался внезапно и был немного растерянным. — Мы что-то забыли?

— Нет, — коротко ответила кикимора и уточнила: — Вы не проводили никаких поисков сейчас? Дженджин снова не играет с Сердцем?

— Нет, я с мамой. — Столешница отразила встревоженное лицо принцессы.

— Данька заметила поисковый луч. А перед этим встревожилась Жабка. Вы ничего не замечали?

— Сколько времени прошло? — на лбу королевы пролегла глубокая морщинка.

— Пара минут. Три-четыре, не больше, — взглянув на меня и дождавшись одобрительного кивка, сказала Ванична.

— Животные нервничали, — внезапно сказала Дженджин. — Варфоломей убежал и спрятался. Это не может быть совпадением. Я к Сердцу.

— Иди, — кивнула королева и обратилась к нам: — Поместье не покидайте. Данька, — она посмотрела прямо на меня, — спасибо.

Я не нашла в себе силы что-либо произнести, только слабо улыбнулась.

Стекло на столешнице погасло.

Ванична присела на край кресла. Она была серьезна, даже более собрана, чем королева. И она постарела. От одних только мыслей ее лицо враз состарилось на десять, а то и пятнадцать лет.

Кикимора сжала подлокотники и резко встала.

— Тебя я им не отдам, — пообещала она внезапно. — Никому. Тебя — не отдам.

Я не знала, что сказать. Смогла только принять ее крепкие объятия.

— Я пойду во двор? Обещала Жабке, что вернусь к ней так скоро, как смогу.

— Иди, — с сожалением отпустила меня болотница. — Мне нужно работать.

— Я скучаю по нашему болоту, — призналась я, держась за ручку двери. — Там было так беззаботно тепло, а здесь...

— Здесь у нас есть обязанности, но мы съездим туда. Я обещаю.

— Но не вернемся?

— Нет, уже не вернемся.

Жабка была вне себя от переживаний, и, наверное, будь у нее хвост, радостно бы им завилыла, увидев меня в дверном проеме. Я погладила ее голову, обняла за шею и на ней доехала до лужайки, на которую и была нещадно скинута и облизана.

— Фу-у-у-у — вознегодовала я, но перенервничавшая Жабка требовала немедленного успокоения. И зачем-то ей для этого процесса требовалась ни много ни мало — я.

— Ква-а-а, — доходчиво объяснила свои потуги зелененькая и продолжила очищать мне лицо от гипотетических прыщей.

— Красота, — меланхолично заметили с ограды.

Отбиваясь от Жабки, я заметила, как Самаэлен спрыгнула со стены и теперь приближалась к нам. Помощи, впрочем, от нее ждать не приходилось. Вредная коть!

— Красота, — с трудом отбиваясь от липкого языка, выдавила из себя я. — Может, тоже хочешь косметическую процедуру? Говорят, омолаживает!

— Я и так в самом расцвете сил, — заявила Самаэлен и сделала кошечку. Интересно, если кошечка делает кошечку, это как называют? — Госпожа предупредила вас, что с завтрашнего дня...

— Да, да, предупредила.

Я выползла из-под Жабки и, сопровождаемая недовольным фырканием-бульканием, поднялась на ноги. Хорошо еще, что дома переделась в шорты. Теперь, конечно, коленки показывать стыдно, но одежда не испорчена.

К вечеру одежда все же испортилась. Дефицит внимания, вызванный моим долгим, а по меркам самой Жабки едва ли не вечным отсутствием, пришлось возмещать немедленно и без права на отлучку. Мы катались, скакали, валялись на газоне и рассматривали мох, облепивший защитную сетку. Оказалось, если рассматривать ее снизу, то можно разглядеть даже основные узлы, разрушение которых могло привести к исчезновению всей системы.

Солнечные лучи проникали сквозь мох неохотно, а потому растительность под сетью была темно-зеленой и разнообразием не отличалась. Разве что домашняя, но в этом случае я подозревала дополнительное питание. Интересно, а остались в болотном царстве места, не укрытые защитной системой?

Жабка протяжно квакнула, привлекая к себе внимание.

— Да смотрю я, смотрю, — заверила я, переворачиваясь на живот. Поняв, что мое сидение на воздухе затягивается, я попросила Самаэлен принести мне какое-нибудь покрывало. Кошка фыркнула, но просьбу выполнила.

Причину ее фыркания я поняла чуть позже. Жабка не хотела делить меня с чем-либо еще, а потому, зажав край покрывала во рту, протащила меня вокруг особняка. После этого импровизированные санки можно было разве что сдать в утиль. Но я не поддалась. Даже грязные с одной стороны, они оставались чище, чем земля с травой — с другой.

Жабке пришлось смириться, но она продолжала внимательно следить за малейшим моим движением, ожидая, когда сможет выхватить проклятый заменитель ее спины из-под меня.

Закатное солнце окрасило алым забор из желтого кирпича, заиграло на железных флаконах фонарей и скрылось. По неизвестной мне причине закат в Семиречинске длился всего пару минут, и посмотреть его вдвоем считалось божьим благословением. Поэтому если пара хотела проверить, суждено ли им быть вместе всегда, она шла смотреть на закат. Подгадали время — суждено, ошиблись хоть на минуту — отношения обречены.

Мне подобный способ казался глупым, но из спортивного любопытства я бы попробовала. Оставалось только понять, с кем я собираюсь бегать за солнцем. Напрягать лишний раз

Альтара не хотелось: он вообще не появлялся, отчего я начала скучать. Может, пригласить Наона, как и советовала Ванична?

Идея показалась мне бредовой, а потому достойной исполнения. Помнится, его звали на чай. Так почему бы не проверить, может, нам суждено всю жизнь друг другу палки в колеса ставить, кто знает?

Запрет на выход с территории поместья пока не сняли, а потому я прошла вдоль ограды и, становясь на цыпочки, рассматривала соседские имения и дорогу. Мимо нас шло лишь две линии, что обеспечивало спокойствие и порядок в округе. Зато дорога для скаковых жаб была широкой — целых три жабы в ширину. Внезапно мне безумно захотелось прокатиться. Тяжело вздохнув, я отвергла эту задумку как небезопасную: подставлять семью я не собиралась даже ради адреналина. Точнее, особенно ради него. Лучше уж почитать про местную фауну, чтобы никакой зубастый мотылек-долгожитель не унес меня на Кудыкины горы на посадку и сбор томатов.

Поднявшись, я пропустила момент, когда Жабка одним плавным движением оказалась у покрывала и с победным кваком потянула его на себя.

— Отдай! — крикнула я, отправляясь в погоню за неуловимой мстительницей покрывала. — Отдай, кому сказала!

Жабка пропустила все мои просьбы-приказы мимо ушей, радостно нарезая круги по поместью. Она была довольна как слон, или даже кит (он побольше будет): все хозяйкино внимание ныне принадлежало только ей одной. В очередной раз махнув головой, непутевое земноводное забросило покрывало за границы мха. Вот так экспериментальным путем мы установили, что проблема проницаемости сети имеет место только с внешней стороны. То есть туда выскочить может все, а вот обратно...

Решив не геройствовать, что было свойственно болотной натуре, я позвала:

— Самаэлен!

Растрепанная и сердитая кошка явилась спустя пятнадцать секунд, недовольно выпустила когти, но внезапно подобрела.

— Хорошая наследница, правильная, — похвалила она меня. — А то лезут всякие дурни на рожон, а потом спасай этих идиотов! — поделилась опытом Хранительница, легко преодолела сеть и притащила покрывало. — Правильная молодая хозяйка, заботится о своей матери.

Я покраснела: приятно было осознавать себя правильной и ответственной. Даже очень.

— Самаэлен...

— Элен, — отозвалась кошка, элегантно присаживаясь.

— Элен, — улыбнулась я, с трудом удерживаясь, чтобы не погладить хвостатую красавицу. Жабка ревниво квакнула и ткнула в меня головой. Чтобы не упасть, пришлось повиснуть на ревнивице. — А что-нибудь уже выяснили про поиск?

— Точно еще нет, но Кирстену направили ноту протеста. Им запрещено колдовать в пределах города без крайней необходимости. А поиск никак не входит в перечень необходимых чар. Тем более, судя по параметрам луча, искали какой-то артефакт, как самые распоследние воры.

— А почему именно Кирстен? — возмутилась я. Подозревать Альтара мне не хотелось, а он ведь тоже из Кирстена и как раз маг. — Сколько в делегации магов?

— Четыре, — подумав, ответила кошка. — Один еще не прибыл. — При упоминании о задерживающемся мордочка Самаэлен исказилась, она воинственно выпустила когти и обнажила зубы. — Остальные — принц и двое его магов — уже здесь. Даже жаль, что младший из принцев не унаследовал силы, какой был бы удивительный молодой человек, — поделилась переживаниями Хранительница, на некоторое время заставив меня забыть о ее кошачьей сущности.

— Такой красивый?

— Достойный молодой человек, — как взаправдашняя светская львица, похвалила Самаэлен.

— Ты его видела? — не удержалась от вопроса я.

— Еще бы, — фыркнула кошка и добавила: — Вот брат его — мрачный тип. Никто не знает, что у него на уме. Отвратительный противник, королева не любит иметь с ним дело. Отвратительно!..

Пофыркивая от негодования, кошка запрыгнула на ограду и, мягко ступая, удалилась по своим служебным делам. Или по личным. О ее истинных намерениях я не имела ни малейшего понятия.

За день моя комната изменилась, и в первую очередь изменения коснулись окон. Стекла стали толще, рамы крепче, а шторы — плотнее и, соответственно, тяжелее. Чтобы они не рухнули мне на голову, заменили и карнизы, и теперь, кутаясь в бархат портьеры, я не боялась обрушения.

Второй этаж нашего дома, на котором я жила, находился под общей защитной сетью из мха, но открой я окно и заберись на подоконник, могла бы погладить внешнюю сторону защиты. Каким образом от налетов мутировавших насекомых защищали верхние части строений, я пока не знала, а потому радовалась, что моя комната находилась именно на втором этаже.

Жабка в последний раз квакнула в саду и отправилась укладываться спать. Я помахала ей рукой на прощание и забралась на подоконник. Хотя я не ужинала, есть не хотелось: периодические побеги на кухню за бутербродами сделали свое дело.

Незаметно для себя я задремала прямо на подоконнике, лбом опираясь прямо на холодное стекло.

Пробуждение было не из приятных. А кому, подумайте сами, будет радостно подниматься в восьмом часу, бежать на кухню и перехватывать завтрак вместо того, чтобы встать, когда захочется, и завтракать медленно и степенно, разговаривая с мамой о последних новостях болотного мира?

Увы, несмотря на летнюю погоду, в столицу мы прибыли не отдыхать, а работать. И даже тот факт, что жили мы по домам, был большим нарушением, на которое все единодушно закрывали глаза. Но для отчетности, заметим, нам всем были выделены места в общежитии болотной Академии, коими мы могли воспользоваться при первой же необходимости.

Захватив с собой приготовленные специально для меня любящими руками Ваничны бутерброды, я распрощалась со всеми, пощекотала Жабку под брюшком и бросилась на место отбытия ежегодного адептского наказания.

Зоопарк, к счастью, еще не успел открыться, и я почувствовала острый укол удовлетворения, заметив небольшую хмурую толпу, ожидавшую открытия ворот. Меня пустили без лишних вопросов под завистливыми взглядами деток. Я поежилась, понимая, что если меня поставят на коммерческую деятельность, то загнусь под лавиной их вопросов-поручений, которыми меня наградят просто из вредности.

Зоопарк мирно раскачивался, просыпаясь к началу своего рабочего дня. Животные лениво переступали с лапы на лапу, догрызая свой завтрак и разминая конечности, птицы расправляли крылья и прочищали горла, насекомые заготавливали вонючую жижу, чтобы было чем плевать в злых болотных детей.

Я грустно брела в здание администрации. Язык уже начал неметь, помня о прошедшем дне, а пальцы плохо слушаться: с кистью мы так и не подружились.

С трудом протиснувшись в щель (дверь в администрацию открывалась тяжело), я переступила порог. Кабинет ответственного за нашу практику Вита показала еще вчера, и я брела на третий этаж, высматривая второй левый поворот.

Господин Имель, наш непосредственный начальник, имел выдающиеся раскидистые древесные рога, которыми гордился и всячески украшал. Сегодня он повесил на них зеленые, серебряные, желтые ленточки в цвет государственного флага, которые пугались при каждом наклоне маленькой хозяйской головы, образуя целый лабиринт. Расу господина Именя мне так и не удалось определить, но интуиция подсказывала, что древесные козл... дриады отметились в его родословной.

Больше всего господин Имель любил растения и... растения. Что-то другое он мог месяцами не замечать, но в оранжерее появлялся ежедневно, инспектируя работу бедных знахарей. Обо

всем этом и кое-чем еще мне поведала вчера Вита, успевшая перекинуться парой слов с адептами тямки и прочих рыхлилок.

Обернувшись на звук, господин Имель тяжело вздохнул, скрипнул суставами и предложил мне сесть. Ему требовалось подумать, куда определить юную болотницу сегодня. Солнце плохо проникало в кабинет бедного Имеля, и, чтобы добиться его внимания, тому приходилось высовываться в окно. Только после пяти минут солнечной ванны он мог трезво мыслить и распределять обязанности.

— Дана Вересная, — проговорил он вслух мое имя, размышляя. — И куда бы вас отправить?

Я смутилась: таких предложений мне не делали. Но чем леший не друг болотнику, вдруг прокатит?

— Присматривать за Сердцем Болота, — выпалила я и зажмурилась. Да, самонадеянно, но... он же сам спросил.

— К Сердцу? — замялся господин Имель. Пошлепал губами, почесал потолок рогами и вновь высунулся в окно.

Я ждала.

— А впрочем, — медленно, все же фотосинтез еще слабо протекал в организме господина Имеля, делая его похожим на человека, проговорил мой начальник, — идите. Помощь лишней не будет.

Обрадованная таким исходом и преисполненная гордости от собственного назначения, я вылетела из администрации, даже не заметив тяжелой двери. Окрыленная важностью порученной мне миссии, выбежала на середину парка и замерла. Осознание пришло внезапно, как отрубается Интернет. Где находится Сердце Болота, я не представляла.

Уже готовая идти сдаваться на милость начальства, я сделала первый шаг и радостно захлопала в ладоши. Ко мне быстро шла Дженджин, и я ни секунды не сомневалась, что уж она точно знает дорогу.

— Данька? — Девушка удивленно замерла, огляделась вокруг, но не нашла никого другого, кому могла бы предназначаться моя радость. — Что-то случилось?

— А ты к Сердцу? — осторожно спросила я, поумерив радость. Сейчас еще окажется, что принцесса по другому поводу пришла, и будет у меня весь день страшный Бармалей в начальниках.

— Да, — Дженджин кивнула. Мгновение она недоумевала, но быстро все поняла: — Тебя отдали нам в помощь? — предположила она и подмигнула.

— Именно, — серьезно ответствовала я и добавила: — По приказанию начальства адепт-практикант Дана Вересная прибыла!

— Вольно, адепт, — рассмеялась принцесса. — Идем уже, помощница.

Почему-то я не была против и поспешила вслед за принцессой и ее свитой, часть которой бросала на меня любопытствующие взгляды, а другая (женская) была недовольна первым обстоятельством.

«Не подружимся», — поняла я и незаметно перекочевала в хвост процессии. Так я получила возможность наблюдать за всеми, и никто, не роняя достоинства, не мог таращиться на меня.

Мы миновали экзотариум, который здесь населяли животные северных стран, обошли кошачью гору и уперлись носом в вулкан. Кто мог бы здесь жить, я не представляла, а потому вчера посчитала простой декорацией.

Принцесса целеустремленно двигалась к подножию искусственной горы. У одной из расщелин она остановилась и приложила руку к склону. Я воодушевленно уставилась на гору, но никаких катаклизмов не происходило.

— Настоящая магия не терпит лишней мишуры, — насмешливо прокомментировал мой разочарованный вздох один из сопровождающих принцессы. Он был высок и чересчур бел. Платиновые волосы падали аж до пояса, белая как снег кожа заставляла ежиться, как от сильного мороза, а колючие ледяные глаза сосульками метили прямо в сердце. Я очарованно

заулыбалась.

— Данька! — одернула меня Дженджин, внезапно появляясь за спиной ледяного принца. — Олисен, я бы попросила вас убавить обаяние. Если моя кузина случайно сойдет с ума, это не улучшит отношений между нашими семьями.

— Я учту, — пообещал мужчина и наклонился, чтобы поцеловать мне ручку. Его губы уже почти коснулись холодной кожи, когда Олисен остановился, внимательно посмотрел на меня и, хмыкнув, отстранился. — Очарован, миледи, — как бы извиняясь, проговорил он и отвернулся.

Я негодуяще покусала губу. К сожалению, себе.

В горе меня ждало неожиданное: на входе пришлось разуться. Мои бедные кеодообразные ботинки остались стоять носами к порогу, а их место заняли обычные полосатые тапочки, как в самолетах иногда дают.

Пару минут я недоумевала, но, оценив всю напыщенную свиту, которая с такими же чопорными лицами переобувалась, решила рискнуть. Случайно я зацепилась за тапочки Дженджин. В отличие от остальных, которые надевали такие же полосатые черно-белые тапки, как и я, у кикиморы были свои, больше напоминавшие босоножки, с витыми ремешками и точно по размеру. Я горестно вздохнула. Обнадежило лишь одно: не одна я выгляжу не к месту. Хотя, может, тут намечается флешмоб?

Дождавшись, пока все переобуются, принцесса первая ступила на каменные плиты. Они отличались цветами и формой, но идеально подходили друг к дружке. Ни одна из них не возвышалась над другой, и складывалось впечатление, что пол в пещере идеально гладкий.

Пару раз разогнавшись и едва не стукнувшись копчиком о каменные плиты, я засекала преувеличенно долгое завязывание отсутствующих шнурков у одной из дам и решила больше не позориться, заставляя остальных делать мне намеки. Тяжело вздохнула и пристроилась в конце процессии. Впрочем, видимо, по местным канонам, мое нынешнее поведение соответствовало нормам, ибо даже рассерженные дамы начали покровительственно мне улыбаться. А я что? Я ничего, пусть лучше смеются, чем запахло готовят.

Процессия остановилась в просторном зале, в углу которого сияло, ослепляя успевшие привыкнуть к полумраку глаза, маленькое солнце. Я отвернулась, пытаюсь привыкнуть к новому освещению, и встретилась взглядом с Олисеном. Этот ледяной человечек тоже приходил в себя. Я едва удержалась, чтобы не потрогать его кожу и оценить степень подтаивания, но решила, что это будет чересчур.

А дальше началась работа. В основном — магов, а в частности — одной маленькой бедной кикиморы, которая носилась как угорелая от одного к другому, держала всякую магическую аппаратуру и изредка, когда болотники вспоминали о совести, командовала «криво-косо», управляя размещением подсветки.

Ради мероприятия излучение Сердца необходимо было уменьшить, и Дженджин всю шаровала, используя чужую силу. Наконец Сердце перестало ослеплять.

Я замерла, в первый миг не понимая, что происходит и почему я перестала различать предметы в другом конце зала.

— Включайте, — раздался усталый голос принцессы, и фонарики, которые мы старательно монтировали в нише потолка, загорелись. Я замороженно застыла, разглядывая, как одна за другой вспыхивают звездочки под потолком, рисуя маленькое солнце. — Проверьте, не пересекаются ли линии охранных сетей.

Две почтенные дамы поклонились и отошли от основной части свиты, расставляющей столы. Олисен только обозначил кивок, что, впрочем, не помешало ему оказаться на месте первым. Дженджин неодобрительно хмыкнула и отозвала меня в сторону.

— Проследи за ним, — попросила она. — После твоего утреннего выступления он не подумает, что ты следишь за ним по иной, нежели простое восхищение, причине.

— Хорошо, — легко согласилась я, но не утерпела: — А чем он такой особенный?

— Особенный? — Принцесса нахмурилась, смерила ледяного с ног до головы и согласилась: — Особенный. Самомнение зашкаливает, это точно.

— Я серьезно, — надулась я. — Чем он тебе так не понравился?

— Солнышко, — Дженджин позволила себе покровительственную улыбку, — он не лучшая компания. Наглый, самоуверенный...

— ...и интересный, — закончила за нее я. — Так чем он не угодил семье?

— Бывший парень Мариады, — сдалась Дженджин. — Только матери не говори, она не знает. Мари ради него, считай, от семьи отказалась, а он ей с другой изменил. Видите ли, как он мог отказаться, когда сама королева Матильда пригласила его в свои покои. Матильда, кстати, после этого уже не королева. Скрыть хоть что-нибудь из своей личной жизни Олисен не в состоянии.

— Я учту. — Вот теперь и я смотрела на блондина с неодобрительным презрением. Очередной Жан, только местного производства, подумаешь. Вот еще — нервы на него тратить! — А почему белый?

— Потому что болеет, — рассмеялась Дженджин и добавила: — Возьми у тети справочник по болотным расам, страница сорок третья. Но ты всегда можешь воспользоваться указателем. Ищи «наглый самоуверенный блондин», в домашнем каталоге он так и называется, — проинструктировала меня принцесса и отбыла проверять труды подчиненных.

Я же приступила к выполнению возложенной на меня миссии: нагнала на личико побольше вдохновенной дурачности и отправилась следить за работой блондина. Женщины встретили меня сочувственными взглядами, а вот Олисен остановился, отвлекаясь от колдовства, смерил с ног до головы и, не говоря ни слова, продолжил свою работу. Если бы он еще искоса не поглядывал время от времени, я бы поверила, что ему все равно, но так... Нет уж, сударь, королева Матильда так королева Матильда. Да и муж у нас уже есть. Пусть и понарошку, но самый лучший!

При воспоминании об Альтаре на душе потеплело, а перед глазами встало легендарное поедание мороженого на крыше. Вот это — настоящая романтика! Вряд ли холеный лорд на нее способен. А вот лосиный принц... На губах сама собой появилась до невозможности глупая и счастливая улыбка. Олисен споткнулся и стремительно обернулся.

— Дана, помогите мне, — позвал меня маг, и я с готовностью ринулась к нему на подмогу. От моего напора Олисен даже отступил на шаг, но в руки себя взял стремительно и бесповоротно: все те пять минут, что я держала треугольную рамку, он не проронил ни звука. Ни разу не дернулось и его лицо, и даже брови не взмыли вверх, когда я случайно оступилась и потопталась по его ногам, не желая падать.

— Благодарю, можете идти, — холодно отослал меня маг, с интересом следя за реакцией. Ну как я могла его подвести?

Горестно вздохнув, я поплелась к своему наблюдательному пункту, развернувшемуся в десяти метрах от рабочего места блондина. По такому случаю я даже приволокла себе стул, пользуясь благоволением принцессы.

Удивительное дело — наблюдать, как плетутся защитные чары, как тонкие нити колдовства крепнут, тянутся, охватывая все доступное им пространство, как они проходят сквозь стены, вплетаясь в саму гору, и застывают золотой паутиной, нерушимой и невидимой.

Я моргнула, сбрасывая наваждение транса. Олисен и дамы уже закончили свою работу и тихо переговаривались в углу зала. Колдовства больше не чувствовалось, и я немного отвлеклась. Прихоть, но мне до чертиков хотелось взглянуть на Сердце Болота, а если удастся, то и потрогать. Меня тянуло к нему, в нарушение правил, в нарушение здравого смысла... мне хотелось почувствовать его силу, ощутить ее вкус и забрать ее себе.

Последняя мысль болью отозвалась в сознании, приводя меня в чувство. Я тряхнула головой, ударила кулачком в стену — боль отрезвляла. Тяжело дыша, взглянула на болотный артефакт и замороженно застыла: он был в двух шагах. Протяни руку — и будет твой. С трудом, но я ушла оттуда. Изумруд насмешливо блестел мне вслед, заставляя чувствовать себя неудачницей.

Обед мы пропустили: увлеклись работой и не заметили, как пролетело время. Как бы извиняясь, Дженджин отпустила всех раньше. Она лично стояла у входа и ждала, пока все покинут гору. Я хотела было выйти с остальными, но девушка отрицательно покачала головой и глазами попросила меня остаться. Я кивнула, но продолжила делать вид, что обуваюсь и

просто так долго завязываю шнурки.

— Идем, я хочу, чтобы ты кое-что сделала, — дождавшись, пока Олисен выйдет, сказала принцесса, закрывая вход.

— Что? — спросила я, вновь меняя обувь. За день я так привыкла к своим полосатым тапочкам, что сейчас не испытывала никаких затруднений. Напротив, в кедах оказалось до ужаса жарко, и момент, когда я их сбросила, оказался самым счастливым за день.

— Возьми Сердце, — попросила Дженджин, когда мы оказались в главном зале. — У меня нехорошее предчувствие, и я хочу убедиться, что моя теория неверна.

— Неверна? Теория?

Мне совсем не нравилось происходящее.

— Просто возьми его. — Принцесса дернула меня вперед, заставляя вплотную приблизиться к Сердцу. — Ты же хочешь это сделать. Оно манит. Я видела, как ты смотрела на него. Ну же, возьми.

И я взяла. Как будто в трансе, протянула вперед руку, коснулась холодных граней и сжала пальцы. Миг — и изумруд покинул подставку.

Рядом выдохнула Дженджин. Она побледнела так, что с сонных глаз можно было принять ее за сестру Олисена. Губы сжаты, а черты лица заострились до невозможности.

— Дань, положи его обратно, — хрипло попросила она, не делая резких движений.

Я пожала плечами и вернула камушек на постамент. Даже странно: взяла один раз — и все очарование схлынуло. Камень как камень, холодный, зеленый, а что блестит — так драгоценный. Экая важность.

— Все в порядке? — озабоченно спросила я. Вид бледной Дженджин мне не нравился. Очень, прямо от слова «совсем». Такая она вселяла в меня страх, и что самое ужасное, я не знала, чего следует бояться.

— Да, пойдём. Я должна рассказать королеве.

Королеве... Не матери — королеве. Неужели то, что я сделала, нарушает закон? Но ведь она сама попросила!

Я не знала, что думать, и молча шла за кузиной. Мы поднялись на этаж и оттуда, даже не разувааясь, переместились во дворец, прямо в королевский кабинет. Во время встречи.

— Прошу прощения, — быстро извинилась Коха и поднялась. — Вернемся к обсуждению через пару минут, если вы не возражаете.

Послы не возражали.

— Ты уверена? Ты не могла изменить параметры защиты? — в сотый раз спрашивала Коха, закусывая губу и хмуря брови.

— Нет, Даньки не было в числе избранных, — отрицала Дженджин.

Королева нервно рассмеялась.

— Ты понимаешь, что ты сделала?

— Проверила гипотезу, — угрюмо ответила принцесса, прижимая к себе диванную подушку. — Еще скажи, я была не права.

— Не права, — хмыкнула Коха. — А если бы твоя теория не подтвердилась? Помнишь, что происходит от прямого контакта с Сердцем? Еще и защита! Как ты могла так рисковать! Вания не простила бы тебе. Никогда.

— Простите, — вмешалась я в разговор, потому что выясняющиеся факты мне определенно не нравились. — Что-то могло произойти?

— Могло. Эта безответственная, — Коха смягчилась, — экспериментаторша рискнула твоим здоровьем.

— Но ничего же не произошло! — воскликнула Дженджин.

— Ты не могла знать этого наверняка.

— Могла! Лилен Даньке свадьбу нагадала, так что раньше этого события она умереть не может!

— Лилен нагадала, — хмыкнула королева. — Надежнейший источник!

— Умереть? — Я во все глаза уставилась на принцессу.

— Прости, ничего бы не случилось. Я была уверена...

Дженджин отвела глаза, что было лучшим опровержением ее слов.

— А я тебе доверяла! — выпалила я, подпрыгивая с места. — Никогда больше слушать тебя не буду!

— Довольно! — оборвала мою зарождавшуюся истерику Коха. Ага, ей, значит, можно. А как мне праведное негодование выразить, так сразу хватит. Произвол!

Дверь распахнулась без предупреждения, и в кабинет ворвалась Ванична. И я даже побоялась предположить, что она делала в момент, когда ей сообщили, что ее деточка во дворце. В одной руке кикимора сжимала скалку, в другой иголку, а на лбу была повязана повязка, как будто она собралась на долгий и изнуряющий поединок.

— Думаю, пора объясниться, — устало выдохнула королева и опустилась в кресло. — Разговор у нас будет долгий и весьма неприятный.

Глава 5

Гоночная, или Полоса препятствий

Вы говорите, это препятствия?!

Подвиньте спящую Жабку — тогда и поговорим!

Третий день практики начался грандиозным скандалом. Без моего участия. Почти. Подслушивание не считается. А было все так.

Когда я сонная и разморенная спускалась по лестнице, Ванична распекала Самаэлен за несознательное поведение. В ответ кошка фыркала, выпускала когти и напоминала, что вход в хранилище запрещен всем духам без особого распоряжения королевы, коего не поступало. А без прямой угрозы жизни госпожи Самаэлен не имела никакого права вторгаться на подотчетные службе безопасности вотчины. К тому же оплетенные защитной сетью в три ряда и заботливо повязанные ментальным бантиком, чтобы уж наверняка воры не ушли.

Смирившись, что сорвать гнев не на ком (не идти же по второму кругу к сестре?), Ванична вздохнула, заметила меня и выдала с собой бутербродов. Самаэлен насмешливо покосилась на этот обед и продефилировала на кухню. Кажется, там недосчитаются свежей рыбки.

— Будь осторожна! — наставляла меня Ванична. — Не слушайся старших! Слушай только свое сердце и разум. Интуиция у нас семейная.

— И не подводит, — процитировала я основной аргумент Дженджин, которым она отбивалась от нападков старших.

— Невыносимая семейка, — грустно усмехнулась женщина, потрепала мои волосы (и так не в идеальном после сна состоянии) и попросила: — Будь осторожнее. Ты у меня одна.

— Я знаю, — тихо проговорила я и крепко обняла свою... маму? — Буду самой осторожной в мире, — пообещала я, вдыхая ее запах. Родной. Теперь я поняла, чем он мне так нравился.

— Самаэлен! — окрикнула кошку Ванична, отпуская меня. — Будь готова!

В ответ из кухни донесся раздраженно-сердитый мям.

— Она обещает, — перевела я и не удержалась: продегустировала бутерброд из собойки. Вкуснятина...

Таким образом, кое-как позавтракав, я отправилась на место службы. Недовольная Самаэлен шла следом, впившись зубами в голову какой-то толстой рыбы. Оставлять свою добычу в особняке кошка отказалась, мотивируя необходимостью поддерживать легенду. И вообще, кто из окрестных котов на нее взглянет, если даже рыбу стащить она не может?!

У ворот я уже привычно пробралась через ребятню, дождалась, пока мне откроют, и протиснулась на территорию. Привычно сделала свое дело, и я пришла на десять минут раньше оговоренного срока. Впрочем, в день совета работы у меня могло и вовсе не появиться: все сотрудники стремительно подменялись неразговорчивыми болотниками с особыми нашивками, а работники впервые за многие годы приходили просто прогуляться и поболтать с друзьями без страха получить выволочку.

Решив, что, если меня все равно отпустят, так почему бы не уйти пораньше, я отправилась на встречу с господином Имелем, и не прогадала. Медленно, скрипя суставами и зубами, мне поведали об обстоятельствах непреодолимой силы, которые лишают меня работы на целый один день. И ему, Имелю, очень стыдно передо мной. Поэтому, если я желаю, он может докинуть мне еще один дополнительный рабочий день. Администрация это, конечно, не приветствует, но...

С трудом убедив начальника, что я буду страдать, но смогу пережить этот день вне зоопарка, я выпорхнула из здания администрации и остановилась на перекрестке. С одной стороны, я могла неплохо провести время с Жабкой, с другой же — оценить экспозицию зоопарка не только из-за кип приглашений.

Решив, что Жабка простит, я медленно двинулась вдоль вольеров.

— Да, прав был Таон, говоря, что в зоопарке мне самое место. Если здесь такие кошечки

водятся, я согласен бывать почаще! — прошептали мне прямо на ухо, обнимая за талию.

Я скосила глаза, пытаюсь разглядеть Самаэлен, но эта хвостатая кокетка флиртowała с тигром, подманивая на трофейную рыбку голову. Вот уж кошка!

— О, так вам нужна Самаэлен, — усмехнулась я, выворачиваясь из его объятий. — Одну минутку!

— Не стоит. — Демон дернул меня на себя, заставляя уткнуться носом в его камзол. — Блохастое чудовище интересуется меня в последнюю очередь.

— В таком случае вам стоит выражаться точнее, — попеняла ему я и невзначай встала прямо на ногу. Нечаянно, разумеется.

— Учту, — коротко пообещал этот проходимец и отсалютовал отвлекшейся Самаэлен. — Я украду вашу подопечную. Обещаю вернуть в целостности, сохранности и сытой, — последние слова он произнес уже мне, когда мы стояли на крыше одного из тыквенных домов.

«Мы все еще в столице», — с облегчением поняла я, привычно бросила взгляд на небо и замерла: ни мха, ни просто защитной сети не было. Мы покинули безопасный периметр, и с этим следовало что-то делать, пока красты не поняли, что им свежатинка к завтраку привалила.

— Нужно спускаться, — сказала я и упрямо сделала шаг вперед, чуть не рухнув с крыши. Мох внизу стал стремительно собираться в одну точку, чтобы смягчить падение. Сервис!

Увы, воспользоваться услугами мшистой подушки безопасности мне не позволили. Вредный демон приобнял одну вяло сопротивляющуюся кикимору (меня!) и спрыгнул вниз, удерживая на руках.

— Испугалась? — заботливо поинтересовался он, не давая мне встать на ноги.

— Еще как, — хмуро заверила я. — Боялась, вдруг кто-то расшибется — межрасовый конфликт будет.

— Не будет, — усмехнулся Наон и заверил: — Чтобы избавиться от меня, нужно нечто большее, чем прыжки с крыш с прекрасными дамами на руках.

— А со злыми кикиморами? — поддела я. На прекрасную даму, с утра и после пробежки, я тянула так же, как ежик — на дельфина.

— О, с вашим родом мне и вовсе ничего не угрожает, — рассмеялся демон. — Болото сделает все, чтобы его дитя не ушиблось.

«А если дитя не совсем болотное?» — хмыкнула я, понимая, что вслух такого никогда не скажу, но что-то в этом есть.

— Не сердись, иначе нам было не поговорить. Леди Вания слов на ветер не бросает, так что пришлось действовать иным путем.

— А она сказала тебя на чай пригласить, — рассеянно отметила я, разглядывая темную точку на горизонте. Солнце, не скованное защитными сетями, слепило, и я не могла разглядеть, то ли это мотылек летит нами закусить, то ли драконы взмыли в небо, то ли кто-то воздушного змея потерял и очень грустит. — Нам лучше спуститься, — поежившись, попросила я.

— Если леди желает, — пожал плечами демон, как будто готов был исполнить любую глупость, что я скажу.

Второе падение под мох выдалось много приятнее первого. Во-первых, амортизация демоном имела явные преимущества перед амортизацией соломкой, во-вторых, сам момент проникновения прошел легче — сказывался опыт, и, в-третьих, мне самой хотелось скорее под защитную сеть, и я готова была перетерпеть неприятные секунды, чтобы с облегчением вздохнуть, оказавшись вновь под защитой болота.

— А что ты здесь делаешь? — занимая паузу, поинтересовалась я, выглядывая в торопящейся толпе знакомые лица или морды.

— Держу одну зеленку, которая хочет от меня сбежать, — поделился сведениями демон и крепче перехватил мои коленки.

Хорошо, что шорты надела, а то сверкать трусами на всю округу... Нет уж, с клубничками у меня нет, чтобы так развлекаться.

— Это сейчас, а я про вообще спрашиваю!

— То есть ты не отрицаешь, что продумываешь план побега? — уточнил демонюга и все же поставил меня на ноги. Только вот уйти я не успела: сложно бежать, когда тебя двумя руками обнимают, крепко прижимая к себе. Вот же ж!

— Руки прочь от народного достояния! — фыркнула я и лягнулась.

— Как я могу! — Наон и не думал прекращать лапание. — Где еще я смогу так близко познакомиться с достоянием?

— Нет, так нечестно. — Я пригорюнилась и даже перестала вырываться. — Почему все такие?!

— Какие? — уточнил задетый за самое главное — интерес — Наон. Даже руки разжал.

— Злые, вредные, пакости делаете и смываетесь. Заставляете скучать и беспокоиться. Вдруг вас красты съели или вы языком подавились? — Я обличительно ткнула пальцем в грудь демона. — Вот как так можно?

Наон замер, переваривая мою речь, а после расхохотался. И так искренне-заливисто, что я позавидовала и обиделась. А от обиды отвернулась и надулась, усевшись прямо на дорогу. Все, с места не сдвинусь. Придет Самаэлен — сама за шкирку притащит домой.

— Ну, девочка, полно. — Он уселся рядом и обнял меня за плечи. — Ну кто же тебя так расстроил? Не я ведь? — осторожно поинтересовался демон и предложил: — Если я, то можем все исправить. Бери вещи, и поедем шkodить вместе.

— А совет? — шмыгнула носом я. — Вы ведь все на него приехали.

— А совет... Кому он нужен, когда такая красавица сидит и глазками красными сверкает, еще и нос опух!

— Ты хороший, — вырвалось у меня. — А он плохой! Я скучаю, а он не приходит. Совсем!

— И кто этот злодей, что очаровал мою врединку и заставил слезки плакать? — ласково спросил Наон, напрягаясь.

— А я не твоя, я мама, — слабо запротестовала я, вытирая слезы рукавом кофточки.

— И моя. Еще Таона и Жабки, — добавил демонюга, видимо, припомнив мои валяния на газоне.

«Следил!» — поняла я, но протеста в душе отчего-то не возникло. Скорее грусть. Всего три дня прошло, а Виты не видно, про Трейса и остальных даже весточки нет, а Альтар... Альтар про свои обязанности напрочь забыл и даже не навещает! Куратор называется!

— Хочу тортик, — грустно выдохнула я, приподнимаясь. — Большой и со сливками.

Демон сочувственно кивнул, и мы вновь перенеслись. А я поняла, что даже самый вредный демонюга может быть верным другом.

Кондитерская, которую выбрал для утешения унылой меня демон, располагалась где-то на окраине. Из окна виднелась только одна путевая дорожка. В самом помещении почти не было посетителей, а те, что были, сосредоточенно читали приколотое к доске объявлений сообщение.

Я хмыкнула, но не утерпела и подсмотрела, что ныне так волнует болотный народ, что у них напитки стынут, а они хоть бы глазом повели в сторону. Даже в ладоши хлопнула, но никто так и не отвлекся.

Волновал их рекламный плакат, на котором рукой неизвестного (а то бы побили) живописца был начертан весьма схематичный облик скаковой жабки и рядом — смазливый паренек аки девчонка с кошельком в руке и ухмылкой на лице. Подпись гласила: «Зеленые гонки! Испытай свои силы и заработай впрок!» Далее шел перечень требований к участникам, основным же было наличие жабы.

Собравшиеся у плаката воодушевленно перешептывались. Но, как оказалось, на приз им было наплевать. То, что волновало сердца почтенной публики, лежало глубже и крылось в патриотических чувствах.

— Говорят, этот размазня младший принц будет участвовать. Кто додумался ему жабу одолжить? — негодовал юноша точь-в-точь как на картинке. Неужели сам позировал живописцу?

— И не говори! Позор! Да какие это гонки, если все будут следить, как бы его высочество не навернулось и в грязи не повалилось, — выплюнула высокая нескладная девчонка и пообещала: — Но я уж постараюсь, чтобы он навоз пропахал.

Толпа наградила ее подбадривающими тычками.

— А наши почему не участвуют? — внезапно рыкнул тролльего вида дяденька с повязкой на глазу. — За державу обидно! Что, нет в родном болоте принца, что заткнет этих пришлых за пояс?

— Принцесса ушла из спорта, — под стон окружающих напомнил кондитер, почесывая колпак. — А Вильгельмина еще мала, чтобы рекорды матушки побить.

И речь плавно перетекла в перемывание косточек любимой королевской семье. Мои ушки непроизвольно запылали. Повезло еще, что за массивной фигурой демона одну меня разглядеть было проблематично.

Высунувшись из-за Наона, я убедилась, что никто не запалил подслушивающую меня, и выдохнула.

— Чего желаете? — подлетел к нам официант. Он всячески старался удержать на лице приветливо-угодливую гримасу, но стоило ему бросить косой взгляд на моего спутника, как и она сползла, сменяясь осуждением. Да уж, и ему за родное болото обидно. Кикимора — да с демонюгой, как будто своих красавцев нет.

Судя по быстрой самодовольной усмешке, себя официант относил к лучшей половине болотных красавцев, тех, которые красивые, а не странные. Мне же все они были на один взгляд: увидеть и убежать, ибо нехорошие ассоциации с подворотней возникали неосознанно и лечению не подлежали. Ну не выдерживает моя нежная психика попаданки лохматых травяных бровей и густой растительности (в прямом смысле слова) на лице и руках. Да уж, и почему есть нормальные гуманоиды, а есть вот такие? Болотная почва, что ли, растит, а потом их как розочки срезают и в производство пускают: живите, дескать?

Тряхнув головой, выкидывая все условно глупые мысли, я обратилась к меню и тыкнула в самый красивый торт. Официант просиял, лучше циферок подсказывая, что блюдо будет из разряда самых дорогих. Следом его обрадовал и Наон, подкрепив заказ, разумеется, «самой лучшей выпивкой (безалкогольной!), что у них была».

— А где твой приятель? — решив заполнить паузу, не иначе, поинтересовался демонюга, наклоняясь через стол и пытливо заглядывая мне в глаза.

— Бревен нет, — отчиталась я этому окулисту-любителю и проникновенно ответила: — На кукурузном поле остался.

— На кукурузном? — задумчиво переспросил Наон, а мне показалось, что он перебирает в памяти все кукурузные поля, пригодные для закапывания трупов. — А подробнее? Должен же я знать, от чего скончался предшественник.

— От неземной красоты, — начала вдохновенно врать я.

— Чьей же? — заинтересовался демонюга.

— Моей! — фыркнула я, обиженная до глубины души, что самую красивую болотную деву не признали таковой. Вот же ж!

— Сомневаюсь, — авторитетно заявил демонюга и перечислил: — Глаза косые, нос кривой, зубы желтые, ноги... тоже кривые, попа...

Добавить эпитет к самой трудоспособной (столько неприятностей цеплять!) части кикиморы Наон не успел, уклоняясь от полетевшей в него вазы. Не моей! Я смиренно сидела и внимала профессионалу, наблюдая, как краснеет от гнева будущая звезда Зеленых гонок.

Не смирившись с попранием чести и достоинства кикимориной попы, она запустила точнехонько в демона вазу. Вафельную и с карамелью. Сладкий соус степенно потек по лбу демонюги, превращая его в карамельное недоразумение.

— Эй, мелочь! — Решив не реагировать на фамильярность, я все же уделила крупницу своего драгоценного внимания местной воительнице и пересела за ее столик. Так, случайно, и вовсе я не испачкаться боялась! — Нечего с врагами брататься. Ни стыда, ни уважения у них, а ты сидишь, слушаешь и терпишь! Не так должно себя вести! — начала наставлять меня девица.

— Да уж, лучше еду переводить и на демонов бросаться, — хмыкнул Наон, слизывая карамель с губы. — Подумаешь, отказал пару раз. Ревновать грешно, — поделился опытом демонюга.

— Да как вы! — Кикимора вновь сменила цвет, больше походя на разнервничавшуюся демонессу, чем болотную деву.

— Смею, милочка, смею. Ты мне лучшие сиделки в мире испортила. — И уже мне: — Ваша светлость, извольте подождать снаружи. Я вынужден объяснить госпоже, насколько неподобающа ее ревность. И это приличная болотница! — Он осуждающе покачал головой и вывел меня из кондитерской.

«Вот всегда так, ни поесть, ни подслушать!» — заключила я, безуспешно припадая к дверному проему.

Когда же дверь открылась, я едва не встретилась носом с дорогой, но была расторопно подхвачена одной рукой. В другой Наон держал упакованный с собой тортик, две тарелки, стаканчики и большую флягу.

— Здесь негостеприимные посетители, — пояснил он и подошел ко мне, чтобы переместиться куда-то еще. Я успела заметить, что над бровью демонюги тянется тонкая светлая полоска, которая с каждым брошенным на мужчину взглядом затягивается все интенсивнее.

К моменту, когда мы вышли в самом центре болотца, от царапины не осталось ни следа, а сам демон вновь был беззастенчиво любезен и нагло неотразим. Не отражали его ни стены, ни барьеры, ни зеркала, ни даже мое твердое «нет», когда этот прохиндей извлек из воздуха покрывало и, не считаясь ни с чьим мнением, подло воспользовавшись силой, приподнял меня и усадил на чистое. Как будто до этого я запачкаться не успела?!

Вот никогда не понимала таких демонюг! Одно дело — чистое на чистое, а совсем другое — грязное на чистое! А потом кому-то это стирать. Очень красиво получается! Жест изящный, а последствия... Но ведь никто о них не думает!

— Кушать подано! — в лучших традициях русских пьес выдал демон, гордый осознанием своей роли. Увы, главной, хотя я надеялась на второстепенную. Будь он актером массовки — ушел бы после этих слов за кулисы, а мне осталось бы только наслаждаться тортиком и...

— Самаэлен?! — шумно выдохнула я, глядя, как с усердием ледокола ко мне скачет с кочки на кочку кошка, нахватавшая репьев. Да уж, демону настала полная и неизбежная Бездна! В смысле будут бить, и больно.

— Данька! — прошипела кошка, прыгая между нами, прямо на тортик. Грязными лапами! — Домой!

— Но...

— Чаевничать дома будешь! И не со всякими похитителями, а с почтенными болотниками! — не дала возразить Самаэлен, вытирая лапы о мох и запрыгивая на меня. Вот теперь точно переодеться и стирать!

— Уважаемая!

— А с тобой мы позже поговорим! Тигр тебя сдал, так что не отвертись! — обиженно мякнула Самаэлен и открыла переход. Теперь я точно знала, что кошка действительно Хранительница. Без всяких чар открыть путь в родную усадьбу мог только дух-хранитель.

Я ожидала, что повторится судьба альтаровского ковра, но Самаэлен, в отличие от магов, была девушкой. Когда-то давно, но была. И переживания о судьбе декора ей тоже были близки, а потому проявились мы на многострадальном крыльце.

— Так, сидишь дома, играешь с Жабкой, никуда не уходишь, — проинструктировала меня злая

кошка, вспомнившая о несохранности шкурки.

— Так точно, мэм! — Я даже честь отдала правильно, специально, прежде чем ладонь ко лбу приставить, расстояние от бровей отсчитывала!

— Иди уже, — сменила гнев на милость кошка и упорхнула в неведомые дали, за угол, чиститься от репьев. А голодная я поплелась в дом на разведку.

На кухне царило оживление, с приходом меня превратившееся в хаос. Загремела посуда, разбилась тарелка, вилки погнулись, а шумовка упорхнула в печку. Да, все были абсолютно и бесповоротно рады моему присутствию. Я отвечала им взаимностью: рассыпала соль, столкнула сахарницу локтем на пол, перепутала вилку с ложкой и хватанула уксуса вместо воды.

Откачивали меня всей кухней. И, судя по всему, в процессе и подружились. Ибо, стоило мне отойти от «напитка», как мне выдали нормальное мясо. И тут я вспомнила про бутерброды. К моему вящему ужасу, они канули в Лету, оставшись или в кондитерской, или на болоте. Ни демон, ни Самаэлен не придали никакого значения моей поклаже, и теперь я потеряла не только бутюки, но и корзинку. Горе-горюшко!

Заев свою трагедию первоклассным мясом, я подобрела и разленилась: к себе в комнату ползла медленно и счастливо, стараясь не трогать стены и уж тем более никуда не садиться. И только в собственной ванной почувствовала себя человеком!

Живым, чистым и промерзшим. Особенно страдали коленки, которые горячая вода легла нещадно. Выдохнув, я пристроилась в ванне, накидала в воду все, до чего только руки доползли, и лишь когда всю поверхность воды заняли листочки-лепестки, поняла, что слегка переборщила, и ванна превратилась в емкость для размачивания травок, а не посудину для помывки. Но дело было сделано, и покидать корабль капитан не решился.

Закончив с маринованием себя, любимой, я выбралась из ванны, чувствуя себя огурцом. Свежезасоленным, хрустящим огурцом, судьба которого еще не определена.

Решив предаться прокрастинации (в быту сдать лени, но с условиями), я, как и положено, принялась занимать свое время всем, кроме изучения матчасти. Помнится, Вита запихнула в мою сумку план отчета о практике, который неплохо было бы начать заполнять, раз уж время свободное выпало, но... Прокрастинация наше все, и я завалилась на кровать, размышляя о судьбах нашей родины и о том, чего умом не понять.

Выходило продуктивно, но неинтересно, и я полезла за справочником болотных рас, чтобы увидеть ровно на сорок третьей странице гордое наименование «Леденик Северный, умеренно зловредный». Ниже, криво-косо-кособоко значилось: «Существуют особенно ценные экземпляры, подтверждающие процесс эволюции ледеников от умеренного вредительства к злонамеренным акциям». И картинка — карикатура на Олисена. И даже подпись присутствовала, чтобы последующие поколения отроков знали врага в лицо.

Далее, вооружившись корректором, последний редактор книги оставлял свои ценные пометки, из коих следовало, что а) все леденики-мужчины патологически неверны; б) обладают талантом к перевоплощению и смене масок; в) свидания с ними — сплошная потеря финансов; г) наутро вся столица будет знать, куда и с кем он ходил и с каким результатом. Прочие особенности расы рассматривались впопыхах и вписывались по три строчки в одну.

С трудом, но я разобралась. Продолжительность жизни ледеников была сравнима с болотной и исчислялась тремя сотнями лет. К ста пятидесяти развитие останавливалось, и уровень силы больше не менялся. Также начинала ухудшаться регенерация. Впрочем, ухудшалась она столь медленно, что никто и не замечал изменений. Какая разница ведь, за одну секунду или за две царапина заживает?

Местом обитания гордого племени ледеников значилось северное болото. Оно единственное замерзало, ибо располагалось так далеко, что порядочные болотники таких мест и не знали. Зато знали выходцев из того региона. В последнее десятилетие многие леденики эмигрировали из родных мест и прочно обосновались в столице и окрестных городах.

Они открывали лавки, поступали в академии, женились и всячески портили жизнь местному среднему классу, занимая их исконные позиции. И благодаря своей живучести и удаче смогли вписаться даже в столичное общество аристократов, куда брали лишь по протекции. Кто был тем, кто впустил в совет первого леденика, история умалчивала, но, подсказывала мне интуиция, без королевы Кохи тут не обошлось.

Отложив книжицу, я уставилась в потолок. Ничего толкового на ум не шло, а спать, как назло, в середине дня не тянуло. Прогулки с Жабкой приносили разрушения, а один комплект одежды я уже успела испортить. Кухня... ей и так тяжело пришлось во время моего визита. Книга... Я покосилась на талмуд, медленно ползущий к краю кровати, и вздохнула. Интересно, полезно, но... лень.

А за окошком пели птички, стучали в окно крыльями и улетали в небо, минуя городскую защиту. Им неведом был страх: они просто не знали, что там, далеко в небе, их подстерегает плотоядный краст. И некому было объяснить эту простую истину.

Я тяжело вздохнула и села на кровати. В голове вертелись совсем уж безрадостные мысли: что было бы, послушай я тогда все инструкции? Если бы сделала все правильно? Появились бы болотники в моей жизни и какими бы они были? И что стало бы с одинокой никому не нужной мной в случае выбраковки? Что стало с Жаном, которого увели?

Я сглотнула. Во рту было очень горько. Так горько, что даже приторно-сладкий зефир не смог бы ничего изменить. Я упала на кровать, перевернулась на другой бок и погладила кожаный переплет справочника. Наверное, стоит поставить свечку или принести дары духу Великой Жабки.

Как бы в ответ на мои мысли по газону радостно запрыгала моя собственная Жабка и ударилась в стену дома. Устоял, но тряхнуло знатно. Следом послышалось шипение, с которым Самаэлен читала распоясавшемуся земноводному правила поведения. Жабка огорченно квакала, но нет-нет в ее голосе проскальзывала надежда.

Я прищурилась и выглянула во двор. Зря. Стоило Жабке меня заметить (а она смогла разглядеть любимую хозяйку и сквозь шторку), как прыжки стали выше, показательнее и энергичнее. Всем своим видом бедное земноводное выражало готовность служить верой и правдой на поприще передвижений. Вот уж кто бы в гонках поучаствовал и доволен остался!

— Уже иду, — открыв окно и высунувшись на улицу, заверила я и принялась переодеваться. Ради интереса мне захотелось сегодня не просто покататься, вцепившись в пупырышки и крепко обнимая ногами... хм, круп?... как я уже делала на болоте у Ваничны, а по-настоящему. С седлом и препятствием. Жабки же порода не только прыжковая, но и бегательная.

Натянув лосины, единственное, что было не жалко, ибо в приличном обществе появляться так стыдно, я спустилась и упала на газон, облизываемая соскучившейся зелененькой. Она так яро меня облизывала, что я заподозрила неладное и, наверное, обратилась бы с криками к нашему специалисту по уходу, но рядом со мной спрыгнула на землю Самаэлен и потянула носом.

— Ты в чем купалась? — вкрадчиво поинтересовалась она, закрывая лапой нос.

— Эм... — Я бы почесала макушку, если бы могла, но перерывов в облизывании Жабка не делала.

— Ясно, — фыркнула кошка. — До чего руки дошли?

— Угу, — промычала я, уклоняясь от очередного облизывания. — Стоп! Хватит! Запрет!

Но Жабка плевать хотела на все мои запреты и приказы, продолжая радоваться.

— Ну терпи тогда, — с затаенным удовольствием фыркнула кошка. — Пока весь запах не перебьет — не успокоится. Ты же пахнешь сейчас как вакантная хозяйка. Считаю, хочешь отказаться от нашей Жабки и другую себе присмотреть. Знаешь, как ты ее волноваться заставила? — Самаэлен ткнула лапой в земноводное. Почувствовав важность момента, Жабка отвлеклась и хмурилась.

— Ну прости. — А что еще мне оставалось делать? Пришлось лечь звездочкой и разрешить облизывать. А то обидится еще, уйдет, а нам гонки, может, светят. За честь и достоинство семьи. Кто его знает?

Как будто читая мои мысли, Самаэлен дернула хвостом и так аккуратно спросила, обращаясь больше к зелененькой, чем к безвольной мне, позволяющей из себя веревки вить:

— А вы знаете, что Зеленые гонки совсем скоро?

Я предпочла промолчать. Даже если они и близко, кто меня отпустит? Ну, я надеялась, что не отпустят.

Жабку слова кошки вывели из равновесия: ткнувшись в меня мордой, она жалостливо лизнула меня в щеку, боднула под спину и погладила перепончатой лапой.

— Что?! — не выдержала игры в мячик с собой в главной роли я. — Как будто нас отпускают?!

Вот зря, зря я так сказала. Знала бы, что они только этого и добиваются, — молчала бы как партизан, залезла бы в самый дальний подвал (а он у нас есть?) и не выползала до конца мероприятий.

— Отпускают, — подтвердила мои худшие опасения кошка, махнула хвостом и ушла улаживать «простые формальности». Жабка же наворачивала вокруг меня круги: седьмое небо жабьей радости оказалось близким как никогда.

— Ты точно этого хочешь? — приуныв, спросила я у земноводного. Та села рядом и серьезно кивнула, квакнув мне прямо на ухо для закрепления эффекта. — Ну если постараться...

Я сдалась. Позорно капитулировала под шквалом союзного огня и оказалась прижата к газону. Никогда раньше Жабка так не ликовала, что от полноты чувств прижимала меня к себе и с четверть часа не давала вылезти из-под брюха.

— Постараемся, если ты меня не угробишь, — простонала я, поднимаясь, когда земноводное вспомнило о своем помятом седоке.

Жабка извинительно квакнула и боднула меня, подталкивая к конюшне. Вот уж точно, прокрастинирую. Даже на скачки подписалась, только бы отчет не сочинять. А что будет, когда курсовую сдавать придется... О последнем я старалась не думать: вдруг не доучусь и буду порядочной женой. Хотя... скучно быть порядочной женой, лучше приличной кикиморой!

Вернувшись с Совета Ванична была напряженно задумчивой и слишком серьезной, но даже она не выдержала и улыбнулась, заметив творившееся во дворе безобразие. А происходило следующее.

Убедившись, что гордый жабий всадник не умеет держаться в седле, гордо задрал нос и ловя мошкору, наш эксперт принялся учить меня правилам посадки. Для этого во дворе соорудили странную конструкцию, на нее водрузили меня и сказали гордо сидеть. Я и села боком, чтобы на этих извергов смотреть. И тут седло принялось качаться, и я первый раз съехала на газон. Потом был второй, третий, четвертый... Я уже правильно сидела, ибо падать не хотела. Но! Стоило мне задуматься о гордо реющем носе, как предательский взбрык седла делал несостоятельным мои попытки реять. Я «грациозно» вспарывала воздух и падала на разложенные вокруг конструкции маты.

Под конец, который и застала Ванична, рядом со мной сидела Жабка и лапой крепко держала меня за запястье. Теперь я летала только к ней, стучаясь носом о ее брюшко.

— Что здесь происходит? — строго спросила старшая кикимора, оценивая ущерб, причиненный газону.

— Тренируемся, — ответила за всех Самаэлен. — Гонки на носу, а наш всадник только летать умеет.

— Полезное свойство, — хмыкнула Ванична и, подойдя ближе, помогла мне подняться. — Решила поучаствовать?

— Они решили, — пожаловалась я на самоуправство животной братии. — Мне ничего не оставалось...

Меня ласково обняли и поцеловали в макушку.

— Добрая и смелая, — прошептала Ванична мне на ухо. И вот как после этого я могла отказаться от этих адских тренировок?! — Но сейчас пора отдыхать. Прими ванну, я передам кое-какой состав, и синяков не будет, — пообещала она и направилась к дому.

— А как совет прошел? — бросила вдогонку я. Кикимора только плечами пожала, предпочитая не отвечать.

Отряхнувшись, чтобы не тащить грязь в дом, я пошлепала к себе мыться. Жабка, уставшая то ли от смеха, то ли от переизбытка эмоций, поползла к себе. И только Самаэлен довольно потянулась и ушла гулять по забору, патрулируя и следя за всеми окрестными котами, чтобы не смели ей изменить абы с кем.

Миновав ступеньки, я добралась до своей комнаты без происшествий, стянула все с себя и заползла в ванну. Баночки с травками и лепесточками впервые за свою бытность испытали настолько злой взгляд. А чего еще они добивались? Ведь из-за них мне пришлось уступить Жабке, и теперь все мое седалище ныло, а синяки проступали, как пятна у жирафа. Да уж, красавица! Одно только отражение в воде хмуро смотрело на свой оригинал, укоризненно ему грозя.

Быстро текла водичка, пахла елочка у окна, стрекотали кузнечики... Я со стонами выбралась из ванны, негодуя ругаясь себе под нос. На расстеленной кровати с заботливо откинутым одеялом стоял невысокий покосившийся бутылек.

Улыбаться я начала непроизвольно, и даже отбитый копчик проникся важностью момента, переставая болеть. Увы, совести у копчика было меньше, чем у страуса мозга, и гроза разразилась с новой силой, заставляя мой рот исторгать порывы громовой ругани. К сожалению, почти все здесь художественное преувеличение, но какая уважающая себя кикимора признается, что доползла до кровати, натерлась непонятной мутной субстанцией и завалилась спать? Вот и я не признаюсь!

Заставив бутылек помутнеть от стыда, я убрала его на прикроватную тумбочку и рухнула поверх одеяла, ожидая, пока все впитается. Окна я, конечно же, не закрыла: еще не привыкла, что кто-то может подглядывать сверху, и теперь, уткнувшись носом в подушку, размышляла о превратностях судьбы. Отбитый поп — не лучшее зрелище, которое могут наблюдать туристы. Впрочем, приличные туристы наверняка бы отвернулись. Только где же такие водятся?

Оставалось надеяться, что в позднее время суток туристы не ходят по верхним болотным тропам, или же они унесут все свои видения к крастам. Последнее было кровожаднее, но надежнее.

Над домом согласно провыли, как будто вышеупомянутые насекомые заручились благословением Альтара и подслушивали мои подленькие мыслишки. Проверив свой целлюлит, я поняла, что зелье отменное, быстро впитывающееся, и заползла под одеялко. Свет погас сам, как будто только и ждал подходящего момента. И тут мне приспичило!

Ага, самым противным образом приспичило погадать на суженого. Как там... «сплю на новом месте?»... Память услужливо подкинула обломательную мысль, что сплю я здесь уже не первый раз, но кто будет слушать эту вечную противницу лучших идей?

Кивнув, хотя никто не мог оценить мою решительность, я зажмурилась и скороговоркой отбарабанила известное:

— Сплю на новом месте, приснишь жених невесте.

Для закрепления успеха повторила это раз пятнадцать, пока в горле не пересохло. Но уж теперь-то все боги меня услышали. И Великая Жабка, и прочие неказистые сущности.

С чувством выполненного долга я уснула, разморенная теплым одеялком и ожиданием приятного сна.

Ага, очень приятный сон! Первый раз я проснулась ночью: под окнами пели серенады хвостатые ухажеры Самаэлен. Их слух и исполнительские способности, может, и считались верхом мечтаний среди кошачьего племени, но, по моему скромному мнению, недотягивали даже до уровня музыкальной школы.

Перевернувшись на другой бок, я натянула одеяло на голову и попыталась заснуть. Сон, как назло, не шел, зато всякие упаднические мысли о собственной никчемности и неминуемом поражении преследовали меня ежесекундно, как и напоминания о глупости и недальновидности.

И зачем только я полезла в гонках участвовать? Патриотические чувства зыграли? Так их другим способом можно подкармливать. Налоги там заплатить или со стола убрать, тапочки в горе поправить и пересчитать. Ведь кучу полезных вещей совершить можно!

Тяжело вздохнув, я откинула с головы одеяло: коты все так же признавались в любви Самаэлен, а эта мерзавка сидела и хихикала на балконе, не жалея моих бедных ушей. Потянувшись, я сползла с кровати, кое-как попав ногами в тапочки, и отправилась прочищать мозги котам или одной кошке, которая позволяет себе развлечения на рабочем месте.

Выход на балкон второго этажа имелся только из коридора, и мне пришлось на ощупь передвигаться по нему, рискуя скинуть картину или споткнуться о ковер. Ваз, к счастью, болотники в коридорах не держали. То ли призраков было столь много, что жителям надоело слушать их стоны и убирать наутро осколки, то ли лунатиков среди зеленой расы насчитывался немалый процент, но такое интерьерное излишество, как ваза, напрочь отсутствовало в коридорах моей новой родины.

На улице заметно похолодало, и я в одной пижамке быстро ощутила себя неуютно и как-то зябко. Ветер совсем неласково потрепал мой сонный шухер, и зубы ответили ему чечеткой. Гениальная идея сходить за одеялом столкнулась с ленью. Пришлось мерзнуть.

— Хватит уже орать! — прокричала я котам. Животные на миг затихли, давая мне возможность убраться и уйти самостоятельно, и запели вдвое громче. И что они доказать хотят? Думают, Самаэлен оценит? Наивные!

Спустя минуту, когда я подумывала о том, чтобы спуститься и шугануть распоясавшихся хвостатых, Самаэлен неожиданно одобрительно мяукнула котам. Предательница.

— Самаэлен! — недовольно окликнула я котяру. — Домой топай и разгони весь этот бедлам!

— Кому бедлам, а у кого свидание накрывается, — заскочив на балкон, раздраженно сказала кошка. — Спать иди. Вышла тут, сама мерзнет, так и другим с личной жизнью мешает. Если свою уже устроила — другим дай насладиться.

— И ничего не устроила! — негодуяще воскликнула я. — И вообще, ты мне спать мешаешь со своими лямурами.

— Злая ты девочка, Данька, — внезапно мурлыкнула коть. — А все почему?

— Почему?

— Потому что твой кот рядом ходит, но не заглядывает, — поделилась наблюдениями Самаэлен и подмигнула: — Хочешь, я тебя к нему отправлю? Ваничне не скажем, а утром я тебя заберу. Собраться успеешь, обещаю.

— Да нет у меня...

Покачав головой, отчего усы заколыхались волнами, Самаэлен запрыгнула мне на плечо и... таки перенесла куда-то, мерзавка. Перенесла и смылась, выпрыгнув в окно. А безопасность как же?! Вот уж котяра ненормальная! У меня из-за нее гадание накрывается, а она...

Погрозив негодяйке кулаком, я огляделась. Воля взбалмошной котяры забросила меня не пойми куда, то есть этого места я не знала и ни разу здесь не была. Пастельные обои, паркет на полу, стол мощный (с вековой гарантией, не меньше!), стул довольно высокий, у меня бы ноги до пола не достали. Всякие скомканные бумажки, вид которых не вызывал ничего, кроме желания развернуть и глянуть, чем они владельцу не угодили.

Склонившись над одним из комочков, я удачно скрылась под столом. Света луны не хватало, но включать освещение в незнакомом месте мне не хотелось: палево это, палево. Еще нарвусь на какого-нибудь ненормального, который шибко воинственный окажется и подпалит мне прическу на радостях от нашей встречи. Чур меня. Вот вернется Самаэлен, за хвост отгаскаю! Портить мне нервы, когда от них и так тень одна осталась, и та просвечивает!

Открывшаяся дверь заставила меня сильнее вжаться в стол, надеясь, что он не станет катиться по паркету. Иначе вся маскировка насмарку. Затаившись и дыша через раз, как самый настоящий бандит, я хаотически придумывала отговорки и оправдания. И когда уже почти решила, что буду врать, меня позвали:

— Данька? — Голос был на удивление знакомым и усталым. Неужели он не рад меня видеть?! — Что ты здесь делаешь?

— Сажу! — с облегчением от понимания, к кому меня занесло, призналась я. — А ты?

— Стою, — так же немногословно ответил Альтар, обошел стол и сел рядом на пол. — Теперь сажу.

— Ага, и я, — вздохнула, выбираясь из-под стола.

— И что теперь? — несмотря на усталость, слабо улыбнулся магистр.

— Сидим, — озвучила планы я и воспользовалась случаем: — А чем тебе листочки не угодили?

— Листочки? — Маг взглянул на комочек в моих руках и нахмурился. — Ты заглядывала?

— Ну... — протянула я. С одной стороны — читать чужую переписку нехорошо, с другой — а чего вы от кикиморы ждали? — Нет, — созналась я, припоминая, что некоторые мои мыслишки подленькие читают на раз-два.

— Не успела? — понятливо осведомился маг.

— Света мало, — пожаловалась я. — Ты стол в неправильном месте поставил!

— Переставим, — пообещал маг и притянул меня к себе. Как оказалось, в воспитательных целях. — Ты что здесь делаешь, горе луковое? А если бы я тебя не узнал?

— Меня нельзя узнать, только заметить, — свредничала я. Но мы оба поняли, что я рада его видеть. И да, вины не признаю, так что сверкать глазами бесполезно.

— Ау, нечестно так! — возопила я, когда этот нехороший субъект решил провести воспитательный момент и хлопнул ладонью по моей многострадальной попе. — Она и так устала и болит. А ты еще тут!

— Болит? — В глазах мага промелькнула неподдельная тревога. Он поднялся и сделал ко мне пару шагов, пялясь на самую выдающуюся (в ловле неприятностей!) часть тела.

— Нет, не покажу! — заорала я и бросилась наутек. — Меня уже полечили. И вообще, нельзя так на незамужних девушек пялиться!

— А на замужних? — поинтересовался особенностями болотного мировоззрения Альтар, подкрадываясь почти так же незаметно, как и северный пушной зверек. Нет уж, мы к песцам привыкли, нас не проведешь!

— А на замужних — с согласия и по обоюдному сговору, — подумав, изрекла я и рванула в соседнюю комнату.

Свет ударил в глаза, и меня все же поймали, перехватив за талию и подняв в воздух.

— Альтар, а что она здесь делает? — воскликнул ошарашенный моим внезапным появлением Лиан.

— А ты что сам здесь делаешь? — следуя лучшему в мире способу перевести тему, выпалила я, ощущая тепло на попе.

— Живу, — хмыкнул младшенький, хитро взглянул на руки Альтара и пакостно ухмыльнулся: — я, наверное, пойду.

— Иди, — отпустил Лиана Альтар.

— Останься! — пискнула я, но кто будет слушать бедную краснеющую меня?

— Я скажу, чтобы тебя не беспокоили! — пообещал брат и громким шепотом, явно обращаясь ко мне, добавил: — Родители тебе понравятся.

— Иди уже, — настойчивее отослал младшенького Альтар. Меня он так и не выпустил. Только когда лишние покинули комнату, маг отстранился, кивнул мне на диван и уселся напротив. — На лошади каталась?

— Гордую посадку репетировала, — призналась я, аккуратно прощупала диван на предмет забытых неожиданностей и присела на краешек.

— Получалось?

— Иногда, — решила немного преувеличить собственные актерские способности.

— А здесь как оказалась? — не меняя тона, спросил маг, и я погрозила ему кулаком.

— Нечестно. Ты мог меня врасплох застать!

— На это и рассчитывал, — признался этот невозможный товарищ. — Не признаешься?

— Я гадала, — начала издалека я, но решила немного подсократить историю: — И вот я здесь.

— Исчерпывающе, — усмехнулся Альтар и внезапно заинтересовался: — И на кого гадала?

— На суженого, — смутившись, ответила я. Попа перестала даже ныть, не давая отвлекаться от ставшей чересчур интимной беседы.

— И каков результат? — подначивал маг. Он даже наклонился вперед, демонстрируя, как ему интересен ответ. Ага, шаз!

— Никакой, — грустно покачала головой я, притянула к себе подушку и обняла ее вместо плюшевого мишки. — Меня разбудили! — пожаловалась на несправедливость. — Коты спать не давали. Мысли всякие лезли. Проголодалась еще...

— Бедняга, — посочувствовал Альтар и произнес одно слово, за которое я могла простить ему едва ли не все: — Покормить?

Отказаться от столь заманчивого предложения не смогла бы даже самая неприличная из кикимор, а потому я кивнула и ухватилась обеими руками за мага.

— Я закажу сюда, — обломал мне все удовольствие мужчина.

— Ты лучше готовишь! — проныла я, жалобно шмыгнула носом и отвернулась.

— Даже лучше, чем болотники? — задал провокационный вопрос маг.

— Лучше, — призналась я.

— Ладно. — Он взъерошил мне и без того запутанные лохмы. — Идем на кухню.

Мой победный клич наверняка разбудил весь отель. Увы, это оказался не отель.

Что такое кража со взломом? Об этом я думала последние две минуты, пока стояла на стреме, а Альтар искал ключи. Вокруг было темно, тихо и едва-едва поскрипывал потолок, выдавая ту простую истину, что мы не одни.

Щелкнул замок, и, как бы в оправдание за заминку, дверь начала крениться вниз.

— Лиан! — прошипел сквозь зубы Альтар, помяная младшего братца.

— Его здесь нет, — поделилась выводами я, на всякий случай оглядевшись. — А кто дверь сломал?

— Не знаю, — пожал плечами маг и, удерживая за ручку, отодвинул дверь в сторону, заставив ее опираться на стену. — Прощу!

— Захожу, — бодро ответствовала я и подтолкнула мага вперед. Альтар наверняка недоуменно вздернул бровь, но увидеть это я не смогла: темно же вокруг. — А вдруг там еще падающие двери есть?

— Свет, — коротко распорядился магистр, и вокруг стало светло. Лестница, коридор и кухня одновременно обрели видимые черты, а я поняла, что стою, обняв мага за талию, и практически дышу ему в затылок.

— А тут точно никого нет? — задала интересующий меня вопрос и отлепилась от Альтара. Тот поморщился и притянул меня к себе. А ничего так, в обнимку тоже стоять приятно. Особенно когда дышат в сторону, а не на тебя.

— Никого, — заверил маг и проникновенно, отчего у меня коленки подогнулись, спросил: — Что готовим сегодня?

Я засмушалась, раскраснелась, опустила глазки в пол и, стараясь радостно не заорать, тихонько выдала:

— Мяса хочу!

Коридор взорвался от нашего общего смеха, а шаги наверху совсем затихли.

— Подслушивают? — хитро осведомилась я, показывая пальцем наверх.

— Я принял меры, — отрицательно покачал головой Альтар и создал блестящий туман. Наверху недовольно постучали по батарее. Маг пояснил: — Наблюдение вышло из строя.

— А еще что-то есть?

— Разве что незваные гости. Магистр Бродсед любит являться без предупреждения, но я позаботился, чтобы о его приходе мы узнали заранее.

— Это хорошо.

Перспектива встречи с ректором во время трапезы с Альтаром меня напрягала. Если Лиана я готова была терпеть, хотя не нравились мне его лукавые взгляды, которые он на меня бросал, а уж за намеки и вовсе стукнуть хотелось, то ректора я бы и вовсе отказалась встречать за рамками школы. Вот напрягал меня этот добрый дедушка. А вспомнить, что он руководил смотром иномирцев...

По коже пробежал холодок, и я сильнее вцепилась в Альтара: уткнулась головой ему в грудь, обняла сильно-сильно...

— Все хорошо, — тихо заверил меня маг. — Чего испугалась?

— Не хочу, чтобы все внезапно кончилось, — призналась я. — Чтобы увели, как Жана, чтобы... — Я начала задыхаться. Во рту было совсем сухо, а ноги подкашивались уже по совсем иной причине.

— Этого не будет. — Альтар погладил мои волосы, чуть отстранился, приподнял мое лицо за подбородок и, глядя прямо в глаза, пообещал: — Я не дам никому тебя обидеть.

— А они спрашивать не будут, — сглатывая, проговорила я.

— Будут. Им придется со мной связываться. Все, что касается тебя, я решаю лично, — отчеканил Альтар и губами коснулся моего лба. — Все будет хорошо. Ничего не бойся.

— Ты слишком добрый.

— Нет, я очень эгоистичен, — признался маг. — И просто не терплю, когда кто-то покушается на мое.

— Так уж и твое?

Я слабо улыбнулась. Альтар говорил так уверенно, так серьезно, что я поверила его словам. Поверила, потому что отчаянно этого хотела. Но... все еще боялась ошибиться.

— Мое и только мое, — заверил маг и напомнил: — Я же обещал тебя беречь, помнишь?

— Ага, только не меня, а царевну! — внесла ясность я, припоминая нашу «свадьбу».

— Тебя, — рассмеялся Альтар. — Какой мне толк с царевны? Appetita — ноль, жизнелюбия — ноль, одно только развлечение на уме — поедание нервов супругу и свите.

Я прыснула от смеха.

— Тогда корми, — распорядилась я. — А то уйду к болотнику.

— Не уйдешь, — уверенно сказал Альтар и ушел к плите.

«Не уйду, — подумалось мне с улыбкой, глядя, как споро он работает на кухне. — Самой нужен!»

Кушать пришлось много. И вкусно. И полезно. И с витаминами тоже дела обстояли прилично. В общем, готовил Альтар на пять с плюсом или даже на шесть (по пятибалльной системе).

С грустью проводив последний кусочек в недра своего желудка, я разморенно улыбалась, отдавая всю лишнюю энергию на пищеварение. Напротив сидел Альтар и с видом заботливого родителя подкладывал мне кусочки. Сам он предпочитал не есть ночью, о чем сообщил в самом начале. Наивный, покушать ему все же пришлось. Ну не лез мне кусок в горло под его задумчивым взглядом.

— Спать хочу, — протянула я, пытаясь устроиться поудобнее на стуле и задремать.

— Идем, — позвал Альтар, поднимаясь и протягивая руку.

— Не хочу идти. Здесь спать буду, — закапризничала я, пытаюсь свернуться клубочком на стуле и ладошки под щеку подложить.

— Здесь неудобно, — увещевал меня маг.

— Спать, — выдохнула я, закрывая глаза. Слух при этом напрягся и улучшился, давая возможность хоть немного отслеживать действия лучшего в мире повара.

— Горе ты мое, — совсем уж ласково прошептал Альтар и поднял меня на руки. Понимая, что до кровати меня донесут и даже не уронят, мозг ушел отдыхать. А вместе с ним вырубилась я. Сны не снились. Реальность была слишком хороша, чтобы эти дешевые подделки могли составить ей конкуренцию.

Разбудили меня на рассвете, потоптавшись грязными лапами по щеке, за что и были скинуты на пол под недовольное мычание. Я перевернулась на другой бок. Через минуту ногам стало холодно: одеяло медленно стягивали на пол упертые кошачьи.

— Еще рано, — простила я и дернула пропажу на себя.

— Еще немного — и будет поздно, — прошипели мне на ухо.

— Ну еще чуть-чуть. Первую пару и прогулять можно, что там по расписанию? — недовольно пробурчала я, не открывая глаз, но щупая рукой пространство в поисках потерянной подушки.

— Практика! — взвыла кошка.

Я подскочила прежде, чем успела проснуться, дернулась к краю кровати, где обычно скидывала одежду, и замерла. Я была в пижаме, в кровати, но одежды не было. И комната не моя. Но и чужого никого...

Самаэлен прикрыла рот лапкой и фыркнула:

— Проснулась наконец?

— Домой! — взвыла я, поднимая предательницу-коть за шкуру. — Переноси обратно! Если Ванична узнает...

— Не узнает, спит еще, — успокоила Самаэлен и перебралась на плечо. Контур комнаты исчезли, а спустя пару мгновений (как-то долго!) я выпала на свою кровать. Кошка приземлилась на шторы, ободрав одну с концами.

— Ты как? — встревожилась я, переползая поближе к месту катастрофы.

— Там такая защита стояла! — обвинительно возопила кошка, запрыгивая на кровать. — Я когда тебя туда отправляла, все добрее было. А знаешь, чего там наплели? Да столько силы вбухать — это кто такой параноик?

— Альтар? — предположила я. Коть подавилась воздухом и медленно так переспросила:

— Альтар Райген?

— Да, — согласно закивала я. — Больше никого не было!

Кошке стало плохо.

— И я тебя... к нему? — наконец пришла в себя Самаэлен.

— Ага, — радостно подтвердила я и, раз уже все равно проснулась, принялась за допрос: — А чем он такой особенный?

Кошка подавилась воздухом.

— Ты не знаешь? — удивилась она.

— Никто не просветил, — развела руками я. — Только всем почему-то плохо становится, когда они нас вместе видят.

— Немудрено.

Кошка фыркнула и потянулась, впиваясь когтями в ковер.

— Но все же? — не унималась я, сползая на пол, чтобы быть ближе к хвостатой партизанке.

— Все же... Все же хочу я видеть лицо Кохи, когда ты их знакомить будешь!

Кошка мечтательно сощурилась, села, обвив хвостом лапы, и зевнула.

— Элен! — окрикнула я, протянула руку, чтобы схватить молчунью за шкурку, но кошка как почувствовала: отпрыгнула в сторону и, задрвав хвост, выскользнула в приоткрытое окно. Вот уж... продуманное создание!

Недовольно стукнув подушку, я легла на кровать и натянула на себя одеяло. В комнате было прохладно, несмотря на лето, и я озябла, пока разговаривала с вредной котей.

Медленно уходил рассвет. Светало. С каждым мигом светлело все больше. Спустя пару минут солнечный луч коснулся моего лба. Становилось жарко и слишком тепло, чтобы продолжать утренний сон на радость себе и окружающим.

Потянувшись, я выползла из-под одеяла, прошла в ванную и случайно увидела себя. Выходной не пошел мне на пользу: невыспавшаяся, с кругами под глазами и зеленоватым (не иначе от волос отливало) лицом, я являла собой образец народных представлений о болотнице.

Тяжело вздохнув, поняла, что тональником, пудрой и прочими прелестями косметической индустрии владею слабо и посредственно, ибо собственной почти не держала, а Вита красила окружающих сама и с удовольствием.

Слуги только начали готовить завтрак, когда с лестницы спустилось чудище неопишемое и загробным голосом начало клянчить что-нибудь водостойкое и матовое. Проникнувшись моим горем (или желая уберечь себя от нервного срыва при виде ЭТОГО), мне щедро отсыпали у кого что было и выделили подмастерье в помощь.

Спустя час явление меня народу уже не вызвало стойкого чувства жалости и отвращения, и мы с помощницей облегченно вздохнули. В первую очередь она, ибо теперь ей можно было идти на все четыре стороны на кухню и не видеть зевающей госпожи, неспособной определить, какой цвет пудры ей больше идет и как она хочет подвести глаза.

Проконтролировав сооружение бутербродов, я взбежала по лестнице вверх, поцеловала на прощание Ваничну, которая только собиралась чаевничать, и выскочила под лучи еще просыпавшегося солнышка. На улице царила прохлада, но никто не сомневался, что через час от нее не останется и следа, но пока я ежилась, бодро передвигаясь в сторону зоопарка.

Очереди еще не было. Позевывая, одинокий зритель пустил меня на территорию и вернулся в свой домик. Я взглянула на часы и вздохнула: еще больше получаса до открытия. А потому персонал сонно ходит между вольерами и проверяет животных, пересчитывает птиц и с опаской бредет к крастам, чтобы оглушительно заорать, не досчитавшись одного.

Сердце пропустило удар. Думать, что прямо сейчас над тобой может парить плотоядная мошка, было весьма волнительно. Решив успокоить себя, я взглянула в небо. Кровь стремительно прилила к ногам, мозг отключился и остался самый древний инстинкт — самосохранения.

— Он здесь! — заорала я и бросилась бежать, распаляя интерес краста к себе. Нет чтобы промолчать и ветошью притвориться.

И вот бегу я по зоопарку, огибаю скамеечки, перепрыгиваю через бордюры, думаю о тленности бытия и о великом. Великом и трехэтажном серпентарии, который ближе всего ко мне и в который надо успеть заскочить до того, как противные лапки подхватят меня за что-то и понесут куда-то.

Мирно зеленеет травка, скрипят ворота, орет кто-то из зрителей... Я повернула к ним голову и едва не упала, отвлекшись на их абсурдные идеи. Останавливаться? Мне? Сейчас? Когда краст целится в меня? Нет, спасибо. Я лучше пробежусь. Говорят, для здоровья полезно. А в моем случае и продолжительность жизни увеличивает.

Предательский камень сам прыгнул под ноги, напомнив, что прошлым вечером я профессионально отработала прорезание воздуха носом. Вышло красиво и ярко. К сожалению. Еще и больно, и кроваво. Вот так, в считанные секунды, ринопластика стала необходимостью. Впрочем, вряд ли красту есть дело до формы носа своей еды.

Зажмурившись, я приготовилась орать и отбиваться, но ощутила только нечто холодное и противное, коснувшееся моего лица и заботливо ткнувшееся в сломанный нос.

С опаской приоткрыла один глаз и тут же зажмурилась. На меня с интересом пялился краст, дыша своим смрадным ментоловым дыханием прямо в травмированный нос.

— Уйди! — Я врезалась руками в его тушку и попыталась отодвинуть. Краст недовольно завопил. — Ешь тогда! — Насекомое посмотрело на меня, как на необремененную мозгом девицу, пожало крыльями и плюнуло мне в лицо. — Больно! — прошипела я и дернулась в сторону. Ну то есть попыталась. Меня тут же придавили к земле, напоминая, что распоряжаюсь здесь вовсе не я.

— Осторожно! Замри! — распорядился кто-то извне. Я хмыкнула. Странно было бы, если бы под центнером, а то и больше, я спокойно ерзала или пыталась бежать. Уже с каким-то спортивным интересом я наблюдала, как медленно леденеет краст, как смыкаются его глаза, чувствовала, как текут слезы по моему лицу, как будто мне было жалко это чудище, едва меня не сожравшее.

— Ты в порядке? — Ко мне наклонился один из зрителей-болотников. — Сейчас отодвинем, и сможешь встать.

Я молча показала ему большой палец. Тот вздернул брови в удивлении, но промолчал, продолжая делать свою работу. Мне оставалось только повернуться так, чтобы кровь капала вниз, а не текла в рот. Сложная задача, если вы лежите под ледяной статуей, которая замерзла, прижимая вас к земле.

— Отойдите, — сухо распорядился знакомый голос. — Данька, закрой глазки и не двигайся.

Выполнять поручения этого человека я стала незамедлительно. Хоть и вредный, Альтар всегда искренне за меня переживал. И если уж появился... Я оцепенела: как он вообще узнал, что мне нужна помощь? В то, что он мимо проходил, верилось с трудом. Следил?

Я неосмотрительно открыла глаза в самый неподходящий момент. Ледяной краст как раз разлетелся на колючую пыль.

— Данька! — негодуяще воскликнул маг и присел на корточки рядом со мной. — Открой глаза и не моргай, — попросил он. А мне было так до чертиков неприятно, что хотелось моргнуть и пустить слезу. Но я терпела. Слезы появились сами и, по ощущениям, принадлежали совсем не мне. — Можешь моргать, — разрешил Альтар, помогая подняться и обнимая мою ослабленную тушку. — Когда ты уже начнешь слушаться?!

Посчитав вопрос риторическим, я промолчала.

— Горе ты мое! — устало сказал маг, взъерошил мне волосы и шепотом спросил: — Почему ты ушла и ничего не сказала?

— Не успела, — тихонько ответила я и поспешила отстраниться: не хотелось, чтобы замершие болотники плохо о нас подумали. Или напротив, хорошо, но не в том направлении. — Куратор, спасибо вам... — начала я официально.

— Не стоит, — оборвал формальности Альтар и обернулся. — Рад, что вы уже здесь.

— Это моя работа.

Я перевела взгляд на обладателя голоса и узнала Олисена. А что он тут делает? Еще и так странно говорит, как будто намекает, что для Альтара появление здесь работой не было. И он прав, конечно, но...

— Как и моя, — отчеканил маг и добавил: — Позаботьтесь о моей подопечной. Во время практики вы обещали обеспечивать их безопасность, но сложившиеся обстоятельства заставляют меня усомниться...

— Этого не повторится, — заверил его леденик и едва слышно добавил: — Если вы перестанете вмешиваться в наши дела.

Я бы послушала их разговор и дальше, но проигнорировать несущуюся ко мне Виту было невозможно. Она вцепилась в меня как клещ и оттащила к зданию администрации, не обращая внимания вообще ни на что. Только там, буквально скинув меня на диван, она сжала мой подбородок, не давая отвернуться, и начала что-то шептать.

— Не понимаю! — хрипло сказала она спустя пару минут.

— Чего не понимаешь? — тряхнув головой, недовольно буркнула я. Вот еще, хватает, тащит, больно делает. И тут до меня дошло. Я почувствовала, что Вита сделала мне больно. Вита! То есть до этого момента боли не было, а значит, мой нос... Я дотронулась до пострадавшего хрящика, но он стоял на том же месте, что и должен был быть. И в том же положении. И дышать удавалось легко и непринужденно, как будто проблемы и не было.

— Перелом был, но его нет, — сухо пояснила кикимора. — Или у тебя улучшилась регенерация. Настолько, что обогнала всех других болотников, либо кто-то уже тебя лечил.

— Альтар не лечил, — покачала головой я.

— Тогда я не понимаю, что произошло. Потерпишь немного, я хочу проверить?

Ответа она дожидаться не стала, просто поцарапав мне палец.

— Больно! — сердито крикнула я и хотела было засунуть палец в рот, но Вита словила за запястье.

— Потерпи. Наука требует жертв.

— Это ты их требуешь, — промычала я, разглядывая, как ничего не происходит. Автоматически заозиралась в поисках пластыря, но вспомнила о его отсутствии на просторах нового мира. Решено, следующим проектом мануфактуры будет пластырь. Заодно и заработаю!

— Странно, регенерация немного хуже болотной, — отметила Вита, дождавшись, пока царапина затянется. — Что еще с тобой происходило?

— Плюнули в меня! — поделилась позором я, отползая подальше. Ну их, эти эксперименты!

— Кто плюнул? — заинтересовалась Вита, но резко нахмурилась и поднялась. — Это нужно проверить.

— А я? — понимая, что кто-то сейчас уйдет и оставит меня одну-одинешеньку, крикнула ей вдогонку я.

— Тебя отпустили на сегодня. За отвагу и храбрость, — хмыкнула Вита. — Потрепанно же ты выглядишь!

— Было бы удивительно, если бы ничего не помяла, — едко хмыкнула я. Предательница! Взяла и смылась версию проверять, а мне... а меня... Я икнула, что в полной мере свидетельствовало: забыли меня не все. Более того, кто-то активно вспоминает и, судя по шагам в коридоре, даже идет навестить.

Приготовившись страдать, чтобы начальство не усомнилось в моем героизме, я растеклась по дивану, картинно откинула ручки, закатила глаза и всерьез раздумывала, не высунуть ли язык, но посетители не располагали к показухе.

На пороге, бледная и сонная, высилась Дженджин. За ее спиной маячил Олисен. При виде моей позы его губы дернулись, но удержали уважительную гримасу. От комментариев сей субъект также воздержался, за что ему плюстик в карму. Если бы он еще не пялился так на кровавые пятна на моей майке, было бы и вовсе здорово!

— Даня, ты в порядке? — выдала, наверное, самый частотный вопрос принцесса, усаживаясь рядом. Олисен, который прошел следом за ней, остановился у подоконника и не подсматривал, хотя уши его дергались, выдавая интерес.

— Уже да, — призналась я, ощупывая свой нос. Все еще не верилось, что он пришел в норму. — Он не кривой?

— Кто? — не поняла Дженджин, почему-то косясь на замершего Олисена.

— Мой нос, — тыкнула я в хрящик и задрала его вверх, чтобы принцессе было удобнее проводить осмотр.

— Как и был, — медленно проговорила девушка после пятиминутного осмотра. — Что-то случилось?

— Я его сломала, — вздохнула я и выдала самую сокращенную версию: — Но краст в меня плюнул, и нос зажил.

— Краст? — Нет, они определенно фанаты аниме со всеми вытекающими. Так увеличивать глаза без тренировок и хирургического вмешательства... Профи. — Они же плотоядны.

— Может, не все. Этот меня даже не надкусил, — с видом эксперта сказала я. — А ты здесь только из-за меня?

— Почти, — нахмурилась принцесса. Веселье ушло с ее лица, оставляя после себя лишь суровую сосредоточенность. — Нужно кое-что проверить. У меня нехорошие предчувствия.

Проверять мы пошли все вместе. Мне было скучно сидеть одной в администрации, принцесса не хотела оставлять пострадавшую меня без присмотра, а Олисен должен был сопровождать Дженджин. Тайными тропами, среди бела дня мы крались к сердцу горы, приветливо кивая знакомым. То есть кивала Дженджин, а мы повторяли за ней знаки вежливости, и только спустя пару шагов я налетала на нее с вопросом из серии «кто был эта розовая жабочеловека?». Принцесса хихикала в кулачок, но отвечала.

В горе было жарковато. Это я поняла сразу, когда первая капелька пота скатилась по моему лбу. Я провела по нему, стирая зарождавшиеся ручейки, и посмотрела вниз. Почти все тапочки лицом к пещере, и только одна пара как господь на душу положит. Обе тапки были развернуты к выходу, еще и кривой угол между собой имели.

— ДжейДжей, — позвала я принцессу, которая уже расправилась с обувью и сделала пару шагов в пещеру. — А здесь кто-нибудь обувь расставляет?

— Должны, — ответил вместо нее Олисен и наклонился к тапкам. — Выговор.

— Потом, — одернула нас принцесса и поспешила в глубь пещеры. Мы — за ней.

В зале, в котором еще вчера проходил совет, было темно и мрачно. Редкие огоньки вспыхнули при нашем появлении, еще больше потухло, как будто батарейки отдали последние крохи накопленной энергии.

— Свет, — глухо распорядился Олисен, но ничего не произошло.

— Свет! — Принцесса была настойчивее. Она призвала свою силу, и огромный зеленовато-желтый шар взмыл под потолок. В его сиянии все мы казались не первой свежести покойниками, но стоило Дженджин взглянуть туда, где хранилось Сердце, и цвет перестал быть иллюзией. Побледнев, принцесса опустила на пол.

Олисен был более стоек. Он медленно подобрался к месту, где еще недавно лежало на подставке Болотное Сердце, погрузил руки в туман, окружавший постамент, и быстро их отдернул.

— Естественная защита Сердца не снята. Его забрали без магического вмешательства.

— Просто унесли? — Принцесса истерически рассмеялась. — Вот так просто? Ты можешь себе представить, чтобы кто-то взял артефакт и выжил?

— Не далее как пару дней назад, все мы видели, что такое возможно, — напомнил Олисен и выразительно уставился на меня.

— Не смей обвинять члена моей семьи! — прошипела принцесса, не просто приходя в себя, но гневаясь.

— Это не обвинение, но, — Олисен усмехнулся, — даже вы, миледи, работали с Сердцем, используя барьер. И у меня возник вопрос (удовлетворите уж мое любопытство), чем вы, наследница семьи, отличаетесь от внезапно появившейся кузины?

Мужчина подошел ко мне и оценивающе оглядел с ног до головы. Я отступила на пару шагов, не зная, что говорить или делать. Семья наверняка знала, чем именно я отличаюсь от Дженджин или королевы, что не так в моем происхождении и появлении, но станет ли принцесса говорить об этом?

— Хорошо, я это проверю, — твердо, чтобы скрыть, как дрожит ее голос, сказала девушка. Шатаясь, она поднялась и тут же исчезла.

— Сообщить во дворец, — пояснил Олисен, присаживаясь прямо посреди зала и хлопая по полу рядом с собой. — Присаживайтесь, ваша светлость. Нам предстоит долгое ожидание.

Я не села: не могла успокоиться, чтобы спокойно наблюдать, как гаснут один за одним огоньки, как остается лишь мертвенный свет осветительного шара принцессы, как с каждой секундой становится серьезнее и враждебнее Олисен.

— Они же найдут его? — спросила я леденика, пытаюсь хоть как-то отвлечься. На ум шли плохие мысли.

— Постараются. Без хранилища он будет фонить.

— А когда я его брала, фон был? — быстро спросила, пока леденик отвечал мне.

— Нет, не было, — подумав, припомнил мужчина и нахмурился.

— А какое хранилище способно скрыть фон? — не унималась я, понимая, что реликвию стянул кто-то из иномирцев. Иначе ее просто не вынесли бы. Первый встречный понял бы, в чем дело.

— Шар Грез, — пожал плечами Олисен. — Если Сердце поместить в него, оно начнет питать артефакт, и фона не будет. Шар заберет все на себя.

— Грезы?

— Небольшой шарик на цепочке. Был утрачен пару веков назад на болотах Кирстена. С тех пор не найден.

В голове щелкнуло. Идея была абсурдной, но имела право на существование.

— А если он нашелся?

— Тогда мы не сможем вернуть Сердце. Его ничто не обнаружит.

— А сами Грезы обнаружить можно?

— Да, — кивнул Олисен. — Потребуется много силы, но примерное местоположение установить можно. Именно так и поняли, что артефакт покоится в Кирстене.

— Мне нужно кое-что вам показать, — помедлив, решила я. Если мой любимый заварник — артефакт, то мир сошел с ума. Впрочем, если нет — у нас проблемы. Еще более крупные, чем ныне.

— Прошу прощения, но смотреть...

— Это важно! — оборвала я его. — Когда уже здесь кто-нибудь появится?

— Устали ждать? — насмешливо фыркнул мужчина и поднялся. — Я могу отправить вас домой. Только покидать его не советую.

— Не угрожай моей сестре! — раздраженно одернула его появившаяся принцесса.

Дженджин была бледна, но растерянность на ее лице уже не обитала. За ее спиной стремительно проявлялись болотники и решительно расходились по углам помещения, изучая каждый сантиметр вверенной их исследованиям площади.

— Олисен, проследи, — распорядилась Дженджин и подозвала меня: — Данька, нам нужно домой.

— Только сначала к нам, — попросила я, хватаясь за руку принцессы. Та кивнула и перенесла нас в поместье.

В доме царила тишина. Даже с кухни не доносилось ни звука. Все как будто заснуло, позабыв

о своих обязанностях. В носу защекотало, и я оглушительно громко чихнула. Вернее, должна была чихнуть громко, но звук так и не появился.

Дженджин что-то сказала, но я не услышала: пришлось жестами показывать, что я думаю обо всем этом. Вышло эмоционально и несколько грубо, но принцесса была того же мнения. Внезапная догадка заставила меня сорваться с места и побежать вверх по лестнице к себе в комнату.

Дверь была приоткрыта, хотя я никогда не забывала ее закрыть. Что-то, а я не любила посторонних и всегда прикрывала за собой. Остановившись, я осторожно заглянула внутрь и прикрыла рот ладошкой: на полу, раскинув лапы, лежала Самаэлен и страшным взглядом смотрела на что-то происходящее в ее поле зрения.

Меня тронули за плечо, едва не схлопотав по черепу. Я отскочила от двери и приготовилась обороняться, но это была всего лишь принцесса. Она молча указала на дверь и жестом отослала меня подальше. Как бы не так! Собрав все свое мужество, я сбегала в соседнюю комнату одолжить канделябр.

Вернувшись со своим грозным оружием, я бросилась вслед за принцессой, порадовавшись, что звука все еще не было. С криком настоящего ассасина я приземлила канделябр на голову незнакомого мне мужчины, отчего он распластался у моих ног. Дженджин благодарно кивнула, выползла из-под него и продолжила отвлекать внимание на себя.

На третьей голове я поняла, что онлайн-игры добро, ибо учат тебя сидеть в кустах и ждать своего звездного часа, а еще учат неожиданно врываться в драку и — хлопбысь! — канделябром по лбу. С ролью приманки Дженджин справлялась великолепно. В считанные минуты мы добрались до моей гардеробной, в которой продолжал валяться неразобранный последний мешок багажа, до которого никто не допускался.

Встретившись взглядами, мы пошли на штурм.

Ворвавшись в гардероб, мы разделились. Я упала на пол и, профессионально стукнувшись копчиком об пол, перекатилась к шкафу, чтобы и там до звездочек приложиться об дверцу. Никто не ожидал такого! Это было величайшее явление группы захвата за всю историю Болота. Грабители замерли, почесали макушки и заржали, отвлекаясь от главного действующего лица схватки.

Дженджин стремительно пересекла комнату и точным ударом каблука разбила опущенную на пол сферу. Звук вернулся в тот же миг, дав понять, как нам рады грабители-неудачники. Ругаясь, они ринулись к окну, но забыли, что окна в гардеробе роскошь, и можно заменить их иллюзией. Приложившись о камень, неповерженные канделябром остатки упали к нашим ногам.

— Успели? — выдохнула Дженджин.

— Надеюсь, — потирая ушибленные места, ответила я. — Сейчас проверю, чего они хотели.

С грозным мявом в комнату ворвалась Самаэлен, запрыгнула на ближайшего вора и отметила его всеми восемнадцатью когтями. Да уж, не быть ему теперь красивым.

— Что у вас произошло? — затребовала отчет принцесса, твоя что-то перед собой.

— Вторжение, — коротко пояснила кошка и принялась за второго. Конечно, вреда они нанести уже не могли, но нужно же было Хранительнице душу отвести. — Дождались, пока Ваня уйдет во дворец, активировали стазис и... дальше вы сами видели. Только как вы сюда попали? Это же в принципе невозможно.

— Уже возможно, — заверила ее принцесса. — Данька, все цело? За чем они пришли?

— За этим, — хмыкнув, я перевернула мешок вверх тормашками. На пол посыпались пара конфет, чернильница, ремень, чей-то шарфик, заварник, колода карт...

— Грезы? — выдохнула хранительница, первая поняв, что происходит. — Откуда они у тебя?

— Нашла. — Я потупилась, не зная, как объяснить. — Болото само мне заварник отдало. А оставлять валяться хорошую вещь...

— ...недостойно и не подобает болотнику, — закончила за меня принцесса.

Помедлив, она опустилась на одно колено, не жалея коленок, и протянула руку, желая рассмотреть поближе могущественный артефакт, провалявшийся у меня в сумке всю дорогу и предыдущий семестр. Пытаясь соблюсти торжественность момента, я отпустила цепочку, чтобы заварник красиво упал в руки принцессы. Но то ли руки у Дженджин были кривоваты, то ли у меня прицел сбился, но Грезы упали на пол и кокетливо покачали цепочкой.

Смутившись, я быстро сцапала заварник обратно и... ситуация повторилась. Не хотел артефакт к Дженджин на ручки. Хоть ты медом мажь, хоть магниты устанавливай!

Виновато пожав плечами, я поднесла руки к лицу принцессы. Артефакт решил, что так давать себя рассматривать незачем. И больше не изгалялся, имитируя падение. Только цепочка обвила шарик, как хвостик у кошки.

— Оpoznание прошло успешно? — мрачно поинтересовалась я спустя пару минут гнетущей тишины. Никто не произнес ни слова, и даже когтями по полу не прошелся от полноты чувств. И это тревожило.

— А... да, — рассеянно ответила кикимора и тряхнула головой. — Прости, задумалась.

— И Самаэлен тоже задумалась? — я ткнула пальцем в кошку, которая смотрела куда-то перед собой большими зелеными глазами и облизывалась, как будто перед ее взором предстал как минимум кошачий рай с бесплатной едой на любой вкус.

— Тоже, — тяжело вздохнула принцесса и, взяв за шкурку Хранительницу, встряхнула. Рисковый поступок: когти прочертили десять ровно изогнутых полосок невдалеке от светлого лица представительницы монаршей фамилии. — Грезы, — пояснила принцесса кошке, опуская ее на пол. Лапы у хвостатой подозрительно разъезжались, как будто после наркоза.

— Яс-с-сно, — прошипела Самаэлен и попыталась сосредоточиться на одном объекте. К сожалению, она снова выбрала для себя артефакт. На второе потряхивание кошки я уже смотрела с удовольствием, не опасаясь ни за ее жизнь, ни за безопасность кухни. — Опять?

— Снова, — оборвала ее Дженджин и прикрыла кошачью глаза ладонью. — На Грезы не смотреть.

— Мяу! — недовольно, подражая блестящим представителям своего мнимого класса, выдала Самаэлен, вздернула хвост и уставилась в стенку.

— Можно и так, — похвалила ее принцесса. Сама она также не рисковала прямо смотреть на артефакт, бросая лишь косые взгляды. Странные они. Обычный заварник, только вместо чая камушек засовывать надо, если я правильно поняла. — Дань, прикрой пока Грезы ладошками, — попросила Дженджин, сосредотачиваясь.

Вышли мы во дворец. Прямо посреди королевского кабинета, где уже находились знакомые и незнакомые мне лица. Олисен стоял у подоконника, разглядывая незабудки на лужайке. Ванична занимала кресло, устало приклонив голову на подушку. Королева сосредоточенно слушала доклад одного из советников (или магов?), остальные внимали.

Ну то есть делали вид, что внимают, хотя уже битых полминуты пялились на зарисовку «Внезапное явление Даньки народу, или Принцесса без макияжа и в помятом платье». Наверное, второе их шокировало больше, чем первое, ибо мне, ничтожной и неизвестной, внимания почти не перепало. Только Ванична быстро оценила состояние своей бедной кровинушки и поднялась, чтобы проверить мою температуру.

— Все хорошо! — преувеличенно бодро, стараясь не расцеплять ладошки, чтобы никто лишний не увидел мою ношу, пропела я.

— Прошу уйти всех, кроме семьи, — быстро распорядилась принцесса и, заметив заминку блондина, добавила: — Олисен, вам тоже лучше подождать в коридоре.

— Если таково желание...

— Просто уйди! — шикнула на него королева и лично закрыла дверь. — Дженджин, почему ты?..

— После, — оборвала принцесса. — Сердца нет на месте, зацепки?..

— Слишком аккуратная работа, — ответила королева. Сейчас она ни капли не была похожа на ту добрую и веселую кикимору, какой ее привыкла видеть я. Еще и постарела... — Но я не

могу понять. Как им удалось?

— Как и Даньке, — вздохнув, призналась Дженджин.

— Что?

— В пещере Олисен задал мне вопрос. Что отличает меня и Даню, ведь мне приходится принимать меры, чтобы сдерживать излучение камня, а Даньке...

— ...о повторении эксперимента я даже слышать не хочу, — оборвала Ванична.

— О нем не пойдет речи, — пообещала принцесса и продолжила: — И я поняла, что единственное весомое отличие между нами — происхождение. Мы все знаем, что Даня попала в наш мир из-за проекта. Но она же не одна оказалась здесь. Что, если Сердце забрал другой иномирец?

— Будет сложно найти всех. Мы, конечно, получим данные, но это займет не меньше недели. Дать нам что-то раньше Кирстен не захочет из гордости. А через неделю... Если они нашли иномирца, то, верно, и Грезы уже у них. И мы не сможем обнаружить камень, даже если перетряхнем весь мир.

— Грезы у нас, — слабо улыбаясь, поведала принцесса и подтолкнула меня вперед. — Только не смотрите...

— Мы знаем технику безопасности, — оборвала ее королева и подалась вперед, внимательно глядя в дочь.

— У Дани, — кивнула на меня принцесса. — Показывай.

И я показала. Раскрыла ладони и подняла заварник повыше, чтобы пялились на него, а не на меня. Все же быть подставкой — работа утомительная и требующая недюжей выдержки!

— Теперь они не уйдут, — кровожадно оскалилась Коха, прикрывая глаза и отворачиваясь. — Данька, спасибо. А теперь передай его Дженджин.

— Не получится, — вмешалась принцесса. — Грезы слушают только Даньку. Я хотела посмотреть на них поближе, но артефакт не поддался. Боюсь, если кто-то захочет забрать его у Дани, он вновь исчезнет и вернется лишь к ней.

— Хранительница? — Отчего-то от этого слова у меня начало свербеть в носу и чесаться в глотке. Плохое слово, аллергию вызывает.

— Есть все шансы, — заверила матушку принцесса. — Грезы, Сердце... Данька просто благословение семьи. Подумать только, какие возможности открываются...

— Для начала Сердце необходимо вернуть, — напомнила доселе молчавшая Ванична. — А после уже решать, что делать с новообретенными способностями Даньки. В том случае, если она сама согласится. Заставлять ребенка я не позволю, — грозно закончила она и потрепала мою челку.

— Хорошо, — достаточно прохладно отозвалась королева и обратилась ко мне: — Данька, ты же сможешь нам найти Сердце?

— Если смогу, — медленно отозвалась я.

От тревоги во рту пересохло, и слова давались с трудом. Да уж, скучно мне было на практике? Вот теперь точно весело!

Глава 6

Розыскные работы, или Добро должно торжествовать

— Материал лучше всего изучать на практике, — сказал мастер и пнул подмастерье в клетку с крастом.

Дворец — место важное и многофункциональное. Спустившись на минус энный этаж, я присвистнула и попыталась сделать ноги. Увы, за моей спиной маячил верный своим убеждениям Олисен, которому какая-то нехорошая, прагматически настроенная королева приказала оберегать меня и всячески способствовать поискам.

Дженджин, раньше терпевшая присутствие леденика, облегченно вздохнула и унеслась за кем-то из верхушки Академии, оставив меня наедине со страхом и ужасом местного разлива, который был галантен и мил, но не давал драпануть на все четыре.

Грезы в руках нагрелись и ободряюще терпели, как будто давая обещание зачаровать всех и вся, если мне приспичит сбежать в туалет. В противном случае, в силу важности порученной мне миссии, я уже представляла, сколько болотников будет стоять под дверями и охранять. А то украдут — и тело в воду.

Я вздохнула, послушно переступила порог каземата и фыркнула. Напридумывала себе невесть чего, а тут светло, уютно, птички поют и бабочки летают. Пол светлый, кафельный, с подогревом. Картины висят в коридоре, и даже постояльцы в белых тапочках бродят и улыбаются. Правда, за ними ходит угрюмый персонал в черной униформе, но не суть важно. Алтарей и прочей мерзости я так и не разглядела, хотя всю дорогу заглядывала в попадающиеся лаборатории. Вместо них в наличии имелись столы офисные, от трех до шести штук в кабинете, стулья деревянные, подвесные светящиеся шары со встроенным цветовым фильтром, бумага, чернила и прочая канцелярия в количестве, не поддающемся счету.

На меня все обитатели кабинетов косились с интересом, но без раздражения. Приободрившись, я смело шагнула в открытую дверь и зажмурилась. В отличие от своих собратьев, данное помещение утопало во мгле, и никто не собирался включать свет ради одной маленькой меня, которая в первую же секунду сшибла что-то хрупкое на пол.

— А может, свет? — несмело предложила я. Собравшиеся обреченно вздохнули. Потом кто-то сделал пару скрипучих (как старый стул) шагов, взвыл, наступив на то самое хрупкое, и таки включил освещение.

«Да будет свет», — подумала я и едва не задала стрекача. Нет, все же внимательнее нужно было листать справочник по болотным расам. Внимательнее, тщательнее и быстрее. Тогда подготовилась бы к тому, что меня ждет.

А меня ждали Они. Олисен рядом с ними казался страшненьким подростком с акне, в толстых роговых очках, неуклюжим и угловатым. Эти же представители болотной фракции были идеальны, насколько такое можно было представить. Пропорции, черты лица, длина волос, цвет глаз — все было идеально. Настолько идеально, что я обвинительно покосилась на Грезы.

Смех собравшихся был также идеально мелодичен.

— Я так не играю! — призналась я, села посреди комнаты, чтобы внести хоть какой-нибудь хаос во всеобщую идеальность. — Возвращай все как было! — приказала я Грезам, грозя им пальцем. Для полноты восприятия.

Артефакт виновато (я надеюсь!) нагрелся, но мир вокруг не изменился. Пятеро странных мужчин продолжали пялиться на одну страшненькую меня, изображавшую пуп лаборатории.

— Леди? — один из них проявил инициативу и склонился ко мне, протягивая руку.

— Ась? — хмыкнула я, не отвлекаясь от мысленных нотаций Грезам. Вот подсказывала мне пятая точка, что артефакт и мысли читать умеет. Не может не уметь! Иначе моя картина мира разрушится окончательно.

— Пол холодный, — предупредили меня.

Спасибо, кэп. А я, сидя на нем, и не заметила! И вообще, произвол! В коридоре теплый, а здесь холодный. Нет, ну никакого почтения к бедным заблудившимся кикиморам, которые борются со своими глюками.

— Леди Дана, возможно, вы уже закончили предаваться размышлениям и в состоянии собраться? — насмешливо поинтересовался Олисен.

Леденик наслаждался. Это было заметно и по его ухмылке, и по искоркам в глазах, и по внезапно остановившемуся взгляду. Так его, Грезы! За хозяйку мстить положено!

Заварник потеплел, радуясь тому, что его способности и нужность наконец признали.

— Я в процессе, — царски глядя снизу вверх, отмахнулась я и скосила глаза на леденика. Минуту ничего не происходило, но уже потом... Эх, нет у меня здесь мобильного с камерой, а то бы такая фотография получилась...

Леденик был невменяем. Степень его счастья заставила даже идеально молчаливых работников лаборатории закашляться и отвести взгляды. Я и вовсе отползла под ближайший стол и шепотом предложила:

— Может, выйдем?

Помедлив, мне кивнули и указали на узкую дверку где-то в углу. Мелкими перебежками, чувствуя, как остывает заварник, я капитулировала. Служители лаборатории потянулись за мной, отрезая все пути к отступлению. Впрочем, Грезы давали мне уверенность: если что, мы уйдем по-английски, оставив всех наслаждаться их мечтами. Волшебную палочку мне!

— Ваша светлость? — позвал меня один из мужчин.

— Ага? — вопросом на вопрос ответила я и приготовилась внимать ожившей мечте эстета.

— Нам сообщили, что Грезы находятся у вас. Это так?

— Ага. — Я была очень искренна и показала им свою ношу. Наверное, стоит на шею повесить, чтобы руки освободить. — Показать?

Я с готовностью протянула артефакт вперед. Все зрители, как по команде, отвернулись.

— Не стоит, — сказал тот, что отвечал за переговоры. Я с интересом его рассматривала, сравнивая с братьями. Близнецами. В количестве еще четырех штук. Как же они так? Почкованием, что ли?

Только врожденная скромность и такт не позволили мне задать им этот вопрос.

— А что тогда делать? — пригорюнилась я. Стоять опять посреди комнаты в окружении малознакомых людей оказалось не столь весело. Еще и тишина, которая возникала, стоило кому-то из нас замолчать, угнетала. Еще чуть-чуть — и потянет могильным холодом, а в нос ударит едкий запах чего-нибудь, как бывает в страшилках.

— Подойдите вот сюда, — мне указали на какие-то каракули на полу. — И разрешите нам воспользоваться силой Грез.

— А зачем? — осторожно спросила я, послушно подходя к рисунку, но не торопясь в него входить. — Хотите, чтобы все помечтали? А так можно?

— Королева одобрила, — сухо ответил переговорщик, за что был бит косыми взглядами коллег.

— Ну если королева...

И я шагнула в пентаграмму, надеясь, что меня не вывернет прямо здесь, ибо тревожно так стало, что захотелось в кусты. Грезы замерли, охлаждаясь, а после так нагрелись, что я думала — обожгусь. Цепочка обвилась вокруг запястья, не давая мне скинуть противный артефакт, а стоявшие рядом братья-клоны и не думали прекращать свои странные действия.

Руку пекло, но, словно поняв, что я злюсь, Грезы приутихли и теперь просто грели мне ладошку, игнорируя усиливающуюся интенсивность плясок-песнопений лаборантов. И тут я поняла, что они не идеальны. Фальшивили! Ужасно, грубо фальшивили, как будто слух покинул еще их предков, заменившись самомнением и мощностью крика.

Пару минут я рассматривала стены, но в комнате с каляками не было ничего интересного. Да, некоторые завитки повторяли картинки из учебника по боевой магии, который я листала на занятиях у Альтара, а некоторые (почти все) были шедевром орнаментализма, но в силу своей неразумности я еще не понимала их скрытого смысла.

В какой-то момент, когда я задумалась о тленности бытия и краске для рисунков, Грезы вновь накалились, и заварничек распахнулся. Внутри его бушевал вихрь, который все разрастался, пока не поглотил меня, комнату и не начал вырываться за ее пределы. Клоны обессиленно упали, наблюдая за деянием ног своих и голоса.

А вихрь рос, проходил сквозь стены, задевал все большее число болотников и иноземцев. И вместе с каждым существом, тронутым ветром мечты, я видела новые мечты. Они стекались сюда, в эпицентр, ко мне, удерживающей остывающие Грезы.

Я видела дома, исцеления, чужие смерти, ровные башенки монет, деревянный меч и петушка на палочке. Множество портретов незнакомых болотников и даже банки с грязью. А еще... я видела себя. Несколько раз, как будто людей, чьи мечты связаны со мной, было больше одного. Грезы потеплели, довольные тем, что мне показали.

И еще я увидела свой мир. Из стекла и бетона, с метро и трамваем, банкоматами и полицией, медиками и спасателями. И мне захотелось туда, нестерпимо, до боли в ногах. Сердце жгла пустота, холод заставлял не моргать, кровь будто остановилась, дыхание... я забыла, как дышать. И только знакомая картинка вселяла надежду. Горькую. Мне не верилось, что я вновь смогу это увидеть.

Резкая боль оборвала видение. Я нащупала пол, который оказался слишком близко, и открыла глаза. Лежать и смотреть на потолок становилось моим любимым развлечением. А если еще и нечто круглое впивается в руку, оставляя на ней причудливые узоры, то и вовсе развлечение, достойное меня.

Слух возвращался медленно и с болью. Все говорили так громко и быстро, что слова сливались в мощный поток, вычленив из которого не представлялось возможным ни звука. В голове звенело, а перед глазами плыло: мир носился вокруг, как японский скоростной поезд, не давая ни на чем сосредоточиться. И только Грезы каким-то образом оставались неподвижны.

— Данька! Данька, ты как? — Заметив, что я пришла в себя, меня принялись тормошить.

— ДжейДжей? — решила я сократить принцессу. Вдруг из жалости не заставит все имя произносить?

— Да, я здесь. — Лба коснулась теплая рука, убрала челку и замерла у виска. — Ты в порядке? Что произошло?

— Я видела дом, — призналась, еще не четко представляя, где я и с кем. Звон постепенно прекращался, а мир обретал очертания.

— Дом?

— Мечту. Там был дом. Мой, не ваш. И больно. Очень больно. Мне плохо, прямо сейчас. И только надежда, что я снова там окажусь... — Я задыхалась словами, хотелось говорить и говорить, и снова повторять слова, чтобы видение не исчезло.

Грезы накалились и обожгли мне ладонь.

— Хватит! — рыкнула я на них и... очнулась.

Лаборатория была переполнена. Дженджин, Олисен, который держал за грудки одного из клонов. Еще четверо, спеленатые по рукам и ногам, лежали чуть вдалеке. Над ними склонился милого вида дядечка, с седой бородой, усами и добрыми глазами за стеклами очков. Почему-то мне стало страшно на него смотреть. Были еще какие-то болотники, но я их не запомнила. Да и видела впервые. А вот Самаэлен, которая, не церемонясь, запрыгнула мне на грудь и вцепилась как клещ, я запомнила отчетливо. Как и ее возмущенные крики мне на ухо.

— Хватит! — прервала я ее мяукание, ибо от избытка чувств кошачья составляющая в Хранительнице начала преобладать. — Говори понятно.

Вздохнув, кошка отцепилась и сползла мне на колени.

— В порядке, — выдохнула она и укоризненно глянула на принцессу: — Ты почему не проследила? А блондин этот? Зачем он вообще там стоял. Если бы я не почувствовала, потеряли бы мелочь. И эти хороши! Они сами фильтровать должны были, а вместо этого Даньке часть скинули. И это удавшийся эксперимент? Где прототип ходит — уж я его уму-разуму научу!

— Прототип? — вычленила я главное и внутренне возликовала. Так и есть, клоны. И если это клоны, где-то на просторах Семиречинска гуляет вот такой весь идеальный товарищ, которого нельзя показывать неокрепшей психике подрастающих болотниц.

— Вилье Станус, — сдала идеального Дженджин и помогла мне подняться.

— Надо запомнить. А почему они связаны? — Я указала на клонов, которые отчаянно сопротивлялись веревкам.

— Перенервничали, слишком много информации пришлось обработать. Вилье все же подправил бумаги, иначе их бы работало не пять, а вся дюжина. Не беспокойся, сейчас новую партию приведут, и они разделят все, что успели просмотреть.

— Кажется, тот, кого мы ищем, мне достался? — подумав, поделилась соображениями я. — При них можно говорить?

Принцесса нахмурилась и перенесла нас вновь в королевский кабинет. Теперь уже пустой.

— Вспомни, что ты видела, и покажи, — попросила кикимора, усаживая меня на диванчик и подтягивая кресло поближе.

— А ничего, что у меня блок на чтение мыслей? — предупредила я, не зная, как защита Альтара отреагирует на подобное вмешательство.

— Семейная связь сильнее, — заверила Дженджин и наклонилась вперед. — Просто покажи.

— А разве это поможет нам найти человека? Я же не видела места, где он...

— Карта уже составлена, — успокоила принцесса. — Осталось только выбрать подходящие нам желания, и мы найдем их обладателей. Покажи, — напредила кикимора и обхватила мои запястья.

Я послушно закрыла глаза, пытаясь отрешиться от топота в коридоре, от пения птиц за окном и комара, который пролез каким-то чудом в кабинет и жаждал близкого знакомства.

— Не отвлекайся, — попросила девушка, чуть сжимая пальцы. — Комары не настолько важны. А у нас мало времени.

Я устыдилась. Перед глазами вновь всплыл родной пейзаж, звуки большого города, даже запах паленой резины не раздражал, а вызывал противную, тянущую ностальгию. Не знаю, сколько здесь было от правды, а сколько моих собственных домыслов, успевших прочно обосноваться в картинке, но Дженджин просмотрела все, не делая ни единого замечания, ни жестом, ни звуком не желая сбить хрупкое видение.

— Все, — наконец остановилась я, понимая, что дальнейшие картинки будут чистой воды выдумкой, подменяющей чужие желания моими воспоминаниями.

— Спасибо, — шепотом проговорила принцесса, откидываясь назад.

Она прикрыла глаза и на несколько минут просто выпала из мира. Если бы не медленно вздымающаяся грудь, я бы решила, что она умерла. Не зная, что мне теперь следует делать, я посмотрела на Грезы. Артефакт потеплел, и тонкое металлическое плетение заблестело: по потолку поплыл дракон, свернулся и укусил свой хвост, как будто размышляя, не стоит ли повторить подвиг Уробороса.

— Плюнь каку, — подсказала ему я, а Грезы послушно нарисовали. — Нет, не так хочу, — шепотом отвергла я предложенный вариант. — Дракон — существо таинственное, нечего делать из него приземленного потребителя не самых приятных веществ.

Грезы обиделись и остыли, оставляя меня без мультика на потолке. Вздохнув, я погладила артефакт, благодаря за компанию, и свернулась калачиком на диване. Сон — универсальное средство скоротать время. К тому же никто волноваться не будет. Королевский кабинет не проходная, так что...

Додумать мне не дали. Прямо посреди ковра, в лучших традициях меня, начал открываться переход. Что удивительно, он был замечен и очень медлителен, как будто нечто не давало ему распахнуться во всю ширь.

— Данька, выйди, пожалуйста, и найди стражу. Пусть они пригласят королеву. Потом найдешь

тетю, она должна быть где-то здесь.

— А ты? — Я подозрительно покосилась на перемещенца, чей силуэт медленно проявлялся в кабинете.

— А я пока займу нашего гостя. Заодно узнаю, что заставило его нарушить все правила и заявиться прямо сюда. — В голосе принцессы было столько негодования, что оно, памятуя о непростом дне, могло вылиться в крупные неприятности для визитера.

Мысленно пожелав удачи незадачливому посетителю, я потянула на себя дверь, выбираясь в мир больших сплетен и незадачливых ухажеров. Ковер скрадывал шаги, но застывшего изваянием стража я не смогла застать врасплох.

Болотник обернулся в ту же секунду, как я хотела было покашлять. Обернулся, приложил к глазам лорнет и, разглядев меня, поклонился.

— Ваша светлость?

— Ее высочество принцесса Дженджин просила найти королеву и сообщить, что ожидает ее в королевском кабинете. Дело важное.

— Я передам.

Болотник исчез в лучших традициях непредсказуемой расы: медленно втянулся в пол. Заинтересовавшись, я опустила на колени и пригляделась к месту, где он стоял. Паркет слегка выцвел, но круг быстрого кратковременного перехода все еще проглядывался.

Дернувшись назад, я приземлилась на попу, но даже так опозорившись, не приуныла. Во-первых, этого никто не видел, во-вторых, Ганс рассказывал о подобных вещах, и мне повезло, что место стража не занял его коллега в тот же момент. В противном случае мой нос опять бы подвергся нападению, а Альтара или кого-то из семьи не было бы поблизости.

Поежившись, я надела заварник на шею, пряча его под футболкой, и отправилась на поиски следующего стража, который мог подсказать местонахождение Ваничны. Таковой нашелся на углу. Как и его коллега, он внимательно изучил меня в лорнет, отчего я задумалась (так ли плохо их зрение, или у них есть другие функции?) и пропустила слова стража.

— Что? — переспросила, покраснев.

— Королеву уже нашли и сопроводили, — отчитался страж. — Охрана осталась ждать за дверью. У вас есть какие-либо поручения? — осведомился мужчина, не моргая и не шевелясь.

— Может, вы мне поможете, — начала я и, заметив, что мне благосклонно улыбнулись, продолжила: — Я бы хотела найти леди Ванию. Если вы знаете, где она?..

— Я провожу, — после секундной заминки, во время которой страж напоминал жертву Грез, ответил мужчина и предложил мне руку. Я с радостью ее приняла, вцепившись пятерней в локоть Сусанина.

Путешествие по дворцу кончилось не в топях, и Сусанин был повышен до Чингачгука. Сдав меня с рук на руки Ваничне, страж удалился, даже не зная, что заслужил сравнение с благородным индейцем. Впрочем, знай он о нем, удалился бы так легко?

Интуиция подсказывала, что без неприятностей бы не обошлось, а потому мозг пошел на компромисс и попридержал информацию до лучших времен и комфортных спален. Во дворце ведь, поговаривают, и у стен ушки торчат.

— Подожди пару минут, — попросила старшая кикимора, с кем-то мысленно общаясь. Ага, выглядела, как жертва Грез, но не буду же я такого думать о самой лучшей в мире болотнице?

Эмпирический метод исследования всегда привлекал меня своей непредсказуемостью и результативностью, и раз уж выдалась возможность проверить наличие ушастых стен, я принялась за дело с рвением, положенным только самым безнадежно скучавшим адептам, вырвавшимся лишь на один день и готовым небо с землей местами поменять — только бы откосить от дальнейшей учебы.

Простучав все наличные стены и обнюхав каждый миллиметр обшивки, я констатировала отсутствие ушей в технологии производства королевских стен. Нигде не было даже крошечного ушка, даже декоративного, даже из пластилина, даже... Я со скорбью ученого,

потерпевшего сокрушительное поражение, уставилась на горшок с морковью, мирно чахнувшей на подоконнике. Растение сочувственно трянуло ботвой.

— Неужели ни одного подслушивающего устройства? — шепотом, чтобы не отвлекать Ваничну, пожаловалась я морковке. Та сочувственно заколыхалась. — А я так надеялась хоть одно найти! — разочарованию моему не было предела. — Вот как так можно? — Морковка предпочла не вдаваться в долгие дискуссии, оставаясь мирным слушателем. — Вот ты что бы сделала на моем месте? — решила я играть по-крупному. Морковка молчала. — Молчишь — значит, замышляешь! — обвинила я ее. Растение затрепетало, пытаюсь оправдаться. — Признавайся, подслушиваешь?! — начала входить я в раж. Да уж, играть в «развлеки себя сам» я мастерица. Сейчас прищью к делу морковки заговор против короны. То-то весело будет, когда Ванична спросит, чем я занималась, пока ее ждала.

Морковка тем временем явно нервничала. Ботва стремительно жухла, корень выбирался из земли, помогая себе отростками. Мгновение, и морковный человечек дернулся к окну и... был придушен диванной подушкой, которую я обнимала, разговаривая сама с собой.

— Попытка к бегству? — вкрадчиво осведомилась я, чуть ослабляя хватку. Мало ли, у морковки хрупкое здоровье, еще скопытится раньше допроса!

Ванична бросила на меня немного виноватый взгляд, вздернула бровь при виде моего развлечения, но промолчала. Точнее, ее вновь отвлек таинственный некто, с кем текла малоэмоциональная беседа старшей кикиморы.

— Признавайся, подслушиваешь? — грозным шепотом спросила я морковку. Та обиженно пискнула, подтверждая свою разумность и отрицая причастность к заговору.

— На кого ты работаешь? — не дала ввести себя в заблуждение я, пересаживаясь так, чтобы быть между морковкой и окном. Ага, отрезала самый быстрый путь побега. Ну разве я не молодец?! — Драконы, вампиры, эльфы косоглазые, нимфы, дриады? — Морковка обреченно кивнула. — Следим, значит. Информацию сливаем. И не стыдно?

Морковка отрицательно покачала ботвой, но тут же устыдилась и закивала, дескать, стыдно. Стыд разум затмил, вот и попутало беднягу. Но разве она могла провести великого морковного детектива Даньку-кикимору? Опыт казаков-разбойников сделал сердце нынешней болотницы черствым и глазастым: ложь она вычисляла с полуслова, никто не мог уйти от ее пронзительного взгляда!

Я тяжело вздохнула, понимая, что все это не про меня, и погладила пожухшую ботву.

— Будешь моим агентом? — спросила я агента Морковку. Та мгновенно пришла в себя, перебралась в горшок и пустила корни, выражая готовность служить своей новой родине. — Я тебя домой заберу, будешь за комнатой следить. Сколько раз тебя поливать? — Морковка призадумалась и три раза пискнула. — В неделю? — Утвердительный писк сорвался с уст моей подчиненной. — А как ты информацию передаешь? — решила я на волнуемый меня вопрос.

Морковка затрепетала, как будто от смеха. Но мы же знаем, что это просто ветер! И нечего на окно коситься, подумай, прикрыла, чтоб не дуло! Отсмеявшись, специальный агент раскинул ботву и парой листиков призывно замахал мне.

— Есть не буду, — наотрез отказалась я, вызвав новый сквозняк. Ботва сложилась в замысловатую картинку, где с трудом опознавался человек, нюхающий морковь. Да уж, передача информации посредством ловли морковных глюков... А чем леший не брат, можно и рискнуть!

— Подожди, спину прихватило! — пожаловалась я, понимая, что застряла в промежуточном положении между наклоном и стоянием. Сорок пять градусов, чтоб им. — Ботва сочувственно закачалась и отросла повыше. — Так бы сразу, — попеняла я морковке и вдохнула.

Первое, что я углядела, было мной. Странной кикиморой, которая разговаривает с растениями, как какая-нибудь древесная нимфа. Удушение подушкой и вовсе произвело на бедную поросль неизгладимое впечатление. Она даже решила, что ошиблась местом пророста, оказавшись снова на родине. Только там паранойя (хотя разумнее говорить о здравом смысле подкованных дриад) доходила до того, что растениям закрывали слуховые отростки, глуша подушкой еще и картинку.

Следом потянулся краткий, как при быстрой перемотке, экскурс в историю этой комнаты. Кто, где, когда и с кем — в моей голове начала стремительно заполняться ниша светской хроники.

И пусть многих имен я не знала, но некоторым и имена не требовались: опознать лорда Олисена можно было и по лицу. Впрочем, фигура у него оказалась запоминающейся.

Я почувствовала, как краснеют щеки, и поспешила поменять картинку. Мало ли кто с кем отдыхает, может, есть еще что-нибудь интересное, не все же развлечения предаваться. Хочу заговор! Или подкуп! Или...

Я замерла, не веря своим глазам. Этого человека не должно было быть в Семиречинске. Он же исчез, пропал, попал под выбраковку, и память о нем с каждым днем стиралась все основательнее, как будто и не существовал никогда Жан, наглый лицемер иномирец, которому мы всей компанией мстили за безразличие и приживальство.

Но он был здесь, прямо перед моими глазами, в памяти агента Морковки, четкий, как среди бела дня, осунувшийся, но вполне живой. Сидел на том самом месте, где ныне общалась с кем-то Ванична. Сидел и ждал, нервно сжимая подлокотники и дергаясь от каждого звука. Ни прежнего лоска, ни величия и наглости — в нем не осталось ничего от прежнего Жана, каким я его помнила. И это пугало.

Грезы потеплели, утешая.

Эпизод снова сменился, но я вознегодовала, и мне вернули прежний. Жан продолжал ждать, втягивая голову в плечи от малейшего шороха. Открывшаяся дверь едва не привела к бегству, но он вовремя увидел входящего и побледнел еще больше. А я... мне стремительно плохело, как от ночного кошмара, решившего навестить меня днем.

На пороге, ничуть не удивляясь наличию здесь пропавшего адепта, стоял уважаемый и всеми любимый магистр. Светоч и доброта КАКи, единственный и неповторимый Вальтарус Бродсед, который с каждым прожитым мною в этом мире днем все больше походил на злодея, чем добропорядочного Хоттабыча.

— Освоился? — поинтересовался ректор, закрывая за собой дверь. Щелкнул проворачиваемый в скважине ключ. Жан сглотнул (и я вместе с ним), понимая, что ничего хорошего не услышит. — Ты должен помочь нам кое в чем.

— Я... я все сделаю, — хрипло выдохнул юноша, стараясь не шевелиться.

— Это хорошо, — ласково улыбнулся ректор. — Уже готов к отъезду?

— К... к какому отъезду? — переспросил Жан.

— На свою новую родину, — пояснил ректор, высматривая что-то за пределами дворца. — Уже скоро ты окончательно превратишься. Думаешь, твоей семье будет безопасно жить вместе с голодным вампиром?

— Я не вампир!

— Пока, — мягко уточнил Бродсед. — Но поверь, в их жизни куда больше интересного, чем тебе кажется.

— Выше низшего круга я не поднимусь, — помертвевшим голосом проговорил юноша. — Это смерть. Я читал о вампирах...

— Справишься с работой, будешь не низшим, — пообещал ректор. — Но нужно справиться хорошо.

— Вы даже не пытаетесь утешать, — с горечью выдал Жан.

— Это поможет моему плану? — усмехнулся мужчина. — Нет? Так зачем попусту тратить время. Ты сделаешь то, чего я хочу. Не справишься — я найду другого. У меня целый курс таких, как ты. Эксперимент может идти бесконечно.

— Зачем вам все это? — не выдержал юноша и поднялся, сжимая руки в кулаки.

— Ты же не хочешь умирать? Я тоже не хочу.

Меня вырвало из видения так резко, что даже спина выпрямилась прежде, чем я вспомнила про боль. Морковка виновато пригнула ботву, с опаской косясь на старшую кикимору. Ванична с тревогой наблюдала, как я ощупываю позвоночник, и неодобрительно косилась на растение, явно обвиняя его в моем недуге.

— Я на холодном полежала, — честно призналась я.

Морковка благодарно зашумела ботвой.

— Коха... — раздраженно выдала Ванична, провела теплой ладонью по моей спине и успокоилась. — Сейчас полегчает.

Я благодарно улыбнулась, чувствуя, как отступает дискомфорт.

— Что ты намерена делать с ней? — Мне указали на съезжившуюся морковку, которая ловила каждое произнесенное слово.

— Хотела с собой забрать. Она полезная. И мы договорились, что она будет присматривать за моей комнатой, пока меня нет.

— И ты думаешь?..

— Она верная! — горячо заверила я. — И полезная. Она мне такое показала! Надо сказать Дженджин и королеве. Я знаю, кого мы должны искать! — выпалила на одном дыхании.

— Ты знаешь, кто украл Сердце? — вычленила главное кикимора.

— Жан, но ему приказали! Магистр Бродсед, он... — Я говорила так быстро, что Ваничне пришлось меня остановить.

— Жан — это кто? — уточнила она, зацепившись за незнакомое имя.

— Иномирец, учился на нашем курсе, — пояснила я. Сердце сорвалось на бег, а руки задрожали, не в силах справиться с возбуждением.

— Успокойся, — заметив перемены во мне, попросила Ванична. — Посмотри на меня, глубоко вдохни и медленно выдохни.

— Но мы должны... — Я не слушала кикимору, крутя головой в разные стороны, ожидая, что сейчас здесь появится королева или Дженджин, и придется быстро им рассказывать.

— Все в порядке. Дженджин сейчас придет. Коха занята. У нас есть пара минут, чтобы ты успокоилась и пришла в себя. Потребуется все видимые и слышимые тобой подробности, все, что знаешь про этого Жана. Поэтому успокойся.

Когда спустя три минуты дверь распахнулась, явив усталую, но сосредоточенную младшую принцессу, я уже успела взять себя в руки. Морковка при виде ее высочества замерла и притворилась обычным декоративным растением, как и другие ее собратья, украшавшие коридоры и комнаты.

— Данька, что-то еще вспомнила? — осведомилась кикимора, убирая волосы с лица и падая затем в кресло. Я сочувственно проследила за этим жестом слабости, но промолчала: сама с чужой помощью от боли в спине избавилась. А кто поможет принцессе? Не подобает же монаршей фамилии слабость проявлять и подданных просить.

— Узнала, — коротко ответила я и изложила все, что увидела глазами морковки. Ну чуточку добавила от себя, чтобы все прониклось подлостью магистра, который всегда был добр в Академии, а тут так жестоко обошелся с бедным Жаном.

— Ясно, — слабо улыбнулась девушка, поднимаясь.

Я даже устыдилась: заставила человека весь день на ногах провести, решая проблемы. Впрочем, разум подсказывал, что лучше мы решим все дела сейчас, чем через пару дней огребем последствий по полной.

— Ты знаешь, зачем ему артефакт? — не могла не спросить я.

— Нет. Но зачем бы ни был нужен, ничего не выйдет. Мы успеем вмешаться. И Данька... откуда у тебя эти сведения?

— Показали, — уклончиво начала я, не зная, как принцесса отнесется к агенту вражьей разведки — морковке.

— А мне не могли бы продемонстрировать то же самое? Обещаю лишних вопросов не задавать, — дала слово принцесса, а я махнула на растение.

Все то время, что принцесса просматривала память агента, мне пришлось держать горшок. Морковка так нервничала, что ботва то и дело попадала мне по носу и щекотала уши, но чего не сделаешь ради торжества справедливости.

— Хорошо, что хоть кто-то разговаривает с растениями, — стерев со лба пот, сказала принцесса. Морковка стремительно прильнула к моей груди, ища поддержки. Я успокаивающе погладила ее одним пальцем, хотя и остальные были безнадежно загрязнены ею же.

— Ага, — глубокомысленно изрекла я и посерьезнела: — Вы найдете Жана?

— Теперь точно найдем, — утешила меня принцесса. — Примерное место у нас есть, лицо я сейчас передам всем стражам. Он будет у нас к концу дня, — пообещала кикимора и ушла. Я не возражала: объяснение получить можно и позже, а вот человека спасти — это требовалось прямо сейчас. А то вампиры там или кирпич с крыши... Они же не просто так падают!

— Идем? — позвала меня Ванична, поднимаясь с кресла. То негодующе скрипнуло: так полюбилась ему тяжесть кикиморы.

Я кивнула и поплелась следом, обнимаясь с горшком, приятным и теплым, с нарисованными листиками и цветочками. Он нисколько не выдавал внедрение морковки во дворец, и даже блюдце с надписью «гиацинт» подходило специальному агенту больше, нежели пресловутому гиацинту, профукавшему свое место.

В холле мы натолкнулись на настоящий заслон. Болотники спешно сооружали баррикаду из стульев, готовые сдерживать неприятеля, каким бы он ни был. Чуть в отдалении, контролируя, чтобы оставался хоть один незаблокированный проход, стоял страж. Поклонившись нам, он указал на патриотически настроенных придворных и развел руками. Ванична сочувственно вздохнула, но проводить просветительски-нравоучительные лекции не стала. Народ с упоением смотрел ей в спину. Вот она, королевская кровь, попросту не переживает и в бессмысленные дела не вмешивается!

Переход открыли во внутреннем дворе. Два мага в потешных спальных колпаках, какие любили академики в мультиках, бурча себе под нос, построили целый портал к нам в дом, как будто хотели армию провести. Покачав головой от подобного расточительства, Ванична первой шагнула, в арку. Я вздохнула, ободрительно сжала лист моркови и отправилась следом, размышляя, успели ли убрать мою комнату или с десятков стражей-криминалистов ходят там и восстанавливают картину.

Пронесло. В смысле никого лишнего на территории поместья не наблюдалось, зато Самаэлен носилась по забору с такой скоростью, что нежные подушечки лап должны были воспламениться. Внезапно Хранительница замерла, а после в три гигантских прыжка оказалась на моем подоконнике, презрительно оглядывая испуганную морковку.

— Это что? — брезгливо, одним когтем, подцепила кошка ботву. — Разве болотники так низко пали, что начали создавать Это?

— Не Это, а специальный агент. Имей уважение! — одернула я кошку, любовно протерла край подоконника и установила горшок. Кошка фыркнула и засунула лапу прямо в землю. — Не обижай маленьких! — шикнула я на Хранительницу. — Морковка обещала присматривать за комнатой, пока меня нет.

— Дриадский выкормыш в моем доме! — недовольно фыркнула Самаэлен, но спорить не стала. Со мной. А вот с морковкой... Наклонившись к самой ботве, кошка проникновенно предупредила: — Попробуешь связаться со своими или навредить хозяйке и дому, укорочу.

После чего спрыгнула на ковер и, задрвав хвост, выскользнула в коридор.

— Да не переживай ты так, — утешила пострадавшее растение я. — Она добрая... если ее не злить.

О том, что разозлить Хранительницу может все, я опасливо умолчала, не желая иметь дело с истеричной травкой. Морковка, казалось, подозревала нечто подобное, ибо влезла в горшок по самый черенок и постаралась не шевелиться.

Покачав головой и потянувшись, разминая все косточки, я направилась в гардероб, проверить, все ли в порядке и не исчез ли мой чересчур открытый топ в лапах разведки. Увы, не исчез, отчего заставил меня покраснеть и смутиться: подумала плохо о хороших людях. Но, покопавшись немного, я поняла, что изменения все же имелись, и дело тут было не в уборке,

которую еще не успели провести.

— Самаэлен? — позвала я, не рискуя ковыряться в чужих вещах.

— Ну что тебе? — недовольно фыркнула появившаяся кошка. — Ну не буду я твою оранжевую ешь. Невкусная она.

— Посмотри сюда, — ткнула я в небольшую коробочку, забытую на полу то ли стражей, то ли грабителями.

— Ох ты ж, — протянула коть. — Как они проворонили?!

— А что это? — не поддалась на смену темы я.

— Одноразовый переместитель. Дотронется объект, и все — пиши пропало. Разрушится — и не отследишь, — пояснила кошка и встрепенулась: — Ты же его не трогала?

Я хотела было признаться, что любопытство — порок, свойственный всем поколениям семьи, но сработавший механизм не позволил мне сознаться. Мгновение, и гардеробная расплылась, рассыпаясь кусочками пазла и собираясь вновь не столь приятным зрелищем.

Ровно до этого дня я думала, что избушка на курьих ножках — архаизм, недостойный внимания. И после этого момента продолжу так думать, ибо переместило меня в чистое поле под одинокую березу. Где-то на горизонте виднелся добротный каменный дом, а вокруг часток, словно обитали здесь, как на Диком Западе. Антикрастовой сетки не было и в помине.

— И куда теперь? — устало почесала я макушку. Грезы потеплели, напоминая о себе и... развеяли иллюзию. — Ох ты ж!.. — Я не смогла сдержать полноту чувств, оказываясь посреди пустого подвала, с потолка которого в лучших традициях триллеров и прочих ужастиков падала побелка прямо на голову. — Кикимора под снегом, — хмыкнула я и на цыпочках начала перемещаться куда-то.

Ни конца, ни края подвал не имел. Куда бы я ни сворачивала, появлялись все новые пустые комнаты, а куски штукатурки продолжали артобстрел. Ни звука не издавали двери, заставляя меня нервничать. Раз уж есть кому смазывать петли, значит, не все потеряно в Датском королевстве. Последнее обстоятельство заставляло меня напрячься и вспомнить основы самообороны.

Звук шагов, раздавшийся невдалеке, был ожидаем, а потому воспринялся как манна небесная. Сердце сменило ритм, в голове пульс вел отсчет и, дождавшись подходящего момента, когда чужая спина окажется в зоне прямого попадания, мы (я и Грезы) десантировались прямо на охранника. Тихо и мирно, как и подобает профессионалам, а не истеричным девицам, пользуясь преимуществом Грез, решившим показать жертве мультфильм, я связывала незадачливого стража его же собственным ремнем.

Тащить связанного и брыкающегося дядю в соседнюю комнату оказалось задачей не из простых. Он стонал, извивался, пытался уцепиться ногами за косяк, мычал во всех доступных тональностях — в общем, вел себя плохо. Цыкнув на несознательного объекта, который мешает мне чувствовать себя последним героем, я попросила Грезы приукрасить мое появление в его кошмаре, показав кусочки из детективов. Хорошего копа поблизости не было, а значит, придется отдуваться только плохому.

Выдохнув, втянув живот и приосанившись, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что я страх и ужас этого места, я махнула рукой (хотя Грезам это было фиолетово), разрешая начать новый виток освоения безлюдного подвала.

— Имя! — грозно хмуря брови, затребовала я ответ, связывая жертве шнурки.

— Какого?! — непочтительно отозвался он, рыпнулся с места, изображая червячка, и ударился челюстью об пол. Если что, я в этот момент далеко была! Пал он сам и без лишней помощи. — Что за?! — продолжал травмировать себя неразумный субъект.

Такими темпами я точно добрым полицейским стану. Злого он сам себе устроил.

С сочувствием я проследила, как дяденька дополз до стены, как радостно блеснули его глаза, как лоб столкнулся со стеной, и скупая мужская слеза в нескольких сотнях экземпляров брызнула из его глаз. Количество звездочек я сосчитать не успела: жертва затихла, потеряв сознание. Допрос пришлось прервать.

Покачав головой, я поднялась с места и дошла до ближайшего угла, где и сползла на пол. Ничего не оставалось делать, кроме как ждать. Разве что подумать для разнообразия, но сие действие вызывало стойкую аллергию и ничего общего с полезной деятельностью не имело. Пришлось вспоминать детские песенки и тренировать исполнение. Авось стану звездой подвального масштаба. Аплодисменты эха будут моими!

Пришедший в себя подозрительно быстро наемник в этот раз не решился устраивать бега червячков и замер, прислушиваясь к обстановке. Судя по напрягшимся мышцам и закушенной губе, мои исполнительские навыки стали для него далеко не бальзамом. Я даже обиделась немного и проявила свои худшие качества: спела ему прямо на ухо, отчего бедняга стукнулся головой об пол.

Хм, то ли мне медведь незаметно на ухо наступил, то ли у бедняги явные галлюцинации... Грезы потеплели, восстанавливая мне самооценку. Что ж, если психи связанного обусловлены вмешательством артефакта, то я могу вновь вернуть себе благодушный настрой и спросить:

— Ты кто?

Миролюбия в моем голосе хватило бы, чтобы отравить сотню лягушек, но дяденька оказался стойким и промолчал.

— Как зовут? — продолжила допытываться я. Ласково-ласково, чтобы он сам убоился маньячки и сдал подельников, как стеклотару. — Кому служим? За что кикимор бедных и несчастных похищаем и не кормим?

— Так это, обед уже, — растерянно ответил служитель темных сил, вспоминая о подоплеке своего похода в подвал. — Только огурчиков принесу — и сядем.

— Огурчиков? — уточнила я, отвлекаясь от темы разговора. — Маринованные? Хрустящие?

— Нудак! — с гордостью ответил пленный. — Развяжешь — угощу.

— Нет, — после минутной заминки, в которой мозг победил желудок, сказала я. — Может, потом, когда я вас всех победю.

— Тогда поспеши, — посоветовал любитель маринадов. — Скоро главный придет и все запасы подчистит, чтоб дисциплину не разлагали.

— Этого нельзя допустить, — сочувственно протянула я. — И чем ему огурчики не угодили?

— Долго на перерыв ходим, — поделился печалью наемник.

— А сколько банок значенных осталось? — пришла мне вдруг интересная мысль.

— Штук двадцать. Только вчера из деревни привез, — подсчитал в уме пленный, облизываясь. Оголодал, бедняга!

— Хм, а если я разрешу весь день на перерыве посидеть? — предложила я, помедлив. — В хорошей компании, не отвлекаясь...

— А начальник?

— Его дни сочтены! — пафосно заверила я. — Разве может долго жить противник маринадов? Разве подобает ему с рук злодейства спускать?

— Не, маринады — святое...

— Так сплотим наши ряды!.. — Грезы потеплели, давая понять, что агитацию следует сворачивать. — В общем, ты мне помогаешь, а я вас не трогаю. Только начальника скрутим побыстрому и...

Я замолчала, уловив чужие шаги, которые становились все громче, намекая, что некто разыскивает товарища. И хорошо, если это второй любитель маринадов, а если нет? На всякий случай я встала рядом с дверью, готовая в любой момент повторить десантирование. Ой, вру, до десантирования нам далеко: зависнуть под потолком, не применяя магию и без спецсредств, едва ли под силу даже такой одаренной кикиморе, как я. А потому подготовка шла к прицельному телометанию, настраивались слуховые локаторы, а зрительные внимательно следили за пленником. Именно по его реакции мне предстояло решить судьбу искателя.

Ожидание затягивалось. То ли искатель решил перекурить по дороге, то ли не дорог ему был незадачливый коллега, а может, нашел дружбанскую заначку и завис там. Как бы то ни было, стоять, приготовившись к прыжку, мне надоело: спина затекла, глаза устали не моргать, а уши реагировали даже на собственное биение сердца, делая меня вздрагивающим ежесекундно параноиком.

Решив, что так дело не пойдет, я переместилась к пленнику и шепотом спросила:

— А вас много?

— Трое, — шепотом сдал подельников маринадчик и попросил: — Развяжешь, может? Руки затекли, да и жрать охота.

— Сначала поклянись маринадом, что коль предашь меня, все огурцы в твоём рту полопаются, и не будешь знать ты спасения ни с одним сортом! — потребовала я грозную клятву. — Клянись, что уведешь подельников, а шефа запрете в кладовке, пока высшие силы не придут и не накостылят!

— Э-э-эм, — замычал наемник, но был оборван подергиванием моих бровок, которые по особенному изломались, негодуя и стыдя затрусившего воина. — Ладно, — наконец согласился он и повторил клятву. Шепотом, чтобы никто лишний не услышал.

Впрочем, его опасения были напрасны. Кто бы ни шел за стенкой, он вряд ли услышал бы сдавленное мычание, напевая прилипчивую песенку из репертуара какого-то известного (иначе и быть не может с таким хитом!) исполнителя. Прислушавшись, я различила один куплет прежде, чем голос исчез из зоны слышимости. А пел он вот что:

Не слышно в болоте даже «ква»,
Ведь не уродилась там свекла!
Все ушли к соседям собирать,
Добрым словом крастов поминать!

На минуту я даже задумалась о сущем, то есть о пищевой цепи и взаимосвязи свеклы и крастов. Посему выходило, что красты или едят ее (любители борща!), или удобряют. Последнее было вероятнее, но представляться не пожелало, вызвав не очень приятные ассоциации.

Подергивание за штанину привело меня в чувство и заставило вернуться к обещанной процедуре освобождения заложника. Расправившись с веревками, я помогла маринадчику встать и поинтересовалась:

— А зовут-то тебя как? — Вопрос был своевременным: мы могли больше никогда не встретиться.

— Так это, — почесал затылок наемник и представился: — Витьком.

— Приятно познакомиться, — как приличная девочка ответила я. — А где заложник ваш? Противный такой, ноющий?

Расчет оказался верен: наемник просиял больше, чем когда я предложила ему сходить перекусить в рабочее время.

— Освободить пришла? — шепотом, чтобы не спугнуть удачу, поинтересовался он. — Сама найдешь?

— А карта есть? — заговорщицки подмигнула ему я, ни на что, в общем, не надеясь, но вдруг повезет. Дуракам ведь удается горы сворачивать, а болотники вдвойне дур... везучие!

— Помятая, — смутился Витек и извлек из-за пазухи мятую салфетку. — Место крестиком отмечено.

Поблагодарив заботливого стража, пожелавшего всучить мне еще и лупу, я расправила стратегическое полотнище и пристально изучила все следы кетчупа на оном. Применив недюжинные способности, я опознала крестик в растекшемся пятне из-под горчицы и бодро зашуровала в обозначенную сторону. Как выяснилось, обозначения в подвале все же имелись, только располагались на потолке, чтобы увидеть смог только знающий человек. Ведь право слово, кто будет тарашиться вверх, если даже вороны не залетают в подвалы?

Грезы потеплели, радуясь, что у них такая неподражаемая хозяйка. Я благодарно потерла их пальцем. Уже совсем скоро камень будет усеян моими отпечатками, и показывать его кому-то станет тем еще пятном на репутации. Может, искупать в чем-нибудь надо, чтобы...

Додумать мне не позволили, едва не спалив своим жаром одежду.

— Поняла, купаться не будем, — пообещала я своевольному камушку. Тот, остыв, сменил гнев на милость, но изредка продолжал нагреваться. Так, для проформы. — Вредина!

Камень промолчал и даже не нагрелся. Вот ведь гордый, даже слова мне не сказал! Молчал, как камень!

Писанная кетчупом карта привела меня к широкой, едва ли не парадной лестнице, по которой не стыдно было бы подняться аристократу средней руки. Красная дорожка изволила отсутствовать, оставив вместо себя серенькую, потрепанную временем товарку. Осторожно ступая за ее пределами (пыль — злейший враг конспирации), я поднялась на обозначенный второй этаж, пригибаясь и проползая под прикрытием перил.

Любителей хитов местного пошива тут не нашлось, и приходилось мне красться под стук сердца и скрип лестницы, которая резко сменила материал происхождения. Изменился и сам дом, как будто деревянную конструкцию настроили на ранее присутствовавшие руины, и получился этаким гибридом. Скромный домик в деревне над землей и хоромы под ней.

На обстановке хозяева сэкономили. Второй этаж и вовсе стоял без отделки. Хватаясь лапкой за очередную ступеньку, я загнала себе занозу и пообещала, что, когда выползу из этой передрыги, вернусь и лично лаком покрою и обстругаю, чтобы последующим поколениям спасательные операции легче давались.

Грезы поддержали меня морально и магически, притупив неудобство иллюзией. От некоторой передозировки счастья, которую обеспечил мне щедрый артефакт, я вывалилась в коридор второго этажа на четвереньках и с улыбкой до ушей.

Страж замер, не зная, что полагается делать при вторжении блаженных. Наверное, будь я на ногах и с боевой раскраской, ничего бы и не вышло, а вот такая, на четвереньках и с выпученными от старания глазами (увы, без магии стать невидимой у меня не получилось), я проползла к двери и ввалилась прямо в камеру Жана. Не забыть бы запретить всем последующим поколениям повторять сие героически-нелепое вторжение.

— Я это, только спросить, — заверила я стража, прикрыла дверь со стороны комнаты, щелкнула замком и только после этого поднялась на ноги и обтрясла попу и колени от пыли.

— Кхм, — пробормотали сзади, и я резко обернулась, не учитывая наличия мебели за спиной. Перед глазами поплыли овечки: звездочки, видимо, пройденный этап.

— Ыгым, — многозначительно ответила я, потерла висок и выставила обличительно указательный палец. — Как ты мог так со мной поступить! — У двери послышалось шуршание, замочная скважина перестала просвечивать, выдавая наличие чьего-то уха. — Бросил меня! Наедине! С этим извращенцем! — Скрипнул пол, говоря, что кто-то уселся и внимает скандалу. Вот всегда так, людям даже неинтересно, реальный он или постановочный — дай только чужие проблемы послушать. — Да если бы я знала, что ты такая!..

Договаривать не понадобилось. За дверью засопели, додумав все за меня.

Жан, оторопело внимавший мне с первых секунд речи, начал приходить в себя. С моим отсутствующим планом это никак не вязалось, поэтому пришлось принимать меры и переходить к активной фазе.

— Да что ты знаешь о разведении свеклы! — веско выдала я.

— Да побольше твоего, — недовольно откликнулся парень из чистого духа противоречия. За стенкой послышались шаги, и знакомый голос предложил сходить перекусить. Судя по скрипу и последовавшей паузе, покушать страж любил больше, чем скандалы. Молодец. Вернул мне веру в человечество!

Разогнувшись, ибо всякий благоразумный человек, подслушивая и подглядывая, непроизвольно пригибается, вжимая голову в плечи, я махнула копной волос (за образец были взяты супергерои) и узнала все, что думает сильная половина человечества о встряхивании перхоти из гривы. На манер плетки волосы прошли по лицу Жана и ничего хорошего, сами понимаете, про супергеройскую привычку он мне не сказал.

— Бе-бе-бе, — передразнила я его на пятом плохом слове, которым он со мной поделился.

— Ты невыносима, — буркнул юноша и потер лицо.

— Ты не пытался, — веско возразила я, подкралась к двери и заглянула в замочную скважину. — Путь свободен.

— Они могут вернуться, — устало пробормотал он и уселся на расстеленную кровать. Только сейчас я сподобилась оглядеть чужую камеру. Выглядела неплохо, если не считать решеток на окнах и выщербленного пола, пропагандирующего иглоукалывание с использованием натуральных хвойных иголок.

— Я договорилась! — выказывая полную уверенность, я показала собеседнику «V» и постучала в дверь с нашей стороны. — Видишь, ушли!

— Сейчас вернутся, — не поверил Жан и лег поверх одеяла. — Не понимаю, зачем ты вообще сюда пришла...

— Импровизация всегда была моей сильной стороной! — попыталась я восстановить боевой дух жертвы, но из-за неудачных попыток начала и сама расстраиваться. Вот точно вампиром будет!

— И единственной достойной внимания, — глухо прокомментировал Жан, положил руки на грудь, как будто репетировал последний путь, и затих.

— Нет, я так не играю! — возопила я, наплевав на конспирацию.

Я сюда его спасать пришла, а он мало того что не счастлив, так еще и погибать решил. Репетирует, старается, вон скоро плесенью покроется и червяков из банки достанет, чтобы ползали. Брр...

С остервенением, достойным осла, я схватила несговорчивую жертву за ноги и потянула к выходу, чувствуя себя муравьем. Пришедшая мне мысль про Февронию и ее мужа была тщательно отогнана и забыта, дабы не смущать мой девичий мозг. Вместо нее (свято место пусто не бывает!) на поверхность вынырнули те самые муравьишки, которые таскали домой всяческую еду. На еду Жан ходил куда больше. Амебное создание даже подушку прихватило в путешествие по заколдованному дому.

Вытянув его в коридор и прикрыв за собой дверь, я бросила свою ношу и отправилась на разведку. Грезы полностью поддерживали мое решение и нагревались с каждым шагом все сильнее.

— Сейчас-сейчас, — заверила их я, и, если бы у них были лоб и рука, наверняка они исполнили бы знаменитый *facerm*. — Не всем везет с первого раза, — успокоила я их и высунулась из-за дверного косяка.

Путь на первый взгляд был чист, на второй — ему не помешала бы уборка, генеральная. То есть с применением спецсредств и убиранием начальства из коридоров. А судя по скорбным лицам любителей огурцов, замерших под потолком в крайне неудобной для жизни позе, имело место именно пришествие начальства. Черный, как и полагается в таких случаях, плащ был любовно выглажен, а капюшон чья-то аккуратная рука вышила маленькими солнышками. Изначально кривыми, но после приобретаемыми все более ясные черты.

— Дело дрянь, — объявила я сама себе, прикрыла рот ладошкой и попятилась обратно. Гениальный план, который я едва успела составить, потерпел неудачу, столкнувшись с реальностью. Что ж, на ошибках учатся. Следующий план должен быть неидеален, зато могуч.

Скрипнула первая ступенька, обеспечивая прилив крови к ногам, встрепенулся Жан, которому все же не хотелось встречаться с пришельцем, потеплели Грезы, демонстрируя свое ценное мнение о происходящем, почесала маковку я и... бросилась искать занавески.

С трех лет каждый ребенок знает, что самый лучший способ спрятаться — залезть на подоконник и прикрыться занавесками. Если удастся протащить с собой книгу, то так можно и весь день просидеть незаметно для окружающих. Главное, чтобы родня оказалась отходчивая и с крепкой сердечной мышцей.

Переживать за сердечную мышцу похитителя чужих амеб не приходилось, а потому я припустила по коридору, выскивая местечко поукромнее. Жан, что примечательно, потащился следом за мной, разрушая кропотливо выстраиваемую конспирацию.

Не успели! Это я поняла, когда коридор стремительно оборвался, оставляя нас стоящими напротив зеркала. Вот так вот хозяева дома зрительно увеличили пространство. В целом идея неплохая, только я рассчитывала хоть на какой-то подоконник, а все двери и двери. Лишь одно

окно на пути — и то без шторок.

Времени размышлять больше не было, и пришлось менять тактику. Развернувшись, я с упорством асфальтоукладчика устремилась в обратном направлении, желая грудью встретить врага. Грезы воинственно блеснули, поддерживая боевой задор, и исчезли, не желая создавать мне больше проблем, чем есть.

На мгновение, на которое ко мне вернулся здравый смысл, я в полной мере осознала свою неправоту, побудившую меня ринуться спасти недостойного субъекта. К счастью, все травмирующие сведения в голове кикиморы быстро проносятся по извилинам и осаждаются в таких далеких пучинах, что достать их без аппаратуры не смог бы и матерый ныряльщик за жемчугом.

Врезавшись в не ожидавшего такой прыти человека в капюшоне, я оттолкнулась от него и понеслась вниз, отвлекая его внимание. В правильном плане Жану следовало спрятаться в укромном месте, а потом драпать на поиски стражи и выручать уже меня, но не был этот тщеславный юноша создан для взаимовыручки. Вместо того чтобы прочесть мои мысли и следовать плану, он бросился за мной. Увы, к его появлению черный капюшон был готов и поймал его воздушными путями. Неприятная вещь. Помнится, Альтар не рекомендовал ее адептам для самостоятельного изучения, но, когда свербит любопытство, преподавателя адепты слушают в последнюю очередь. Только испытав на себе все прелести самораспределившихся пут, мы осознали, что любые чары следует практиковать недалеко от преподавателя, чтобы тот мог примчаться прочищать вам мозги и заодно спасти от последствий собственной глупости.

Вот поэтому меня прямо-таки передернуло при виде (а не оглянуться я не могла) слетевших с рук мага чар и их последствий.

— Данька, беги! — сдал меня с потрохами Жан. Ну вот кому он лучше сделал такой подставой?! Я бы не преминула осерчать, но ноги несли меня вниз по лестнице, и мозг временно недополучал крови, в связи с чем я слегла подобрела.

Скорбно пели подвешенные под крышей маринадчик и Ко, забористо ругался Жан, ощущая на себе действие пут, которые пусть и не были смертельным колдовством, неудобств доставляли массу. Нам, помнится, пришлось осваивать массаж носом, ибо ничем другим для почесания мы воспользоваться не могли, а щекотали путы знатно.

— Адептка Вересная! — прогремело над моей головой, и я инстинктивно втянула ее в плечи, не замедляя между тем шага. Не пойман адепт — нет отработки! — Покинуть этот дом невозможно без согласия владельца, не пытайтесь сбежать!

Я хихикнула. Дом, может, покинуть и не удастся, но о подвале же речи не шло, а не пробует только ленивый и мертвый. И то в случае болотников нельзя быть уверенным в правомерности второго пункта.

Прокатившись по перилам, вдохнув экстрим и выдохнув адреналин, я наконец вспомнила, что магия — тоже наука и, следовательно, изучалась мною в перерывах между едой.

Внутренний голос, который я тут же отпихнула подальше, чтобы не плодить сущности, все же успел напомнить, что боевую магию, единственно полезную в данной ситуации, мы учили не так хорошо, как следовало, и даже экзамен провалили, вымучив (не иначе!) билет и взяв Альтара измором.

Впрочем, болотная натура отказывалась так просто сдаваться, а потому просмотр всех накопленных знаний осуществлялся со скоростью перемотки неинтересных моментов сериала. Под потолком опять загремел усиленный рык мага, но звука при перемотке нет, и мы решили не идти против канона. В конце концов, что полезного может мне сообщить похититель артефактов и юношей?

Смог! Это я поняла, остановившись посреди коридора. Хитрая ухмылочка пробежала по моим губам и спряталась в бровях, заломив их домиком. Я старательно концентрировалась, собираясь повторить то, что достопочтимый Ганс Ройтен запрещал делать под страхом смерти до третьего курса. В миру сей фокус назывался «прихватка», но в учебной литературе не был столь кулинарно-романтичен.

Седовласые старцы, корпящие над учебными программами и проливающие капли чернил на девственно-чистые страницы, не могли придумать ничего скромнее «принудительного перемещения субъекта, вызвавшего разрушение портала, в заданную точку, не требующего

указания массы переносимого субъекта». Понятное дело, что никто не запоминал трактат теоретика, когда практики придумали более краткий аналог. Лень, она, как известно, и жизнь спасти может.

«И достанется же от Ганса, если он узнает!» — думалось мне, когда я приступила к выполнению чар. Хорошо поступила, правильно, по-болотному, плюнув через плечо и показав фигу двери. Альтар бы гордился, техника безопасности в лучшем виде! Ни легко воспламеняющихся одеял вокруг, ни посторонних жертв, одна только бедная я, глупая кикимора, которая совершенно случайно и по глупости решила почаровать посреди пустой комнаты.

Репутация — страшная сила. В лучших традициях жанра, не давая бедной глупой овечке сбежать, черный рыцарь явился пред испуганные очи жертвы, развеял ее портал, лишая последней надежды... и целое мгновение видел ее злобную улыбочку и махание рукавом на манер платочка.

Может, сама я и не смогла бы выбраться без «разрешения хозяина», но вот сам хозяин прошел через барьер (если он, конечно, существовал) легко и непринужденно.

Довольно подхихкивая собственным злым мыслям, я отправилась в обратный путь. Теперь уже не спеша, без волнения и страха, как и полагается воспитанной кикиморе из почтенного семейства.

Под потолком все так же скучали стражи, пытаюсь ответить на извечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?». С оригинальностью у них наблюдались явные проблемы, ибо виновен оказывался собеседник, а что делать, не могли выдумать оба даже коллективными усилиями. Еще бы, где ты тут магистра боевой магии отыщешь или хотя бы серебряный укус? Вряд ли местные стражи додумались бы в огурчики серебро докладывать, на всякий случай, чтобы шеф потом с носом остался.

Заметив мое возвращение, стражи приободрились и попытались выглядеть достойно, но в обнимку друг с другом (пути не знали понятия личного пространства) и краской смущения на щеках менее всего они походили на добровольных союзников.

— Девочка! — обратился ко мне тот, что сторожил Жана.

— Товарищ! — возопил мой недавний пленник. — Мы сделали все, что могли, но коварный супостат (где он, кстати?) оказался сильнее! Сковал он нас какой-то волшебной невриручей. Подсоби, сделай милость? — И глаза такие жалобные-жалобные, котик из Шрека, видимо, здесь мастер-класс посетил.

Вздохнув, я развела руками.

— Здесь мастер нужен, а не я. А то чары сниму (для поддержания образа великой и могучей иногда можно и приврать!), а кто вас ловить будет? Третий этаж все же, — напомнила я беднягам о месте их дислокации. — Но не переживайте, сейчас я заберу свою цель и поделюсь вашим горем с начальством. Оно придет и вас спасет! — клятвенно пообещала я, размышляя, кого бы лучше отрядить на спасение сырых и маринованных.

По всему выходило, что безопаснее всего звать Альтара. Ему, как преподавателю и куратору, положено заботиться о сохранности адептов, а тут налицо явная попытка причинить вред адептам Академии и лично его головной боли. Последнее — особенно тяжкое прегрешение в моих глазах — требовало незамедлительной мести. Впрочем, припомнив, куда должно было выкинуть любителя ручной вышивки, я поняла, что готова подождать.

Взобравшись на вдоль и поперек изученный третий этаж, я обнаружила Жана, спеленатого, как и два его охранника. Отличие наблюдалось только в присутствии кляпа, который юноша стремился выплюнуть, но без посторонней помощи у него не выходило. Сразу видно, не посещал дополнительные курсы по плеванию. Прогульщик!

Кое-как освободив беднягу от инородного тела во рту, я выслушала тираду, посвященную всем и каждому. На мгновение у меня даже появилось искушение вернуть кляп назад и добавить мыла, чтобы язык очистился. А то такие слова и в присутствии кикиморы... Стыдно, господа!

Последнее я, видимо, сказала вслух, ибо Жан замер, а после хмыкнул, стукнувшись подбородком о пол. Тирада вышла на новый круг.

Странного желания выслушивать то же самое повторно я не имела и села подальше,

размышляя, что же теперь делать. В моем распоряжении имелся дом, три пострадавших от жестокого обращения начальства субъекта и только одна трудоспособная кикимора, которая трудиться как раз не желала, размышляя, на кого можно переложить столь ответственную миссию.

Решение нашлось само. С грозным криком «Лежать, а то не пронесет!» в особняк вторглись три инородных тела, следом за ними еще пять, потом еще и еще... Прибытие группы захвата я наблюдала сверху, в положении на четвереньках: ползком передвигаться не получилось. Пришлось импровизировать и подгонять варианты под реальность.

— Данька! Данька! Ты где делась? — Голос Трейса был бодр, но слегка тревожен. — Ау! Отзовись! Не смей где-нибудь загнуться! Знаешь, что нам тогда магистр сделает?!

Вопрос был риторическим, но я представила, что может сделать Альтар, и приуныла. Почему-то первыми на ум пришли цветы, врученные избавителям. Руки мгновенно зачесались, а голова начала соображать, как будем мстить предателю нашего доверия. То, что доверие еще не было предано и весь факт предательства был домыслен мною самой, во внимание не принималось. Вот такая она, женская логика: сама придумала, сама обиделась, сама отомстила, а потом, если повезет, сама и раскаялась.

— Адептка Вересная, если вы не найдетесь сами, я буду вынужден применить не слишком приятные поисковые чары, — предупредил весь особняк недовольный голос не так давно вспоминавшегося магистра Ройтена. Ой что будет... Только бы никто не проболтался!..

— Я здесь! — шепотом проорала я и помахала спасателям. — А вы здесь что делаете?

Вопрос был уместен, так как никого на помощь я еще позвать не успела, а значит, их прибытие — личная инициатива кого-то из важных шишек или моей болотной семьи. В последнем случае все правильно, а в первом — подозрительно. Может, это дяденька вернулся и фантомов налепил, чтобы глупую кикимору выманить, а я попалась...

— Стоять! — остановила я бросившихся ко мне спасателей. — Прозвище Альтара! Живее!

— Лосиный принц, — смутившись под взглядом магистра Ройтена, все же ответил Трейс. Кира только головой покачала. Чувствую, прочтут мне лекцию о принципах обнаружения фантомов. И не раз прочтут, пока дословно не воспроизведу.

— Ух, — облегченно выдохнула я и побежала обниматься. Так ведь полагается спасателей встречать?! Бежишь, потом обнимаешь, мешая им выполнять свою работу, потом тебя кутают в одеяло и дают что-нибудь теплое. И это, неплохо было бы пульс померить. Может, мне госпитализация и пироговая диета нужны.

При мысли о последнем я облизнулась. Судя по вздрогнувшим стражам, которых спустили на пол, к плотоядному оскалу болотницы они были не готовы. И это профессионалы, служители главного гада, решившего наложить лапу на мои Грезы! Артефакт согласно потеплел и проявился.

Уже во дворце, оттащив меня в уголок, Трейс тихонько спросил:

— Ты за что так с магистром?

Я удивленно воззрилась на любопытствующего, отвлекшего меня от третьего рассказа о спасении Жана, в котором уже начали фигурировать гоблины, путающиеся под ногами и всячески мешавшие спасательным работам, кои я героически проводила, разработав обширный план спасательной операции и составив психологические портреты охраны, которая никак не хотела перевербовываться.

— Ты о чем? — искренне удивилась я.

— Эм... — протянул Трейс. — А ты хоть знаешь, кого заперла в центральной клетке зоопарка вместе с крастами?

— Злодея! — веско ответила я и вцепилась в болотника. — А кто там был?

— Ты невозможна, — простонал парень, увлекая меня подальше от лишних ушей.

Правильно, нечего легенду о Великой Даньке разрушать.

Мы заперлись в одной из гостевых комнат. Как и полагалось, теплой, светлой и с морковкой на подоконнике. Джейс начал было излагать, но я его остановила.

— Тсс... — приложив палец к губам, сказала я, поудобнее перехватывая горшок.

— Дань? — начал было болотник, но позориться не пожелал и притих.

В гробовом молчании я вынесла горшок в коридор и оставила там. Не сдержалась и обернулась. Морковка недовольно косилась мне вслед, еще и ботвой махнула, дескать, «не очень-то и хотелось». Фыркнув ей в ответ, я плотно закрыла дверь и разлеглась на диване, обнимая подушку.

— Все, шпион нейтрализован, — дала отмашку начинать рассказ я, закрывая глаза, чтобы лучше представлять все то, что будет мне описано. Но Трейс был неумолим: сначала следовало удовлетворить его любопытство, а после уже он готов был поделиться наблюдениями со мной. — Морковка — последняя разработка нимфо-дриадской разведки. Внедрена под видом декоративного растения, но на деле тот еще монстр!

— Ясно, — протянул Трейс, уважительно косясь на дверь.

— Теперь ты! — напомнила я, не желая более прерываться на разговоры. Тщеславие требовало признания, восхваления и почитания. Я уже приготовилась купаться в лучах славы, когда Трейс просто выдал:

— Дура ты, Данька. А если бы они его съели? — упрекнул меня болотник.

От неожиданности я открыла глаза и недовольно поджала губы.

— Красты добрые!

— Угу, только никто об этом не знает! — насмешливо протянул Трейс.

— Именно, — надулась я. — И вообще, ты должен рассказывать про другое!

— Я в процессе, — кивнул парень и продолжил: — Итак, посреди моей смены (да, меня откомандировали в зоопарк на денек) на вверенной мне территории внезапно — хотя чего еще можно было ожидать — в клетке с крастами появляется наш любимый ректор. Узнал я его с трудом, должен отметить. Таким разгневанным я его в жизни не видел. Впрочем, таким помолодевшим тоже.

Решив, что он хочет предъявить претензию к нашим омолаживающим смесям, я вызвал начальника завода и сообщил об этом ректору, но тот продолжал гнаться. Пару раз спустив пар в защиту клетки (а ты должна помнить, что после недавних событий, когда краст атаковал тебя, их клетка была укреплена особым образом и теперь питается от отдельного источника), магистр Бродсед помянул плохим словом тебя. И вот тут-то я и понял, что дело нечисто.

— Еще бы! — фыркнула я, и тут мне поплохело. — А Сердце нашли?

— Еще как нашли! — ухмыльнулся Трейс и продолжил: — В общем, упомянул магистр тебя, и я подумал: «С чего бы он о тебе вспоминал?» Подозрительно это как-то, о практикантах думать в такой ответственный момент. Связался я, значит, с Витой, а она говорит, что тебя похитили. Тебя! — Он хихикнул. — Похитили! Бедные похитители!

— Ближе к теме, — отрезала я, садясь на диване по-турецки и потрясая подушкой.

— А что ближе?! Я сказал Вите про претензии магистра, Вита явилась с половиной гвардии и ее высочеством Дженджин. Великая у нас принцесса! — восхищенно выдохнул парень.

— Она несвободна, — мстительно отметила я.

— Вот злая ты, Данька!

— А еще мелочная и мстительная, — согласилась я.

— Нет, была бы мелочной — не пошла бы Жана спасать. Он сам сказал, что не ожидал с твоей стороны такой...

— Глупости? — прервала я словоизлияние.

— Храбрости! — отмахнулся от меня болотник. — Хватит перебивать!

— Молчу-молчу.

— Так вот. С появлением принцессы все осложнилось и упростилось одновременно. Дженджин почувствовала, что недавно магистр использовал украденное Сердце. Разумеется, после этого никаких разговоров уже не велось. Началась драка. Красты выступали на нашей стороне, за что им уже расширили клетку. Боевые чары летали туда-сюда, разили направо и налево...

— Но магистр же был один? — уточнила я. — А клетка вроде бы не пропускает вонне чары?

— Вот вредина ты, Данька! — хмыкнул пойманный на вранье парень. — Даже помечтать не даешь. Сама-то целый роман придумала!

Я смутилась, но признаваться не стала. Мое вранье недоказуемо, более того, стражники подтвердили все, что я сказала. Еще бы, быть перевербованными и сражаться за идею лучше, чем продаться за огурцы.

— Продолжай, — махнула рукой я, понимая, что пока Трейс не выскажется, не узнаю правды.

— В общем, магистр решил использовать Сердце.

— От него что-нибудь осталось? — спросила я в надежде, что завтра не придется идти и оттирать мраморные плиты дорожек зоопарка.

— Да, осталось. Можно даже сказать, что он добился своего.

— Чего добился? — нахмурилась я, не в силах признать, что существуют индивиды, желающие украсить собой пол.

— Омолодился! — выдал Трейс и укоризненно покачал головой. — У человека горе было, а ты! Сглазил его кто-то. Хорошо так сглазил, качественно. С каждым днем бедняга старел на год. Даже сила колдовская ничего поделать не могла. Иссякала вместе с жизнью. Он почему проект «Переселенец» продвигал? Думал, получится от них силушки черпнуть, но не вышло. Весь семестр он страдал, а потом кто-то из магистров дриадских похвастался, что Сердце ему сотню лет вернуло.

— И Бродседу вернуло?

— Бродсед человек, — внес важное дополнение Трейс. — К работе с Сердцем не приспособлен, предохранителя не имел, так что...

— Но ты же сказал, что он омолодился!

— Омолодился! — подтвердил болотник. — Лет через десять сможет вновь поступить в КАКу, читать научится, подрастет, опять же, перестанет все в рот тянуть...

— Так он теперь совсем маленький? — недоверчиво переспросила я. Представить седого магистра, который в одночасье стал младенцем... Даже моя фантазия отказывалась такое воображать.

— Два-три годика. Можешь Альтара спросить, он его забирал. После подписания договора, конечно. Мы Кирстену магистра, они нам компенсацию.

— А проклятие сняли?

— Само собой. Сердце все чары вокруг магистра распылило. Такое уж оно, — криво усмехнулся болотник. Судя по мимике, он не одобрял помощи пришлым ворами. Даже с академическим образованием.

— Гордись родным болотом!

— Горжусь, — вздохнул парень. — Только понимаешь, мы вечно крайние. И никто же не поверит, что магистр сам себя превратил. Опять нас обвинять будут. Обидно, — пожаловался Трейс.

— Один человек точно обвинять будет, — согласилась я. — Проклинатель ректоров. Вот ты представь, какую ему пакость болотники устроили? — Трейс разулыбался, весь как-то посветлел, приободрился, плечи расправил. — Вот то-то же.

В дверь вежливо постучали. Мы с болотником разом замолкли, как будто имели что скрывать,

переглянулись, и Трейс тоненьким голоском спросил:

— Кто там?

— Гиппопотам. — Вита не была настроена на продолжительные речи и вошла тут же, удостоверившись, что именно эту комнату облюбовали ее друзья. — Данька, тебя Ваня зовет. Она домой уходит и хочет тебя забрать отдохнуть.

— А, хорошо, — скомканно ответила я, поднялась со своего места и задумалась. — А куда идти?

— Я провожу, — отмахнулась от долгих объяснений кикимора и грозно сверкнула глазами на Трейса: — Бездельник! Бабушка его везде ищет, а он здесь сплетничает. И не стыдно?!

Вопрос был сугубо риторический и ответа не требовал. И так было ясно, что Трейсу нисколько не стыдно сбежать из дома на подвиги, лишь бы от каши отделаться, которой его, по словам Виты, кормили для восстановления сил и скорейшего выздоровления.

— Проходимец! — фыркнула Вита, когда мы удалились на достаточное расстояние от комнаты с одиноким Трейсом, коему было заявлено, что тот имеет пять минут, чтобы вернуться домой, иначе бабушка сама займется его поисками.

— И тебе совсем его не жалко? — поинтересовалась я. Еще с детства я помнила, что хуже каши может быть только холодная каша, а вот хуже холодной каши может быть только много холодной каши... И цепь эту можно вести вечно, разве что найдется в семье кто-то, кто перестанет варить кашу или, наконец, научится ее готовить.

— Нет, миледи варит чудесную кашу. Все соседи за честь почитают возможность прийти отведать ее творение.

— И часто удается?

— Увы, собственную семью она любит больше соседей.

— А собственная семья ест кашу каждый день?

— Возможно. Миледи любит готовить.

— Вит, — я заглянула в ее глаза, — а ты представь: каждый день одно и то же есть. Даже вкусное опротивеет. А если он боится бабушку расстроить, то и не скажет ей об этом.

— Глупец, — пожала плечами Вита. — Я бы сказала.

— И бабушка бы расстроилась. А ты бы хотела свою бабушку расстроить?

— Я еще жить хочу, — призналась Вита. — Ты права. Прости. Но лучше бы ему все же поговорить с мадам.

— О чем? — Этот строгий холодный выговор будет сниться мне в кошмарах, поняла я, едва услышав голос леди Сагры.

— О вкусной и здоровой пище, — мгновенно расплылась я в улыбке. — Вита поведала мне о вашей неповторимой каше, и, если возможно, я бы сочла за честь отведать пару ложек этой неземной пищи.

— Что?.. Конечно, когда мой внук поправится, я обязательно приглашу вас на ужин, — пообещала женщина и сверкнула стеклами толстых очков.

— О, это так чудесно, — восторженно захлопала я в ладоши и локтем случайно толкнула Виту в бок, чтобы подыграла. — А вы дадите нам пару уроков приготовления вашей каши?

— Уроков? — внимательный взгляд лучшей проклятийницы болота вернулся к нам.

— Да, уроков! — продолжал бить фонтан моей разговорчивости. — Трейс так хвалил ваш рецепт, что каждый раз, стоило мне приготовить кашу (а я старалась делать это каждый день, ведь каша — залог полноценной пищи!), вспоминал о вас.

— Вы готовили ему кашу?

— Мы все ее готовили! Я, Вита, Кира, все по очереди. Ведь мальчики никогда сами не

признаются, что больше всего в жизни любят кашу, а Трейс признался. И мы пытались облегчить ему расставание с родиной хоть этой малостью.

— То есть он регулярно кушал кашу? — вычленила главное бабушка.

— Да, именно так, каждый день! — бодро закивала я.

— Что ж, — хмыкнула бабушка и хитро нам подмигнула. — В таком случае я его немного побалую, а кашкой вы его покормите. И мне забот меньше, и вам шанс доказать, что лучшей хозяйки он не найдет.

Быстро удаляющуюся спину бабушки мы провожали с одинаковым непониманием. Первой не выдержала Вита:

— Мне кажется, или...

— Да, именно, — пришла в себя я. — Нам передали бразды кормления внука и благословили на кулинарные подвиги. И поскольку теперь нас рассматривают как потенциальных жен внука, свои позиции бабушка сдавать не станет и начнет кормить любимого наследника вкусно, а не полезно. Знаю я таких!..

— Трейс должен тебе услугу, — рассмеялась Вита и внезапно толкнула меня локтем: — Еще раз попробуешь использовать меня втемную!..

— Ай! — преувеличенно громко вскрикнула я и изобразила ладонями крышу над головой. — Я в домике. И вообще бедный пострадавший деть, а ты!.. Фу такой быть.

— Пострадавший деть она, как же! — фыркнула кикимора, но мир был установлен.

Глава 7

За чужой жабкой погонишься — от хозяйки получишь!

Из года в год, из века в век

Проходит общий жабий бег!

— Ать-два, ать-два, — считала я вслух, вцепившись в поводья, пока Жабка горделиво дефилировала по лужайке. После недели упражнений мы достигли успехов в выездке, а я перестала вылетать из седла на особенно крутом вираже. Сейчас мы бились над другой проблемой: у меня внезапно открылся страх публики. То есть при знакомой компании я еще могла гордо реять, задрав нос и распушив импровизированные крылья, но стоило в нашу честную компанию добавиться кому-то лишнему, я сразу горбилась и сутулилась, что никак не соответствовало статусу королевской фамилии.

— Дань, спину ровнее! — кричал Трейс и демонстрировал, как следует выпячивать грудь.

— Просто откинись чуть назад, — советовала Кира, которая любила ездить верхом. На лошади, конечно, жабий транспорт был ей пока недоступен.

Джейс традиционно отмалчивался, не желая давать глупых советов. Вита должна была прийти чуть позже и всех нас построить за прогул практики.

Нет, мы вовсе не были заядлыми прогульщиками, но сегодня меня официально освободили от несения тяжелой адептской доли, чтобы я могла как следует подготовиться к соревнованиям. Жабка такому исходу дела была только рада, а вот мне в одиночестве наматывать круги не хотелось.

Выйдя утром к конюшням, я скорбно водрузила на Жабку седло, забралась в него и чуть не сверзилась целоваться с утренней росой, обнаружив у себя на лужайке почти всю болотную компанию с подбадривающими транспарантами. Рядом с ними умывалась Самаэлен, не давая усомниться в том, кто собрал зеленых в рассветный час.

— Жабка, ты же пьяный медведь, — ругался Трейс, заметив, что Жабка начала косить в сторону. Вот зря он так, не удивлюсь, если в него плюнут, когда мимо проезжать будут. С Жабкой надо ласково, по-доброму...

— Отставить равнение на забор! — командным голосом распорядилась кошка. — Слушать команду, равнение на фею.

Где Самаэлен успела украсть фею и проинструктировать, оставалось загадкой, но маленькое среброкрылое существо с тяжким вздохом принялось наматывать круги прямо перед нами. Дело пошло бодрее. Теперь для Жабки было вопросом чести поймать крошечное создание, постоянно мелькавшее перед глазами.

Пыль взметнулась до небес, заставляя всех вскочить на ноги и недовольно всплеснуть руками. Только Джейс остался спокоен, предварительно озаботившись щитом от пыли и успев покушать дома. Трейс же готов был пришибить мерзавца, лишившего его вкуснейшего (у самой слюнки текли) пятиэтажного бутерброда. Жабка же, словно почувствовав, что цепкое око Самаэлен перестало следить, прыгнула за феечкой, сбросив меня на землю.

— Жабка! — грозно проорала ей вслед я, подавилась пылью и расчихалась. Судя по вторившим мне «апчхи», подобная судьба постигла не меня одну.

Пыль рассеялась довольно быстро, явив нашему вниманию хитрую морду демонюги, который в одной руке держал тортик, а в другой — бутылку с красной жидкостью неопределенного происхождения. Зная этого типа, там могло оказаться все, что угодно, даже подкрашенный уксус.

— Рад, очень рад, — возвестил он, занимая освободившееся на лужайке место и брезгливо отодвигая ногой раскрытую корзинку. — Пришел выразить почтение уважаемой наезднице и ее Хранительнице. — Демонюга отсалютовал кошке и уселся на чужое покрывало. Сорванная травинка, мгновенно оказавшаяся между его клыков, довершила картину «Демон на отдыхе», которая создавалась прямо на наших глазах.

— Ты! — возопила кошка, расчихав копи.

— Получил разрешение от матушки адепки, — указав на меня, быстро заверил демон и полез за пазуху.

Помятый лист, украшенный гербовой печатью, действительно имелся в наличии, вот только никакого разрешения там и в помине не было. Впрочем, выгнать демона, облюбовавшего лужайку, пришлось бы напряжением всех средств, а нам еще предстояло ловить Жабку.

Неодобрительно фыркнув, кошка первая умчалась на поиски феечки. Мы потянулись следом, оставляя Наона в гордом одиночестве. Подобного обращения демонюга вынести не мог.

Прошелестел ветер в ушах, взметнулась челка, повторилось восстание пыли, и довольный демон оказался прямо перед нами, сжимая в одной руке шипевшую Самаэлен, а в другой — сжавшуюся в комочек феечку. Жабка бодрой рысью скакала к нам, демонстрируя природные способности к конкурсу.

— Вопрос исчерпан? — осведомился демон, опуская на землю кошку и сбрасывая ей на холку феечку. Негодяй! Так издеваться над сестрами нашими меньшими!

Самаэлен недовольно зашипела, но слов в привычном человеческом понимании не произнесла. Только задранный хвост и выпущенные когти выдавали ее негодование вкупе с кокетством. Мы переглянулись: Трейс прыснул в кулак, но от комментариев воздержался. Чем-чем, а нюхом болотник обладал, как и склонностью к самосохранению, а уж в том, что кошка будет отрицать свое внезапное увлечение, никто из нас не сомневался.

— Ладно, раз фею мы нашли, — я проследила за удаляющимся в небесные дали существом, — возвращаемся к тренировке.

Жабка, услышав о продолжении поскакушек, радостно боднула меня в живот. Вздыхнув, я забралась в седло и медленно, насколько могла уговорить земноводное, помчалась к началу маршрута. Команда поддержки потянулась на исходные позиции. Поворачиваться спиной к демону они не рискнули и весь путь напоминали пятящихся раков.

Жабка в нетерпении гарцевала на месте в ожидании команды. Эту почетную миссию должен был выполнять Трейс, но демон опередил болотника, заставляя замереть с протянутой рукой. Флажка судьбы в ней уже не было, зато в когтистой ладони демона сей предмет имелся, и именно он дал старт разминочному забегу: без феи тренировать выездку было бесполезно.

Самым тяжелым в катании на Жабке было не вылететь из седла на повороте. Если в обычное время земноводное само следило за положением седока, то вдохновившись соревнованиями, несло во всю прыть, изредка вспоминая о двуногом на своей спине. Приходилось напоминать съехавшей с катушек красавице о своем присутствии, натягивая поводья. Впрочем, Жабка не была бы Жабкой, не разобравшись, что при должной скорости я просто не рискну ее тормозить, дабы не вылететь из седла. Разобралась и пользовалась, пупырчатая зараза.

Только на финише мне удавалось немного передохнуть. Ровно до того момента, как не взлетал флажок, и Жабка не отправлялась на очередной круг. Одно хорошо — со скоростью у нас проблем быть не должно. Все же Жабка происходила из семьи лучших скаковых, и все ее предки выигрывали Зеленые гонки благодаря своей прыти. Даже получив штрафные круги за облизывание судейства, ее дедушка, которого мне показали на картинке, смог одолеть в честной гонке Пупра Липкого, лучшего представителя земноводных дриадского края. А в этом году нам предстояло одолеть самого кирстенского принца, которому для участия все те же дриады выделили своего лучшего скакуна. Предатели! Нет чтобы своих поддержать — людям помогают!

Как бы то ни было, прослышав о семейном враге, Жабка рвалась в бой и оттачивала мастерство бега каждый день. Не было мне спасения ни в доме, ни за его пределами. Земноводное стонало, страдало, бодалось и тянуло меня к седлу. Приходилось готовиться вместе с ним.

— Марш! — в очередной раз распорядился довольный донельзя демон, мстивший мне, видимо, за пренебрежение к своей скромной персоне. Жабка послушно сорвалась на бег. А мне оставалось только изображать флажок на болиде Формулы-1.

Спасение пришло внезапно, когда его совсем не ждали. Отворилась калитка, мелькнул знакомый силуэт, Жабка стремительно затормозила, заставив меня вцепиться в седло до боли в пальцах, и резко сменила направление.

Больше земноводное не интересовали ни флажки, ни команды. Она неслась к тому, по кому

тоже успела соскучиться. В моей душе поднимались ревность и недовольство. Почему это она рада видеть кого-то столь же горячо, как и меня после долгой разлуки?

Готовая высказать прищельцу все свое негодование, я набрала в грудь побольше воздуха, едва Жабка остановилась, обпылив прищельца по самое не хочу. Разогнувшись для солидности, я взглянула на внезапного посетителя и вместо готовой тирады выдала совсем уж блеклое:

— Привет!

Альтар устало кивнул, похлопал Жабку по пупырчатой морде и тоже спросил совсем не то, чего от него ждали:

— Хозяйка у себя?

— И это все, что тебя интересует? — обиделась я, тронула поводья и отвернулась.

— В данный момент, — зевая, согласился маг.

Я покосилась в его сторону и с неудовольствием отметила, что бедного нашего куратора уморили до неопишуемых пределов. Чтобы у Альтара мешки под глазами появились?! Да даже после наших ночных приключений в кукурузе у него такого не было!

— Ванична в доме, — я махнула в сторону парадного крыльца.

— Спасибо, — благодарно улыбнулся Альтар и, проходя мимо, взлохматил мне воронье гнездо, отчего оно послушно устранилось.

— Спасибо, — тихо проговорила я ему вслед, припоминая, взяла ли с собой на выездку резинку.

— Позвольте вам помочь, леди?

Демон перехватил инициативу, стоило спине Альтара скрыться из виду.

— Простите, но вам я не доверяю. — Мстительно выхватила резинку из рук демонюги и, пока он демонстративно обижался, отъехала к Кире.

— А пылить зачем?! — возмутился Наон, которого Жабка решила накормить землей. Не нравился ей этот внезапно возникший ухажер, не знала она его, но перепонками чуяла: не пара он хозяйке, котиный хахаль.

— Ты ей не нравишься, — развела руками я и протянула трофей Кире. Как и предполагалось, девушка справилась за считанные секунды, даже не выказав неудовольствия отсутствием расчески: после вмешательства Альтара волосы послушно собирались в группки, не устраивая сражений за лидерство.

Тренировка возобновилась. Мстя мне за пыль и похищение трофея, Наон замахал флажком настолько интенсивно, что Жабка остановилась и с интересом воззрилась на странного двуногого. Весь ее вид и повернутая ко мне морда с недоуменным выражением на оной свидетельствовали, что она не понимает, что случилось с арбитром, какой неизвестный ей недуг поразил его мозг и заставил танцевать прямо посреди лужайки.

— Старт! — крикнула Кира, спасая демона от принудительного умывания — любимой и самой действенной из всех известных Жабке процедур приведения в сознание.

Жабка осторожно переступила с лапы на лапу, медленно обошла демона и только тогда приступила к выполнению возложенной на нее миссии: сорвалась с места и помчалась вокруг поместья. Демон с постной физиономией засекал время. Мне же почудился кошачий тонкий смех, но разве могла Самаэлен внезапно оказаться на руках у Трейса с попкорном?

Обеденный перерыв стал поистине событием. Жабка наконец соизволила остановиться, вспомнив о своей настоящей хозяйке, а не о всяких пришлых, которым стоило один раз взглянуть в окно, и земноводное принялось играть на публику.

Кое-как ступив на бrenную землю, которая в первые мгновения нещадно тряслась под ногами, норовя свести со мной более близкое знакомство, я оказалась на свободе. Ровно на час, который Жабка отдыхала у себя в стойле, больше напоминавшем царские покои, не чета ее номеру на нашем старом болоте, я оказалась предоставлена сама себе. Теоретически. Практически же проголодавшиеся зрители потянули меня на кухню, чтобы в дружеской

компании разобрать все мои промахи, главный из которых и так был мне известен: контролировать это земноводное было сродни чуду, а за мной подобных навыков еще не водилось.

— Госпожа, — дождавшись, когда я доем, проговорила одна из служанок, Марта, собирая грязную посуду, — возможно, вы осведомлены, хозяйка будет обедать одна или с гостем?

— А он еще не ушел? — с затаенной надеждой спросила я. Чего греха таить, соскучилась я по вредному куратору с золотыми руками и вкусящими ужинами.

— Нет, как появился, еще не выходил из кабинета хозяйки, — отчиталась молоденькая болотница и смутилась. Я ревниво зыркнула в ее сторону. Вот же ж собственница выискалась!

— Вы не могли бы спросить у госпожи, будет ли она обедать? — продолжала между тем старшая, та, что спросила меня об обеде.

— Хорошо, — радуясь выпавшему поводу заглянуть к Ваничне, ответила я и, пользуясь тем, что Самаэлен, пожелавшая обедать с нами, чем-то зацепилась с демоном, который также не преминул поприсутствовать, незаметно выпорхнула из-за стола и взлетела вверх по лестнице.

Только Кира проводила меня насмешливым взглядом, но мне вполне себе могло показаться.

Я замерла перед дверью в кабинет Ваничны, как будто это были врата в драконат или по меньшей мере официальный переход Ацц, за которым дежурили толпы демонов, готовых отрабатывать свою репутацию.

Помявшись в нерешительности пару минут, я глубоко вдохнула и занесла руку, чтобы постучать в дверь. Вовремя, должна отметить. Еще чуть-чуть, и резко распахнувшаяся дверца заставила бы меня совершить полет сродни тем, что провоцировала Жабка внезапными остановками.

— Данька, — покачал головой маг, помогая мне устоять на собственных ногах. — И сколько раз ты будешь так падать?

Я улыбнулась, но решила промолчать: падать, зная, что тебя поймают и аккуратно поставят на ноги, было приятно. Поэтому поручиться, что не буду повторять «падения» сознательно, я не могла. Вдруг не останется другого выхода?

— Все ясно, — серьезно ответила Ванична, вмешиваясь в наше молчаливое общение. — В таком случае я не буду возражать.

— Благодарю, — серьезно поблагодарил кикимору Альтар и протянул мне руку. — Ты хотела мне что-то сказать?

— Не тебе, — мстительно ответила я и обратилась к болотнице: — Марта спрашивает, будете ли вы с вашим гостем обедать?

— Я сейчас спущусь, — заверила меня болотница. — Что касается гостя, — Ванична внезапно фыркнула в кулачок, как самая настоящая проказница, — он сам тебе ответит.

И вышла, оставляя нас наедине. Еще и дверь за собой закрыла, чтобы никто не подслушивал. И этим поступком она сказала больше, чем могла бы выразить словами: мама доверяла Альтару и одобряла его присутствие в доме. В противном случае говорили бы мы лишь в ее присутствии, а то и при личном участии королевы. Последнее, после недавних событий, было наиболее вероятно.

— Зачем ты приходил? — Оставшись наедине с магом, я почувствовала тревогу. Доверие, оказанное ему болотницей, не могло не заставить меня задуматься обо всем, что творилось вокруг. И выходило очень странно.

— Обсудить один важный для меня вопрос, — просто ответил Альтар и обнял меня за плечи, притягивая к себе. — Не сердись.

— А я не сержусь! — выпалила я и уткнулась ему в плечо.

— Умница.

Меня поцеловали в пыльную макушку.

— Она грязная, — как бы извиняясь за собственный внешний вид, который внезапно стал меня так уж волновать, проговорила я.

— Она твоя, — ответил маг, как будто этот незначительный факт мог перечеркнуть все остальные недостатки.

— Все равно грязная, — насупилась я.

Альтар закатил глаза, шепнул что-то, и вокруг завоняло ландышами.

— Прости, это стандартный аромат, — повинился маг. — Но теперь ты не можешь уходить от разговора из-за одной только грязной головы.

— Вредитель, — улыбнулась я и крепко-крепко обняла собеседника. — Жабка по тебе соскучилась едва ли не больше, чем по мне! — обвинительно добавила, припоминая грешок собеседника.

— Премного ей благодарен, — важно кивнул маг, боднув меня подбородком. — Хоть кто-то скучал по мне.

— Я тоже скучала, — тихо произнесла я, отстраняясь и упирая кулачки ему в грудь. — А ты к нам даже не заходил. Вита — и та тебя видела вчера, а...

— А к тебе я смог выбраться только сегодня. Тише, — он подул мне в макушку, — еще чуть-чуть и я решу, что кто-то ревнует.

— А если и так? — Я отвернулась и отошла к окну.

— Значит, я не просто так пришел к Ваничне, — хмыкнул магистр.

Я слышала, как он подходит, как становится рядом, оттягивает занавеску, чтобы мне удобнее было смотреть на полигон. За дни наших тренировок вокруг особняка успела образоваться настоящая гоночная трасса, которой жить оставалось лишь до Зеленых гонок. После же на помощь газону придут дриады из мануфактуры «Газон для всех зон» и вырастят все заново. Об этом нас предупредила Самаэлен, когда заметила, что я пытаюсь заставить Жабку ездить по одной и той же колее.

— А зачем ты пришел? — не глядя на собеседника, поинтересовалась я. Знать ответ очень хотелось, но еще больше демонстрировать свой интерес, чем это было уже сделано... Нет, не быть сему.

— Обсудить один щекотливый вопрос с Ваничной, — насмешливо ответил Альтар и повернулся ко мне. — Она разрешила. Теперь я могу задать очень интересующий меня вопрос тебе. Ты...

— Это сколько можно штаны просиживать! Жабка уже извелась вся от нетерпения! — громогласно пронеслась по всему дому тирада в исполнении демона. Судя по сдавленным крикам, Самаэлен не позволила ему остаться безнаказанным.

— Прости, мне нужно идти, — с сожалением проговорила я. — И спасибо, что пришел. Может, останешься с нами?

Надежда умирала последней.

— Останусь, — заверил он, а у меня появился лишний повод показать все, что мы с Жабкой освоили за дни тренировок. И что-то подсказывало, что она всеми лапами поддержит мою инициативу.

Под вечер на лужайке остались самые стойкие и не обремененные государственными делами. Первыми покинули насиженное место Джейс и Кира, у которых было назначено свидание, переходящее в знакомство с родителями. После ретировался Трейс, у которого своих дел не было, но чужие его занимали неимоверно. Дождавшись, пока брат со своей девушкой уйдут, он быстро попрощался со всеми, сдал отобранный у демона флажок Альтару и спешно отбыл готовить морально родственников.

Наон уходить не желал. Приватизировав оставшееся после парочки покрывало, он развалился на лужайке и, пожевывая травинку, продолжал давать советы по управлению полуразумным транспортом. Жабка, пробегая мимо, уже привычно лягалась, поднимая столб пыли, но

демонюга был готов к ее негодованию не только морально: вокруг его фигуры слегка серебрился щит.

— Все! — сказала я свое веское слово, сползая с Жабки. Та ткнулась мордой мне в бок, выпрашивая еще круг. Пришлось почувствовать себя извергом, но опыт подсказывал, что одним кругом я не отделаюсь. — Нет, ну сама посмотри, — я указала на резко сократившееся число зрителей, — ты хочешь вот для них стараться и демонстрировать неутомимость? Болотные уже ушли, нечего с пришлыми кокетничать!

Жабка виновато потупилась, боднула меня для приличия и поплелась к стойлам. Там с нее должны были снять седло и помассировать пупырышки. Зря, что ли, в поместье имелся свой специалист по земноводным?!

Проводив Жабку взглядом и убедившись, что ею занялись, я вернулась к грешной жизни и потянулась. Эх, мне бы самой массажик не помешал...

— Данька, — позвал Альтар, напоминая о своем присутствии. Я тут же стушеввалась: потягушки на публике хороши, но не когда ты грязный и потный.

— Пойдем в дом? — предложила я, делая первый шаг.

— А меня леди не пригласит? — Наон не упустил шанса вклиниться в чужой разговор.

— А вас Самаэлен пригласит. Признаться, я не рискну спорить с ее мнением. Сами понимаете, злая коть с полным набором когтей... — Я как бы случайно провела ладонью по плечу, где, если я правильно запомнила, у демона имелись следы драки с нашей Хранительницей. — Лучше подождите здесь. Я скажу ей, что вы изъявили желание пообщаться с ней поближе.

Если я думала, что демона это смутит, то ошиблась. Такой предвкушающей ухмылки я еще не видела. Как будто цветок раскрылся и заблагоухал, вот так демон был рад ожидавшей его перспективе. Нет, я откровенно ничего не понимаю. Может, он еще и не ко мне пришел? Тщеславие кольнуло, но благоразумие победило. Нет демона — нет проблемы. А Самаэлен... Справится она. В конце концов, если Наон мазохист и ему нравится получать когтями, то кто мы такие, чтобы мешать их счастью? Когтей и Наона. Именно в этой последовательности.

— Ко-о-о-оть! — заорала я дурным голосом, чтобы Хранительница не смела игнорировать призыв. — К тебе пришли! И очень хотят пообщаться!

Сделав свое грязное дело, я ухмыльнулась как-то совсем уж жутко, отчего Наон непроизвольно сглотнул: видимо, не учел всех последствий появления копией во дворе. Хотя то, как она на него косилась, прежде чем ушла на обход... Да, все я правильно сделала: пусть теперь сами расхлебывают.

Прошмыгнув в дом, я дождалась, пока Альтар войдет следом, и приникла к щелочке, пытаюсь разглядеть, как проходит объяснение между двумя язвительными субъектами. Конечно, для окружающих станет настоящей карой, если они объединят усилия, но вот если продолжают оттачивать свое мастерство друг на друге, окружающие только выиграют. Итак, вопрос столетия: чем кончится навязанное объяснение демонюги и котяры? Выстоит ли мир?

— Данька, — напомнил о своем присутствии маг, поняв, что я слишком увлеклась подглядыванием за чужой частной жизнью.

— Ага, — не отвлекаясь, отозвалась я. На улице происходило самое интересное: Самаэлен плавно приближалась к замершему демоню.

— Может, отвлечешься ненадолго? — предложил Альтар, трогая меня за плечо.

— Ага, — немногословно ответствовала я, вжимаясь в щелку, как могла.

— Даня-я, — предпринял последнюю попытку мой собеседник. — Они справятся и без чужого внимания.

— Ага. Они — да, а мне же интерес...

Договорить мне не дали. Самым варварским способом подняли в воздух и унесли подальше от заветной щелки. Изверг! Какая Санта-Барбара пропадает!

Пинаться я не стала: глупо выглядела бы половозрелая девица, пинающая воздух. Еще и лишний повод шедшему следом магу посмеяться. Вот чего он так? Подумаешь, посмотрела бы

немного на драку двух хвостатых. Или это потому, что ему самому завидно? Рост не позволил к щелке повыше приникнуть, а ниже — не положено аристократу на полу сидеть и пыль протирать.

— Ни то, ни другое, — устало отозвался собеседник, напоминая мне о маленькой проблемке, о которой я благополучно позабыла надолго избавленная от его общества.

— Вредный ты, — фыркнула я, когда меня опустили на пол.

— И не стыдно? — упрекнул Альтар, усаживаясь в кресло, как будто был у себя дома.

— За что?

— Так обращаться со своим преподавателем, — вздернув брови, напомнил маг. Но что-то мне подсказывало, что он веселится.

— Преподавателем факультативно выбранного предмета! — поправила я и добавила: — А сейчас не твой предмет. И вообще, непедагогично мстить адепту, отправляя на кукурузные поля. И соблазнять чужих жабок — тоже!

Последнее заявление было проникнуто большей эмоциональностью. Еще бы, святое для каждого болотника — жабу переманивать посмел. За это кара полагалась. И не какая-нибудь, а самая жестокая: всю жизнь отравить следовало. Так, чтобы помнил вечно и содрогался. Просыпался и видел — месть все еще идет за ним! Чтобы завтракал со страхом, чтобы...

— Согласен, — усмехнулся маг. — Я думал, это будет сложнее.

— На что согласен?

— На все перечисленное, — рассмеялся маг. — Или не сможешь?

— Еще как смогу!

— Тогда я согласен, — на мгновение сделав серьезное лицо, чопорно произнес Альтар.

— И как ты себе это представляешь?

Я уселась напротив, подобрав под себя ноги и откинувшись на спинку дивана.

— Примерно так, как ты и описала. На всю жизнь. Просыпаться и помнить, завтракать вместе...

— О «вместе» речи не шло! — запротестовала я. Самое дорогое место начало чутко подвох.

— А как иначе ты сможешь выполнить остальные пункты? — ехидно возразил маг.

— Да, провал. Не подумала, — сокрушенно призналась я. — Наверное, не смогу отомстить.

— А попорченную честь болотницы как восстанавливать будешь? Нет, назад никак нельзя.

— И что делать? — разочарованно спросила я, подпирая голову ладошкой.

— Есть один выход. Но он только для очень смелой болотницы. Вряд ли тебе подойдет. — Альтар поднялся со своего места. — Что ж, если месть откладывается, я, пожалуй, пойду.

— Стой! Что там за месть?

Я рванула к двери и забаррикадировала ее собой. Нет уж, сказал «а», пусть и «б» говорит. А то пришел, в болотной чести усомнился!..

Альтар довольно усмехнулся.

— ...и помни, будешь падать — группируйся получше. Жабы тебя обойдут, а вот трасса твердая, — наставляла меня Дженджин, поправляя каску.

Каска, наколенники и налокотники входили в обязательную экипировку всадников и выдавались всем одинаковые, независимо от рода деятельности и подданства. Одинаково громоздкие, черные, они плотно обхватывали выделенную им область. Пока я сидела, их

присутствие не стесняло движений, но вот стоило пройтись — и походка трансформировалась до неузнаваемости. По крайней мере, у меня. Обычная расхлябанность сменялась заржавевшим роботом, и даже отрепетированно вздернутая голова получалась не гордой, а какой-то поломанной и кривой.

— Данька, это что за курица? — поинтересовалась Вита, увидев, как я вышагиваю рядом с Жабкой. Та, в отличие от меня, прекрасно чувствовала себя с седлом. Его, к моей зависти, разрешили принести свое.

— Это сокол, — мрачно ответила я.

— А почему кривой?

— Солнца было мало, витаминов не хватило, — заерепенилась я. Весь оптимизм сдуло ветрами нервозности, которые и не думали стихать.

— Ну, Дань! — Из-за спины Виты показался Трейс с букетом лопухов. — Не будь букой! Смотри, что я для тебя приготовил!

И мне вручили лопухи. Хорошие, раскидистые, собранные вместе, они заменяли зонтик, чем нагло и пользовался болотник, держа их над своей головой.

— Раз мне — отдавай!

— Нет уж! Вот выиграешь — тогда отдам. А пока — не заслужила! — отмахнулся Трейс и отпрыгнул. — Эй, ты чего. Прыгать будешь на трассе, сейчас энергию беречь надо. Там знаешь сколько необогнанных жаб стоит?!

— Сколько? — Стрелочка моего настроения дрогнула и опустилась ниже нуля.

— Много. Но они все не чета нашей Жабке! — бодро заявил Трейс и шепотом добавил: — А еще там принц ходит. Форма такая, цвета неожиданности. Ходит, дуется, все ему не так... Жабка, я же понимаю, на Даньку надежды мало, но хоть ты его накорми чертополохом, а?

— Нечего Жабку плохому учить! — вознегодовала Вита и поймала Трейса за ухо. — Идем отсюда, негодник. Покажу я ему! Что удумал! Чертополох!

Хлопнула дверь, знаменуя их уход, стих и шум. Кажется, действие должно было начаться с минуты на минуту. Выстукивая нечто среднее между похоронным маршем и чечеткой, сопровождая себя трясущимися коленками, я взобралась на Жабку и пристегнулась к седлу. Теперь если и полечу, то ненадолго.

Помедлив, активировала и страховочный амулет, выданный всем ездокам при входе. Пусть на тренировке мы и обходились каким-то чудом, но на большой сцене требовалось соблюдать все требования безопасности, и эту в том числе.

Погладив Жабку по голове, я наклонилась к ней и прошептала:

— Мы справимся.

Земноводное довольно квакнуло: уж кто-то, а оно было уверено в исходе состязания.

Объявление участников прошло мимо меня. От волнения я не могла ни на чем сосредоточиться: то смотрела на трибуны, то прислушивалась к голосу комментатора, то считала про себя овечек, а то и вовсе исполняла гамму на пупырышках зеленой красавицы подо мной.

Наверное, я бы и построение пропустила, но Жабка не дремала. Заметив, что вынесли заветный флажок, она устремилась к одной из дорожек, которые резко оборвутся, стоит нам пересечь стартовую черту.

— Думаешь, все пройдет гладко? — спросила я у нее, но больше у себя.

Рядом кто-то фыркнул, подслушав мою реплику. Я обернулась (к сожалению, смотреть приходилось против солнца), но ничего, кроме описанной болотниками желтой формы, не смогла разглядеть. Принц, ну еще бы, у него уверенности на пятерых хватит, а сомнения, судя по осуждению в глазах окружающих, на всю дюжину.

Здрав нос, я отвернулась. Жабка последовала примеру вышесидящих и резко дернула голову

в сторону, чуть не перекинув меня на чужую дорожку.

Желтый снова фыркнул, но сейчас это было заслуженно, и мне пришлось сдержаться. Было такое неписаное болотное правило: взялся надуваться — делай это с достоинством. С последним не получилось — сам виноват.

Нас прервали силы притяжения. Отпущенный судьей платок спланировал на землю, и с десяток жаб вырвались на трассу, дорвавшись до заветного соревнования. Седокам оставалось только сдать на милость своих разом ставших неуправляемыми созданий.

Из-за пыли обзора практически не было. Мысленно простонав, я вцепилась покрепче в поводья, пригнулась к седлу и понадеялась, что моя Жабка проявит милосердие и скорее выиграет эту гонку. Тогда мы сможем быстренько пробраться на трибуны и смыться домой, пока нас не затоптали противники и фанаты. Обожаемых я боялась больше всего. Причем преимущественно своих.

Узнав, что в этом году надрать уши пришлому принцу вызвалась бедная и маленькая я, народ возлюбил героиню и всячески пытался поддержать ее, то бишь меня, во всех благих начинаниях. Из-за их попыток я успела три раза упасть с Жабки на ровном месте, стать заикой и обзавестись нервным тиком. Если бы не Трейс, который от нечего делать и высочайшего приказа бабули сопровождал меня теперь везде, я бы, наверное, до гонок не дождала: скончалась от шока.

Над головой разносились какие-то звуки, но собрать их в слова не выходило. Пытаясь проявить врожденное любопытство, я изредка отрывалась от разглядывания пупырышек и поднимала голову, получала мухой в очки, успокаивалась и изгоняла из головы глупые мысли.

Желто-коричневая форма выплыла впереди. Жабка взбрыкнула и прибавила скорость: проигрывать иностранной курице гриль она не собиралась. Тридцать секунд, отделявшие нас от первой ленточки, втиснулись в двенадцать. Жабка успела первой, обогнав дриадского выкормыша на полкорпуса. Я сползла на песок и постаралась не очень громко орать от радости: мир вокруг кружился, но ноги стояли на твердой земле.

Жабка довольно боднула меня в живот и замерла, ожидая похвалы за великолепную работу. Ну как тут отказать? Погладила и даже обняла это пыльно-слинявое создание. Хорошо хоть, земноводное и само себя ощущало не очень. И целоваться не полезло.

Вокруг со стонами и возгласами предавались тому же занятию окружающие седоки. Только желто-коричневый недовольно сидел в отдалении и оттирал грязь с лица салфетками. Ему бы форму сменить, а то старайся или нет, все равно запомнят грязнулей.

Я потянулась, разминая мышцы, и посчитала окружающих. Выходило, что ждем мы еще кого-то одного, а там гонка продолжится, и мы минует еще одну четверть трассы. Всю же ее нам предстояло пройти на последнем, финальном этапе.

Солнце нещадно пекло, но даже оно не способно было разогнать наведенный туман. Чтобы ни зрители, ни участники не знали особенностей следующей стадии гонок, их скрывали до момента старта. Но вот упадет платочек судьи, и будет нам счастье: болото, или песок, или и вовсе лес, — пока никто не мог сказать точно.

— Нам бы что подошло? — спросила я у своей красавицы. На горизонте показался последний участник следующего этапа забега.

— Ква! — многозначительно выдала Жабка и посмотрела мне прямо в глаза в поисках поддержки.

— Ага! — подбодрила ее я, не представляя, что выбрало земноводное. Но для поддержания боевого духа сойдет и так.

Краем глаза засекала поднимающегося на вышку судью и поспешила забраться на Жабку. Та даже и не заметила, охотясь на мух, которых как будто специально запустили на площадку для отдыха, чтобы земноводные могли перекусить. И, как часто водится, о ком-то забыли. Говоря откровенно, о хозяевах зеленых и в пупырышках.

Отмахиваясь от особенно приставучей мухи, которая не соответствовала гастрономическим предпочтениям Жабки, я слушала объявление результатов первого забега. Нас осталось двенадцать, то есть я и еще одиннадцать бедолаг, призванных изображать новомодные жабы шарфики в следующем заезде, который должен был начаться с минуты на мин...

Жабка сорвалась на бег, не заботясь о хрупкой душевной организации хозяйки и тем более ее мыслях. Все, чего желало в данный момент земноводное, находилось в двух кругах от нее и сопровождалось особой попой и годичным комплектом привилегированного питания. И пусть последнее у нее и так было самое что ни на есть привилегированное и известное, но вот заслужить попонку и внесение себя в анналы гонок Жабка хотела истово и неуклонно.

А вокруг порхали ящерики и хлюпала тина, болотный участок проходил на ура. Получив в лицо шмат грязи, я перестала интересоваться трассой, только шепнула Жабке «отомсти им» и попыталась оттереть лицо в полевых условиях. Отвратный запах жижи подсказывал, что целебных свойств у нее пруд пруди и наличие ее на трассе — подарок от администрации. Увы, мой возраст не позволял оценить всех омолаживающих свойств этого бесценного вещества.

Приноровившись к темпу, я попыталась прикорнуть прямо на Жабке. Интересно, такое уже случилось? Всадник заснул на своем земноводном во время забега? Прославиться, что ли? И только я попыталась поддаться этой здравой мысли, как мимо нас, рассекая амбре, пронесся желто-коричневый.

«А я лечу, а я лечу опять по кочкам бочкой прямо в эту грязь», — только и успела я сочинить на повороте, когда Жабка особенно накренилась. Моя коленка коснулась болотной жижи и... Впрочем, эти форменные бриджи все равно не шли к зеленоватому цвету моего лица. Так что не жалко!

Экстренное торможение, совершенное прямо перед заветной ленточкой, надолго останется в моей памяти. В мультиках так любили изображать парнокопытных, внезапно испугавшихся и севших на попу, но то в мультиках. Ожидать, что воспитанная и бесстрашная Жабка, как какой-то ослик, усядется на попу и проедется на ней парочку метров, я не могла.

Вспомнились глисты, которых кошки старательно распространяют по всему своему обиталищу подобным образом, и глаз непроизвольно дернулся. Увы, до мест не столь отдаленных, оборудованных умывальником, еще нужно было дойти: не озаботились организаторы переносными удобствами, не поставили их прямо посередине трассы. Нехорошие.

Аккуратно спешившись, я обошла Жабку по дуге и остановилась прямо перед ее носом. Въехать в нас сзади вроде бы никто не должен: земноводное немного отползло в сторону, да и гужевого транспорт — не автомобильный. Испугаться до сумасбродных прыжков может, но хоть какое-то чувство самосохранения имеет, чтобы исполнять свои сальто в другую сторону.

— Жабк, ты как? — озадаченно спросила я у зелененькой. Та поднялась и тряхнула мордой, отдав меня то ли слюной, то ли пылью. — Ну вот и что это было?

Понятное дело, хвостатое промолчало. И я бы тоже, наверное, молча удалилась умываться, но обернулась назад и увидела повторение Жабкиного поведения. С недоумением я лицебезрела, судя по всему, явно неприличный жест со стороны земноводного, которое было обращено... Я проследила за поворотом морды скакуна, сверилась с Жабкой и вздохнула: если всадники между собой сохраняли нейтралитет, то жабы не преминули высказать товарке все, что думали о ее предательстве. Но то ли товарка попала не совестливая, то ли ее неплохо подготовили, но жаба принца только квакнула и отвернулась от сырых и убогих.

— Ну вот и зачем? — Я погрозила своей красавице. — Выставила себя пупырчатой хамкой! Я понимаю, коллектив решил, что ее надо анафеме предать, но смотри, как она себя ведет! — Я ткнула в довольное сытными мошками земноводное. — А вы себя мелкими и завидующими выставили. Теперь, если они выиграют, позор будет не ей, а вам. За неспортивное поведение и мелочность.

— Оставь, — похлопал меня по плечу Альтар. Принесли же демоны его сюда в такой час. Не положено кикиморе нотации читать! Это же дидактизм и нравоучения, и кому?! Твари бессловесной!

— Да я как бы... — смутилась я, но подленькая мыслишка о том, что плечо-то у меня грязное было, а теперь и сам Альтар неидеален... Да, глупая мысль, пусть идет лесостепью на Кудыкину гору.

— Идем, умоешься, — прервал меня маг и погрозил Жабке: — Веди себя хорошо.

Земноводное бодро поймало комара и довольно хрумкнуло. Я тягостно вздохнула: копчик подавал печальные сигналы, предупреждая о предстоящем разговоре. И вот его я бы с удовольствием отложила на потом.

— А разве можно уходить с линии?

— Сейчас — да, — скупой ответил маг и пояснил: — Дриады что-то не поделили между собой, в итоге застряли в топи. Их сейчас оттуда будут доставать. Не сидеть же им там до конца гонки? Вас отпустят на два часа технического перерыва. Жабку сейчас заберет кто-нибудь из твоей команды.

Последнее уточнение было излишне, ибо к Жабке спешил Трейс с нашим поместным жабковедом. Что же, если отвертеться не удастся...

— Я еще не решила! — громко, чтобы никто не усомнился, заявила я.

— Умойся — и все решишь, — заговорщицки подмигнул мне магистр.

— А какая связь? — не поняла я, бодро семена к оплоту чистоты. Хм, а если не выходить из душа, пока не объявят общий сбор за пять минут до старта...

— Я все слышу, — напомнил мне коварный маг.

— А мог бы и промолчать! — обиделась я.

— Не могу, нужно решить в ближайшее время.

— И зачем тебе так быстро? Как будто месяц что-то изменит.

— Месяц — может, и нет, но ты сама веришь, что через эти тридцать дней честно ответишь на мой вопрос, а не попытаешься улизнуть?

— Не попытаюсь, — обиженно отмахнулась я, понимая, что еще как буду драпать от ответственного решения. И, вполне возможно, мне удастся перетерпеть тяготы и лишения отсутствия ужина где-нибудь в Аццком королевстве. Таон же, помнится, проспорил мне желание, вот пусть и терпит. Если еще и его брат поддержит...

— И думать забудь, — нахмурился Альтар, подходя ближе. Как будто его запах болота нисколько не волновал! — К демонам без должной подготовки, с твоей выдержкой...

— Вполне себе и здорово, — хмыкнула я. — А вот с подготовкой будет скучно.

— Зато безопасно и без последствий для тебя лично и твоих друзей.

— А о каких последствиях может идти речь? — внутренне радуясь, что мы ушли от опасной темы, спросила я. Двери раздевалки появились в зоне видимости, и я бросилась к ним, как к родным и долгожданным. Последнее, кстати, было истинной правдой. Грязь начала подсыхать, твердеть и стягивать мне все пораженные участки кожи. Нет, конечно, здорово, черные точки повытягивает, прыщи подсушит, кожу омолодит...

— У тебя нет прыщей, — убил всю мою радость маг и вошел вслед за мной в раздевалку. Нет, это же все границы переходит. Взял и зашел, а вдруг я бы душ принимала?! — Увы, это невозможно. Душевые находятся дальше, — уведомил меня осведомленный изверг.

Задаваться вопросом, есть ли у некоторых совесть и кикиморолюбие, я не стала: ответ лежал на поверхности и пахивал чем-то неприятным. Тяжело вздохнув, отчего маска треснула и окропила пол кусочками грязи, я открыла воду и принялась смывать с лица целебную почву родного региона.

Альтар ждал. Покосившись в его сторону, я заметила, что, в отличие от Трейса и Джейса, не любивших наблюдать за косметическими изысканиями своих боевых подруг, маг смотрит с интересом и даже с какой-то нежностью. Хм, странное поведение, но, может, ему так грязь угодила?

Из лучших побуждений я начала думать, где отыскать лопату и ведро, чтобы под покровом ночи (не уберут же организаторы трассу за пару часов?) накопать в подарок целебных смесей.

— После окончания соревнований вам выдадут лопатки, мешки и ведра, — поделился знаниями маг.

— И копать разрешат? Ау... — В глазах защипало, напоминая, что отвлекаться во время отмывания чревато болевыми ощущениями в области... везде, чем ушибешься не глядя.

— Да, но помогать не будут, — предупредил маг. — Поэтому, если собираешься что-то выносить, рассчитывай силы.

— И помощников брать нельзя?

— Только если члены семьи, — хитро усмехнулся Альтар и добавил: — Сомневаюсь, что ее величество или ее высочество захотят копать безусловно ценные, но изрядно испорченные гонкой материалы.

— А ты? — Необходимость найти помощника немного примирила меня с необходимостью что-то ответить магу на его весьма неделикатный вопрос.

— Если ты согласишься портить мне жизнь до скончания времен, — пожал плечами Альтар. — Иначе мне тоже не положено в грязи копаться.

— Да я же не себе! — вознегодовала я и зашарила рукой в поисках полотенца. Во рту все еще ощущался вкус болота. — И мыло подай, если найдешь.

Брусочек чистоты лег мне прямо в ладонку, чтобы потом оказаться во рту. Да, противно, но чем еще перебить грязевое зловоние? Главное, чтобы никто не увидел, как я тут попираю ценности рода кикимориного.

— Не волнуйся, они и сами так поступают, — утешил меня Альтар и, дождавшись, пока я промою рот, сунул мне полотенце. — Итак, что ты решила?

— Надо копать, — призналась я, вытирая лицо и пытаюсь высушить случайно сунутые под воду прядки.

— Сама?

— А ты точно не поможешь? — жалобно поинтересовалась я, понимая, что в угол меня загоняют собственная скупость и жадность и классовая жажда выгоды.

— Условия моей помощи я озвучил, — развел руками улыбающийся маг. Хорошо ему, всего лишь ведра потаскать, а мне потом всю жизнь его мучить. Это же сколько сил и трудов приложить придется, чтобы ни секунды покоя ему не давать?!

Застонав от несправедливости бытия, я уселась прямо на пол, подперла рукой подбородок и серьезно спросила:

— А не передумаешь?

— Никогда, — подтвердил маг, усаживаясь напротив.

— И ужин всегда будет?

— Если ты захочешь.

— Я готовлю плохо, — пошла на попятную я.

— Зато я хорошо.

— И убираться не люблю, — продолжала создавать антирекламу бедная кикимора, которой даже жалко стало несчастного собеседника.

— Найму кого-нибудь.

— И вышки у меня нет.

— Будет, — не поддался на провокацию маг.

— И...

— И все остальное тоже решаемо, — заверил Альтар, поднялся и протянул мне руку: — Идем, на гонку опоздаешь.

— А копать поможешь? — не успокоилась я, продолжая его донимать.

— И копать помогу, но только после твоего официального согласия.

— Официальное — это как?

— Это громко и искренне, и чтобы вот это, — Альтар извлек из-под моего воротника цепочку с кольцом, — оказалось вот здесь. — И мне нежно погладили пальчики.

— Оно одно, на все не налезет, — хмыкнула я из духа противоречия.

— Подарю еще. — Он взъерошил мои волосы и быстро поцеловал в лоб. Конечно, его я лучше всего отмывала!

— А родственники у тебя страшные? — сдаваясь, спросила я.

— По сравнению с твоими — сущие ангелы.

— Не смей обижать маму! — фыркнула я и ткнула его локтем в бок.

— Я про королеву, — отступая на шаг, признался Альтар, поднимая руки вверх, как будто сдавался.

— Коха тоже хорошая, — недобро усмехнулась я.

— Очень хорошая, — согласился маг и добавил: — Значит, с моей семьей проблем не будет. С братом ты уже знакома.

— Ага, — подтвердила я, вспоминая Лиана. Да уж, проблем не будет! Одна сплошная проблема — его младший брат.

— Отца я уже предупредил, он полностью согласен с моим выбором. Сказал, что наконец-то я начал думать о серьезных вещах.

— Это о каких? — покраснела я, но мое смущение жестоко обломали.

— О стране, — хмыкнул маг.

— А какая связь между?..

— Самая прямая, — усмехнулся Альтар и подтолкнул меня к выходу. — Решай, если ты согласна, то после гонки я буду ждать тебя у третьего сектора с лопатой, если нет...

И я была бы рада отказаться, все же он хотел очень многого, но... Вспомнился наш первый ужин на болоте, когда Альтар впервые столкнулся с абсолютной непригодностью одинокой и голодной кикиморы, которая бродила по лесу и пыталась найти ягодок, ибо запасы готовых блюд кончились. Вспомнился подъем по лестнице отеля и последующее утро с чтением нотаций и обреченной физиономией мага, которому подсунили даже не проблему, а настоящую катастрофу. Вспомнился побег по кукурузному полю и нашествие слизней, за которое Альтар все еще не расплатился как следует. Вспомнилась постановка и некоторые особенно запоминающиеся моменты, от которых кровь начала приливать к щекам, а кончики ушей попытались спрятаться под гриву. Вспомнилось... да все вспомнилось. И по совокупности...

— Бери две лопаты, — простонала я, хватаясь за голову.

— И дополнительное ведро? — прагматично осведомился маг, пытаясь скрыть довольную усмешку.

— Угу, — грустно согласилась я.

— Дань, — позвал маг, обнимая меня за плечи, — все не так страшно, как кажется.

— Это тебе не страшно, ты моих уже видел. А вот кто такие твои...

— Поверь, мои мало отличаются от твоих. Род деятельности у них похожий.

Мне поплохело.

— Насколько похожий?

— Похожий, — загадочно улыбнулся Альтар и снял кольцо с цепочки. — Будет лучше, если ты его прямо сейчас наденешь. Не хочу, чтобы на мою отважную гонщицу засматривался кто-то еще.

— Вредина, — буркнула я. — А мне, значит, ревновать?

— Да кому я нужен в стране, полной болотников? — развел руками маг и, посмеиваясь, ушел на трибуны.

Я хмыкнула: кому попало, может, и не нужен, а вот мне в самый раз! Я еще раз взглянула на ставшее родным колечко и довольно прищурилась: отдавать теперь точно не придется. Мое. Навсегда мое!

Послесловие,

без которого никуда

«Ну же, ну еще чуть-чуть!» — мысленно вопила я, вцепившись в луку седла. Жабка неслась со всех ног к заветной ленточке. Времени, чтобы оглянуться, не было вовсе: противный желтый всадник буквально бодал мне пятки. Его жаба противно квакала, пытаясь утратить мою милую красавицу. Трибуны замерли в ожидании, но не выдержали и разразились не очень приличными пожеланиями в адрес моего преследователя.

Ленточка последний раз щегольнула своей чистотой и цельностью, я зажмурилась, Жабка поддала газу... Скамейки заскрипели, кому-то стало плохо, красты вырвались из клетки, я открыла глаза и едва не выпала из седла. Нет, не потому, что Жабка решила перекусить ленточкой, чтобы уж точно никому не досталась, и не потому, что желтый уронился из седла и раскинулся звездочкой на песке, а потому, что эта звездочка очень уж напоминала мне одного знакомого. Такого проблемного и компанейского, со старшим братом в придачу и (как там все говорили?) прынцевским титулом.

На негнущихся ногах я подошла ко второму финалисту. Довольно щурясь и опустив на лицо каску, чтобы не так пыльно было дышать, он продолжал изображать немощную девицу в обмороке. Переглянувшись с Жабкой, я дрожащей от адреналина рукой стянула с лица конкурента головной убор и обреченно простонала.

Да уж, похожи, еще как похожи наши сумасшедшие семейки. И этот, как его, нелюбитель болотников. Вот что он на соревнованиях забыл? Судя по раздававшемуся снизу смеху, я говорила вслух.

— Так нечестно! Вот что ты тут забыл? — недовольно буркнула я, вцепилась в руку парня и дернула его вверх, заставляя подняться.

— Честно-честно! — не согласился юноша, отступая. — Или вы думали, что будете копать вдвоем?! Как бы не так, я вас наедине до свадьбы не оставлю! А то увлечетесь, а копать кто будет?! Думаешь, я ради удовольствия в этом всем участвовал?..

Он говорил еще долго, жалуясь на всех и каждого, но я уже не слушала. Прищурившись, я следила за трибунами, пытаясь разглядеть одного нехорошего человека, с которым мне предстояло накопать не одно ведро. И закат с рассветом не спасут его, пока не раскается и не устыдится, не будет ему спасения, конспиратор!

— Альтар, ты аккуратней с ней, — до меня донесся голос Лиана, глухо так, как будто он спешно убежал. — Она уже глазами сверкает! Ты спроси, у нее хоть прививка есть...

— Нету! — заверила я и помчалась вперед. Нет, не за Лианом — за ведрами. Их уже начали выдавать. И что самое отвратительное, не только участникам, но и зрителям.

Примечания

1

Facepalm — лицо, закрытое одной рукой.